

СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

БАКУ—1985

2

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 2

МАРТ—АПРЕЛЬ

БАКУ—1985

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Г. А. АБДУРАХМАНОВ, З. А. АХМЕТОВ, Н. А. БАСКАКОВ, М. З. ЗАКИЕВ,
С. Н. ИВАНОВ, С. К. КЕНЕСБАЕВ, А. Н. КОНОНОВ, Х. Г. КОРОГЛЫ,
М. К. НУРМУХАМЕДОВ, Б. О. ОРУЗБАЕВА, Г. З. РАМАЗАНОВ,
И. С. СЕИДОВ (заместитель главного редактора), Э. Р. ТЕНИШЕВ, Е. И. УБРЯТОВА,
Б. Ч. ЧАРЫЯРОВ, М. Ш. ШИРАЛИЕВ (главный редактор)

Ответственный секретарь — Н. Г. НАДЖАФОВ

Адрес редакции: 370143, ГСП Баку-143, просп. Нариманова, 31. Академгородок.

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

В. Г. ГУЗЕВ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ТЮРКСКОГО СЛОВОИЗМЕНЕНИЯ В ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

В последние десятилетия разработка теории строя тюркских языков сформировалась как самостоятельная отрасль тюркского языкознания, которая не только учитывает богатый опыт развития тюркологической мысли, начиная с О. Бётлингга, П. М. Мелиоранского, В. А. Богородицкого, но и стремится активно взаимодействовать с теоретическим общим языкознанием, пользуясь достижениями последнего и способствуя уточнению ряда его положений. Не случайно в резолюции Третьей всесоюзной тюркологической конференции (Ташкент, 1980) была выдвинута задача дальнейшего развития теории тюркской грамматики.

Для любой науки является важным совершенствование ее категориального аппарата. В настоящей работе предлагается трактовка некоторых базовых понятий грамматики применительно к тюркскому материалу и уточняются отдельные положения, сформулированные ранее¹. Автор при этом опирается на нижеследующие, по необходимости конспективно излагаемые, положения теоретического общего языкознания, в которых в значительной мере находит выражение функционально-семантический подход к языку.

1. Признается необходимость стремления к берущему свое начало в трудах И. А. Бодуэна де Куртене и Ф. де Соссюра последовательному разграничению двух тесно взаимосвязанных объектов — языка и речи.

2. Язык (языковая система) в качестве объекта науки должен рассматриваться прежде всего как онтологическая реальность и явление объективное. Так же, как и психика человека в целом, как мышление и сознание, язык — атрибут субстанции, функция, свойство, способность человека, являющегося субъектом мышления и речевой деятельности и представляющего собой материальное, объективное, общественное по своей сути существо². Язык следует трактовать как естественный ком-

¹ В. Г. Гузев, Д. М. Насилов. К интерпретации категории числа имен существительных в тюркских языках. — «Вопросы языкознания», 1975, № 3, стр. 98—111; *их же*. Словоизменительные категории в тюркских языках и понятие «грамматическая категория». — «Советская тюркология», 1981, № 3, стр. 22—35; В. Г. Гузев. Проблемы основного и медиального залогов в функциональном аспекте (на материале староанатолийско-тюркского языка). — «Советская тюркология», 1984, № 5, стр. 59—63; *его же*. О значениях взаимного и понудительного залогов (на материале староанатолийско-тюркского языка) (представлена в редакцию журнала «Советская тюркология»).

² См.: Э. В. Ильенков. Диалектическая логика. Очерки истории и теории. М., 1974, стр. 19—54; П. В. Копнин. Диалектика, логика, наука. М., 1973, стр. 178—184; В. З. Панфилов. Гносеологические аспекты философских проблем языкознания. М., 1982, стр. 10—11; Б. А. Серебрянников. О материалистическом подходе к явлениям языка. М., 1983, стр. 5—55.

муникативный механизм, как оперативное (то есть приводимое в действие при каждом акте коммуникации) знание³, которое участвует как в порождении и восприятии знаков (составных единиц речи), так и в построении и истолковании высказываний (коммуникативных единиц речи).

3. Минимальные односторонние составные единицы языка — образы знаков и ассоциированные с ними языковые значения (семантемы), — будучи элементами знания, не могут не быть обобщениями, абстракциями. Образы знаков — обобщенные образы речевых знаков, каждый из которых обладает, как известно, некоторой вариативностью. Значения — специализированные абстрактные образы вещей, свойств или отношений, существующих в природе, обществе или в человеческой психике. Таким образом, действительно «всякое слово обобщает»⁴ и «в языке есть только общее»⁵.

4. Сказанное выше означает, что как минимальные двусторонние фондовые единицы языка (монемы), так и его структурные единицы всех уровней тоже не могут не быть обобщениями, абстракциями. В частности, морфологические единицы — это или монемы с грамматическими значениями, или абстракции, представляющие собой знание способов, моделей, правил словообразования и словоизменения (см. об этом ниже).

5. Речь, или текст, — это знак (производимое людьми с помощью физиологических и физических средств и воспринимаемое посредством органов чувств физическое образование) или развернутая во времени и пространстве комбинация, линейная последовательность знаков, которые выступают в качестве репрезентантов языковых значений и (через посредство значений) какого-либо мыслительного содержания. Речь — материальное звено акта коммуникации⁶.

6. Язык (языковая система) и речь составляют неразрывное единство, и существование одного невозможно без существования другого. Они лишь разные стороны того, что и «есть важнейшее средство человеческого общения»⁷, то есть язык в широком смысле слова — это специфически человеческое орудие коммуникации и вербального мышления, способность людей обмениваться опытом с помощью знаков.

7. Ведущей, первичной должна признаваться коммуникативная функция языка. Его участие в мышлении, особенно в вербальном, рассматриваемое обычно как его отражательная функция, может расцениваться лишь в качестве функции, производной от коммуникативной⁸. Сказанное относится и к так называемой экспрессивной функции языка⁹.

8. Если сущность языка заключается в том, что он орудие общения, то, следовательно, и сущность любого его компонента тоже определяется нуждами коммуникации, и каждое языковое средство может быть правильно познано только в том случае, если исследователь в состоя-

³ Г. П. Мельников. Системология и языковые аспекты кибернетики. М., 1978, стр. 267—290.

⁴ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 246.

⁵ Там же, стр. 249.

⁶ См.: Ф. де Соссюр. Труды по языкознанию. М., 1977, стр. 51—53; Г. П. Мельников. Указ. раб., стр. 276.

⁷ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 25, стр. 258.

⁸ Ср., например: В. Б. Касевич. Элементы общей лингвистики. М., 1977, стр. 5—6.

⁹ В. З. Панфилов. Указ. раб., стр. 18—117.

нии установить его место в механизме языка и выяснить характер его участия в процессах речевой деятельности.

9. Языковые значения как важнейшие компоненты языковых единиц также не могут не быть специализированными, приспособленными для осуществления коммуникации социально значимыми абстрактными мыслительными образами. Их функционально-коммуникативная сущность обуславливает их важнейшие свойства: необходимую стабильность, консервативность и приблизительную одинаковость у разных носителей языка¹⁰.

10. Собственно языковую семантику — значения, или семантемы, — необходимо отличать от смыслов как неязыковой семантики, то есть единиц мыслительного содержания, которое передается в актах коммуникации посредством языковых и речевых средств¹¹. отождествление значений и смыслов означает смешение языка и мышления, что противоречит современным научным представлениям о мыслительной и речевой деятельности человека¹².

11. Языковые значения — объективно существующие реальности, и в этом смысле они представляют собой самостоятельные скрытые от непосредственного наблюдения субстанции, проявляющие себя в актах коммуникации через передаваемые с их (значений) помощью смыслы.

12. Взаимосвязь, взаимодействие языка и речи (в синхронии и диахронии) весьма емко охарактеризованы словами: «язык одновременно и орудие и продукт речи»¹³. Как было отмечено выше (пункт 2), посредством и на основании языковых единиц коммуниканты производят и воспринимают единицы речи.

13. Путь научного познания языка проходит через речь: факты, содержащиеся в речи, — это поддающиеся непосредственному наблюдению конкретные, единичные реализации свойств скрытых от наблюдения элементов языкового механизма. В речи — явления, единичное, в языке — скрытая суть коммуникативных средств, общее.

14. Правомерным представляется называть функционально-семантическим такой исследовательский подход к фактам речи и языка, который характеризуется, во-первых, признанием коммуникативно-функциональной природы языка, всех его подсистем и единиц, во-вторых, принятием положения о том, что именно связи между языковыми семантическими единицами в первую очередь формируют структуру языковой системы (и, следовательно, структура морфологического фрагмента языка определяется связями между грамматическими значениями морфем и форм)¹⁴, и, в-третьих, направленностью внимания главным образом на выявление собственно языковой семантики, в частности, грамматических значений, которые рассматриваются как наиболее скрытые, существенные стороны фондовых и структурных морфологических единиц.

15. В идеале языковедческая терминология, по-видимому, должна стремиться к последовательному разграничению соотносительных единиц языка и речи. В современном языкознании процесс дифференциации понятий и терминов в этом направлении находится пока еще в одной из начальных стадий. Широко распространено обозначение соотноситель-

¹⁰ Г. П. Мельников. Указ. раб., стр. 253—266.

¹¹ Там же, стр. 253—258, 267—290; А. В. Бондарко. Грамматическое значение и смысл. Л., 1978.

¹² См., например: Б. А. Серебренников. Указ. раб., стр. 76—111 и сл.

¹³ Ф. де Соссюр. Указ. раб., стр. 57.

¹⁴ См.: В. М. Солнцев. Язык как системно-структурное образование. М., 1971, стр. 21; Г. П. Мельников. Указ. раб., стр. 258—266.

ных единиц языка и речи одним и тем же термином. Признавая неизбежность в силу укоренившихся традиций двузначности многих терминов в современном метаязыке лингвистики, можно тем не менее стремиться к следующему, например, терминологическому разграничению относительных единиц (термины следуют в порядке: речь/язык): знак/монема, слово/госсема, знаменательное слово/лексема и лексическая морфема, служебное слово/служебная госсема, аффикс и аналитический показатель/служебная морфема, словоформа/форма или категория, высказывание/предложение.

Грамматика (морфология) и лексика. Опыт исследовательской работы убеждает, что под морфологией грамматисты обычно понимают такую подсистему языка, которая, во-первых, включает распределение лексики по частям речи и, во-вторых, представляет собой совокупность способов преобразования слов с целью создания новых слов или построения словоформ.

Распределение лексики по частям речи опирается на различные ведущие признаки. Как справедливо писал Э. В. Севортян, «каждая часть речи имеет свои ведущие классификационные критерии»¹⁵, однако знаменательные единицы, согласно представлениям, берущим свое начало в трудах Л. В. Щербы, делятся на классы по семантическим признакам — в зависимости от классифицирующего грамматического значения лексем (предметности, качественности, обстоятельственности, процессуальности и др.). Эти значения, возможно, и обуславливают специализированную способность единиц одной части речи выступать в высказываниях в той или иной грамматической форме (скажем, падежа, залога и т. п.).

Что же касается преобразования слов, то ту его разновидность, которая носит регулярный характер и представляет собой совокупность устоявшихся, отработанных языком способов ограниченного (то есть совершаемого в пределах сохранения узнаваемости слова коммуникантами) видоизменения, модификации слов, условимся именовать **техническим преобразованием**.

Сделанные уточнения позволяют трактовать морфологию как фрагмент грамматики, состоящий, по всей вероятности, из двух ориентированных, одна на другую языковых подсистем: 1) той, которая распределяет лексические единицы по лексико-грамматическим классам, и 2) той, которая «ведает» техническим преобразованием слов, производимым с какой-либо содержательно-коммуникативной или формально-грамматической целью.

Техническое преобразование слов с формально-грамматической целью занимает в тюркских языках весьма скромное место. Примером может служить форма родительного падежа ряда местоимений при послелогах [пример из Юнуса Эмре: *bānım bigi* '(такие,) как я'].

Содержательно-коммуникативное преобразование слов представлено двумя разновидностями: словообразовательными и словоизменительными операциями (см. ниже).

Аффиксация — несомненно, ведущий (хотя, конечно, и не единственный) способ технического преобразования слов в тюркских языках. Аффиксы и близкородственные им аналитические показатели репрезентируют в речи словообразовательные и словоизменительные (служебные) грамматические значения, а знаменательные слова — лексические значения, в составе которых справедливо различают вещественные и

¹⁵ Э. В. Севортян. К проблеме частей речи в тюркских языках. — В кн.: «Вопросы грамматического строя». М., 1955, стр. 225.

классифицирующие грамматические (частеречные) значения¹⁶. Соотносительные внутриязыковые единицы как носители перечисленных значений должны, очевидно, истолковываться как **фондовые морфологические единицы**, которые и следует именовать собственно **морфемами**, различая, конечно, словообразовательные, словоизменительные (служебные) и лексические морфемы. Необходимо подчеркнуть, что лексическая морфема — это, собственно говоря, лексема, рассматриваемая как морфологическая единица, как носительница классифицирующего грамматического значения. Иными словами, речь идет о двуликой единице, являющейся компонентом двух подсистем языка — лексической и морфологической, что находится в полном соответствии с упомянутой точкой зрения о двухкомпонентности лексических значений.

В развитие тезиса о взаимной ориентированности обеих морфологических подсистем естественно полагать, что за лексемами закреплена информация об их способностях подвергаться тем или иным разновидностям технических преобразований, а за формантами — об их участии в преобразовании определенных слов.

Понятия «техническое преобразование слов» и «грамматическая ориентированность морфем» позволяют приблизиться к решению вопроса о границе грамматики (морфологии) и лексики. Сквозь призму этих двух понятий искомая граница в тюркских языках обнаруживается между служебными морфемами как средствами технического преобразования слов и как элементами, грамматически ориентированными, с одной стороны, и служебными глоссемами (служебными словами) как элементами, не причастными к техническому преобразованию слов и не специализированными обслуживать какую-либо определенную часть речи.

Значения частиц, послелогов и союзов являются служебными, поскольку они несамостоятельны и фактически отражают **свойства и отношения** предметов, признаков, обстоятельств, количеств, действий. Однако эти значения не могут быть признаны грамматическими именно в силу непричастности их носителей к механизму технического преобразования слов и отсутствия у последних грамматической ориентированности. Иными словами, различение грамматических и неграмматических служебных значений следует связывать не с внутренними свойствами, природой этих значений (сами по себе они могут быть совершенно одинаковыми), а исключительно с причастностью или непричастностью их носителей к морфологическому механизму языка.

С изложенных позиций, например, падежные показатели и формы являются единицами морфологии, а послелоги, союзы, частицы — единицами лексики. При этом, естественно, следует полагать, что отдельные элементы могут находиться непосредственно на самой границе (как, например, староанатолийско-тюркские или турецкие послелоги *ilâ*, *içün*, способные входить в состав словоформ).

Морфология, словоизменение, словообразование. Механизм технического преобразования слов морфологического фрагмента языка распадается на подсистемы словоизменения и словообразования.

Тюркское словоизменение в самом общем виде — это такое техническое преобразование слов, при котором по преимуществу производится сопряжение лексических значений со служебными (преобразование знаменательных слов) или одних служебных значений с другими (преобразование служебных слов) и которое находит речевое воплощение в

¹⁶ А. А. Реформатский. Введение в языковедение. М., 1967, стр. 252.

построении словоформ. Необходимо подчеркнуть, что сказанное относится исключительно к преобразованию слов с содержательно-коммуникативными целями.

Соотносительное понятие технического (в первую очередь аффиксального) морфологического **словообразования** предлагается трактовать как такое преобразование слова, при котором возникает новое значение, то есть образ иной реалии, иного элемента объективной действительности, и в языке появляется новая, отличная от производящей лексическая единица, а не словоформа.

Таким образом, словоизменительная операция приводит всего лишь к окказиональному сочетанию знаков в речи, а словообразовательная не только находит речевое выражение, но и изменяет лексический фонд языка. Вместе с тем техническое преобразование слов имеет разную значимость для словоизменения и словообразования: для первого оно — явление экспонентного уровня, отражающее его суть (экономный способ добавления служебного значения к лексическому при неизменности последнего), а для словообразования — это только один из морфологических способов создания лексем и сигнал возникновения иного лексического значения. Сказанное подчеркивает глубокое различие между двумя рассматриваемыми подсистемами языка, определяемое прежде всего различием их коммуникативного предназначения.

Итак, словоизменение — это, с одной стороны, фрагмент механизма технического преобразования слов, с другой — один из способов сочетания лексических значений со служебными или одних служебных значений с другими, производимого, добавим, для передачи того или иного мыслительного содержания, то есть смысла, в составе которого также необходимо различать вещественную и служебную информацию.

Фондовые и структурные словоизменительные единицы. Как уже отмечалось, наименьшими **фондовыми** единицами словоизменительной подсистемы рационально считать лексические и служебные морфемы. Наряду с этим в ней следует выделять составные **структурные** единицы — грамматические формы и категории, — заключающие в себе информацию, которая необходима коммуниканту для оперирования языковыми значениями и производства словоформ при порождении высказываний.

В свете сказанного грамматическая форма должна, очевидно, трактоваться как абстракция, в которой отражен и закреплён опыт носителей языка, модель, правила, программы действий, по которым они производят данную разновидность словоформ.

Под грамматической **категорией** следует понимать структурную единицу более высокого, чем форма, порядка — такую, которая может представлять собой как совокупность форм, объединяемых одним общим или разными, но однородными служебными грамматическими значениями, так и одну отдельную форму с автономной семантикой.

При таком понимании грамматические формы и категории мыслятся как функциональные «узлы», «блоки» словоизменительного механизма языка, с помощью которых производится построение конкретных словоформ с привлечением необходимых фондовых единиц — лексических и служебных морфем.

Формообразование и формоизменение. В сфере содержательно-коммуникативного словоизменения представляется необходимым различать две разновидности операций: 1) такие, которые имеют целью репрезентацию в речи какого-либо категориального значения формы, и 2) такие, которые направлены на репрезентацию не самого категориального зна-

чения, передающего ту или иную связь между объектами, а одного из предметов, вступающего в эту связь в определенной роли.

Различение двух указанных операций вытекает из анализа многочленных категорий, представляющих собой совокупность личных форм. Если категориальным признавать значение, которое организует данную категорию (скажем, общее для всех шести форм), то такая глагольная категория, как прошедшее категорическое время индикатива, например, в качестве категориального имеет значение хронологического предшествования действия настоящему моменту (староанатолийско-тюркское *gäl-di* 'он пришел'). Изменение этой формы по лицам (*gäldü-m*, *gäldü-η*, *gäldi:ø*...) никак не затрагивает сформулированного временного значения, а имеет целью репрезентировать субъект действия одним из личных значений. При этом посредством аффикса *-dü/-di* форма производится, **образуется**, а посредством личных аффиксов она лишь **изменяется**. Такой подход позволяет утверждать, что с помощью аффикса *-dü/-di* осуществляется **формообразовательная** операция, а с помощью личных показателей — **формоизменительная**. Поскольку изменение форм по лицам не затрагивает их категориальных значений, то вполне можно полагать, что личные значения представляют собой неглавный переменный компонент семантики категорий и составляют лишь особенность их внутреннего устройства. Учитывая это, едва ли оправдано выделять отдельную «катеґорию лица» саму по себе, в чистом виде.

Таким образом, целесообразно различать две разновидности словоизменения: **формообразование** как основную разновидность, которая охватывает, разумеется, не только категории с личными формами, но и все остальные категории, и **формоизменение**, которое в тюркских языках свойственно только многочленным категориям, конституируемым личными формами. С этих позиций склонение или залоги, например, это типичные словоизменительные категории, к которым приложимо только понятие «формообразование» и которые не имеют формоизменительного механизма. В то время как глагольная категория времени или именная категория принадлежности — такие словоизменительные категории, в устройстве которых наряду с формообразованием необходимо усматривать и механизм формоизменения.

Функциональные нули и неаффи́гированные основы (основные формы). Различение двух указанных разновидностей словоизменения позволяет внести некоторые уточнения в спорные вопросы о функциональных нулях и грамматической квалификации неаффи́гированных основ. Автором этих строк совместно с Д. М. Насиловым на примере категорий числа, принадлежности, склонения и залога был сформулирован тезис о том, что с функциональной точки зрения основные формы в тюркских языках не принадлежат к категориальным парадигмам, то есть к ряду форм, конституирующих категорию, и, следовательно, неаффи́гированные основы не могут интерпретироваться как имеющие нулевой формообразовательный показатель¹⁷.

Имеется в виду, что неаффи́гированная основа сама по себе не является носителем служебного значения, которое или организует данную категорию, или родственно значениям форм, конституирующих эту категорию.

Дальнейший анализ подтвердил справедливость рассматриваемого тезиса, и теперь он может быть уточнен следующим образом: подавляющее число тюркских словоизменительных категорий характеризуется

¹⁷ См. работы, перечисленные в сноске 1.

отсутствием таких членов ряда, которые могли иметь нулевой формообразовательный показатель. Иными словами, нулевые показатели, как правило, не используются в сфере тюркского формообразования. Однако они довольно производительно функционируют в сфере формоизменения. В самом деле, значимое отсутствие материального показателя (нулевой аффикс) широко представлено в форме 3-го лица глагольных и даже именных финитных форм, а также во 2-м лице единственного числа повелительного наклонения.

Отмеченная непричастность неаффицированных основ к формообразовательным парадигмам является одним из проявлений важнейших функционально-морфологических особенностей тюркских языков. К числу таких особенностей относится то, что тюркский морфологический показатель, как правило, функционально содержателен (то есть, как было сказано, крайне редко используется в формально-грамматических целях), а также то, что он отличается автономностью и преимущественной однозначностью своей семантики.

Названные свойства формантов, несомненно, тесно связаны с агглютинирующей техникой тюркского словоизменения, которой они скорее всего и определяются. Г. П. Мельников разработал следующее положение: в отличие от флективных языков, носители которых при построении высказываний выбирают, «селектируют» словоформы из некоего набора готовых словоформ, то есть воспроизводят в знаковой форме готовые комбинации монем, в тюркских языках словоформа производится, составляется в момент формирования сообщения путем набора, «коллекции» морфем¹⁸.

При такой словоизменительной технике отсутствие того или иного аффикса в словоформе (а она теоретически, да и практически, способна быть весьма многоаффиксной) не может быть значащим и замещаться нулевым показателем. Иными словами, речь идет об автономном, содержательном функционировании словоизменительных показателей, при котором отсутствие в словоформе, например, падежного аффикса указывает, по словам Ч. Е. Базелла, «просто на отсутствие падежа», а отсутствие показателя множественности — «просто на отсутствие числа»¹⁹. Совокупность изложенных функциональных особенностей тюркских формантов целесообразно именовать **относительной функциональной автономностью**.

Очевидно, следует считать естественным, что словоизменение (формообразование) языка с относительной функциональной автономностью аффиксов в принципе не может носить оппозитивного характера. А это значит, что на тюркские языки едва ли распространяется известное теоретическое положение индоевропейстики: «появление в языке хотя бы одной материально выраженной словоизменительной формы автоматически приводит к осознанию противостоящей ей основной формы слова как обладающей добавочным грамматическим значением (нулевая форма)»²⁰.

Основная функционально-семантическая черта тюркских языков. Все вышесказанное подтверждает высказанное ранее²¹ мнение, что в функционально-семантическом аспекте основной чертой тюркских язы-

¹⁸ Г. П. Мельников. Языковая стратификация и классификация языков. — В кн.: «Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие». М., 1969, стр. 63—67.

¹⁹ Ч. Е. Базелл. Лингвистическая типология. — В кн.: «Принципы типологического анализа языков различного строя». М., 1972, стр. 23.

²⁰ Цитируется по статье: Н. Н. Коротков, В. З. Панфилов. О типологии грамматических категорий. — «Вопросы языкознания», 1965, № 1, стр. 37.

²¹ В. Г. Гузев, Д. М. Насилов. Словоизменительные категории в тюркских языках и понятие «грамматическая категория», стр. 32.

ков в сфере морфологии является относительная независимость, несопряженность, неслитность лексических и служебных грамматических значений, или, другими словами, **относительная функциональная автономность лексем и служебных морфем**. Если, скажем, в русском языке имя существительное в речи, как принято считать, не может использоваться вне категорий рода, числа, падежа, то в тюркских языках неафигированное существительное функционирует вне именных категорий.

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

Е. М. МОТУЗЕНКО

О ТУРЕЦКОМ ВЛИЯНИИ НА ФОРМИРОВАНИЕ РЫБОЛОВЕЦКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

В «Книге путешествия» Эвлии Челеби имеется описание рыболовного устройства, установленного в одном из рукавов Дуная, вблизи крепости Килия. Это устройство даже по нынешним масштабам было гигантских размеров: в его сооружении участвовали тысячи людей, а в обслуживании — триста рыболовов во главе с килийским эмин-агой. Уловы, получаемые с помощью этого устройства, были столь велики, что позволяли выплачивать жалованье соленой рыбой «воинам крепостей Очаков, Аккерман, Янык, Измаил, Браила, Исакча, Тулча» и продавать излишек «многим тысячам купцов», отправлявших «соленую рыбу повозками в страны неверных» [1, с. 155—156].

Весьма примечательно, что это гигантское рыболовное сооружение в русском переводе «Книги путешествия» названо словом «садок».

Это слово в русской диалектной и нормированной рыболовецкой терминологии никогда не обозначало устройства для лова рыбы, а использовалось в качестве названия приспособления для сохранения рыбы в живом виде. Ср.: «сад», «садо́к», «са́жалка», «са́жень», что означает «прорезь, пузырь, лодка, которой середина отгорожена от концов и прорезана решетом, или продыренная и затопленная лодка, или такой же сруб, ящик, или загородь в воде, или плетеный кузов, или, наконец, запруда, прудок, для держания живой рыбы» [2, т. 4, с. 128]. Анализ других значений слов «сад», «садо́к», «саж», «са́жик» («всякое устройство для содержания в неволе животных», «род клетки с местами, отгородками, куда сажают птицу на откорм», «хлевок или перегородка для откорма свиней») позволяет установить и внутреннюю форму этих наименований: «устройство, куда помещают животных, птиц или рыбу для сохранения их в живом виде, для откормки, для выращивания».

Таким образом, в русском переводе «Книги путешествия» слову «садок» придано не свойственное ему значение. Не располагая оригиналом этого произведения, но зная, каким турецким словом должно было обозначаться в XVII веке упомянутое устройство, описанное Эвлией Челеби, мы можем установить и причину ошибки переводчика. Источник ее — «Турецко-русский словарь» Д. А. Магазаника, в котором русское слово «садок» приводится в качестве единственного эквивалента турецкого *dalyan* [3, с. 130]. Автор данного словаря, переводя это слово, исходил из перевода тур. *dalyan* на французский язык, приведенного в словаре Д. Келекиана, которым он пользовался при подготовке своего труда. В «Турецко-французском словаре» турецкое слово переведено на французский как *vivier, pêche réservée* [4, с. 765], что и соот-

ветствует русскому «живорыбный садок». Однако и у Д. Келекиана тоже был предшественник. Автор «Турецко-итальянского словаря» перевел это турецкое слово на итальянский как *piscina* [5, с. 477], что соответствует франц. *vivier* и русск. «садок».

Исследователи турецкой морской терминологии во всех случаях, кроме приведенных выше, для тур. *dalyan* и его более древнего варианта тур. *ṭalyan* и даже их предшественника — греч. *αλιανειον* приводят лишь одно значение — «рыболовное устройство» [5, с. 477—481].

Турецкие *dalyan* и *talyan* распространились в рыболовецкой лексике народов Средиземноморья и Причерноморья в качестве наименований различных по конструкции стационарных рыболовных устройств [6, с. 85—91], проникнув также и в русскую нормированную терминологию, что подтверждается «Турецко-русским словарем» 1977 года. Ср. *da-lyan* 'дальян (стационарная сетная ловушка)' [7, с. 207].

Указанная лексикографическая ошибка повлияла и на становление нормированной рыболовецкой терминологии, относящейся к стационарным морским ловушкам, конструкцию которых черноморские рыбаки заимствовали у турок, промышлявших рыбу у русских берегов в конце XIX—начале XX века.

В дореволюционный период эти ловушки не получили сколько-нибудь широкого распространения даже в черноморском рыболовном промысле, поскольку их сооружение и обслуживание требовало больших материальных затрат, непосильных не только для рыбаков-одиночек, но и для рыболовецких артелей. Однако чертежи этих ловушек, характеристика их возможностей и терминология, к ним относящаяся, были зафиксированы в работах исследователей черноморских рыбных промыслов. Ловушки эти стали применяться и в советское время, в конце 20-х—начале 30-х годов, когда организация рыболовецких колхозов позволила создать соответствующую материальную базу.

Одним из терминов, возникших в это время, и стало слово *садок*, которым именовалась собственно ловушка — сетная камера рыболовных устройств, в которой скапливалась выловленная рыба. Термин этот оставался книжным, в разговоры в данном значении он не вошел; в нормированной же терминологии стал использоваться с конца 40-х годов и утвердился в ней [8, с. 135]. Однако перед этим ему пришлось выдерживать «конкуренцию» с термином «котёл» — его предшественником в специальной литературе. Одной из последних публикаций по этому вопросу была статья в журнале «Рыбное хозяйство», появившаяся в 1950 году под характерным заглавием: «Необходимо упорядочить терминологию промышленного рыболовства». Ее автор писал: «Сетная камера в ставных неводах, в которой скапливается пойманная рыба, называется то мотней, то садком, то котлом» [9, с. 30]. До появления термина «садок» наименование «котёл» использовалось в специальной литературе около полутора десятилетий и проникло оттуда в диалектную рыболовецкую лексику ряда районов СССР. В настоящее время оно известно рыбакам Черного моря, Краснодарского края [10], Псковской области [11, с. 15] и, по-видимому, ряда других районов, поскольку в «Кратком словаре рыбацких слов» А. А. Клыкова приводится без ограничительных помет [12, с. 48].

Примечательно, что слово «котёл» приобрело данное терминологическое значение под влиянием прежнего турецкого наименования того же приспособления и произошло это в результате цепочки превращений, еще более сложных, чем в случае со словом «садок». Оно обязано этим значением черноморскому «казан», семантической калькой которого

является. Они «сосуществовали» еще в тридцатых годах [13, с. 20], хотя ранее преимущественно использовался термин «казан» [14, с. 48; 15, с. 182]. Это наименование до сих пор активно употребляется в речи рыбаков черноморского побережья Одесской и Николаевской областей (отмечено нами. — Е. М.), зафиксировано в лексике Нижнего Поднепровья [16, с. 44].

Однако и слово «казан», тюркское по происхождению, является лишь ложноэтимологизированным вариантом турецкого термина. В этом можно убедиться, обратившись к публикации 1932 года, в которой наименование «казан» соседствует с несомненно иноязычным «казне» [15, с. 182].

Близость фонетического облика последнего к первоисточнику подтверждается его наличием в публикации дореволюционного периода [17, с. 69], а также заимствованным в лексику крымских рыбаков вариантом «хазне», имеющим такое же значение [18, с. 378].

Все это позволяет полагать, что источником данного слова было тур. *hazne* 'казна, касса' [7, с. 398], ставшее термином рыболовства в приведенном значении на основе выражаемого им признака «место скопления добычи». Это предположение подтверждается наличием в лексике крымских рыбаков другого наименования той же реалии — термина «касса» [19, с. 56], также, несомненно, заимствованного. Источником последнего могло стать тур. *kasa* 'касса' [7, с. 519], приобретшее данное терминологическое значение на основе того же признака, что и тур. *hazne*.

Однако тот факт, что стационарные морские ловушки были заимствованы турками у греков (лингвистическим доказательством чего служат не только их наименования «дальян», «тальян», но и термины, рассматриваемые ниже), позволяет заключить, что и турецкие слова стали терминами рыболовства не без влияния греческого языка. На основе указанного выше признака данное терминологическое значение могло появиться уже у греч. *κασσα* 'касса' [20, с. 341], а тур. *hazne* и *kasa* стали наименованиями той же детали под влиянием греческого термина, в результате семантического калькирования. Таким образом, образованию рассматриваемого терминологического значения у русского «котёл» предшествовал сложный путь, при этом дважды имело место семантическое калькирование и один раз — ложная этимология.

Калькирование — способ заимствования иноязычных терминов, распространенный не только в книжной, но и в диалектной лексике, что объясняется существованием билингвизма в черноморских промысловых артелях дореволюционного периода. Легче всего убедиться в этом на примере названий рыб, которые гораздо полнее представлены в словарях, нежели техническая терминология, относящаяся к рыбному промыслу. Так, колючие акулы, катраны, носят в черноморской лексике названия «собака» или «морская собака». Русскому наименованию соответствуют рум. *ciine de mare* 'морская собака', франц. *chien de mer* 'морская собака', англ. *dogfish* 'собака-рыба' [21, с. 46], тур. *köpekbalığı* 'собака-рыба' [7, с. 566], н.-греч. *σκυλόψαρο* 'собака-рыба' [20, с. 592]. По-видимому, предшественником всех этих наименований катрана было др.-греч. *σκυλιον*, *σκυλιος* 'вид акулы' от *σκυλαξ* 'собака' [22, т. 2, с. 1486].

Среди названий деталей стационарных морских ловушек, заимствованных русскими у турок, а турками — у греков, также встречаются кальки. Так, сетной козырек, навес, закрывающий выход рыбе из садка ловушки, носил греческое наименование *σχελαστή*, ставшее затем и названием всей ловушки. В обоих значениях греческий термин был заимствован в турецкую лексику [5, с. 574], а в последнем — скорее всего,

через турецкое посредство — и в русскую. Ср. русское «скипасть» [8, с. 135]. В первом своем значении этот термин был калькирован тур. карак (ср. н.-греч. *οχηλαστή* 'навес' и тур. карак 'крышка'). Уже в качестве рыболовецкого термина это турецкое слово проникло в лексику различных народов Причерноморья (в значении «крышка» оно распространялось здесь и ранее). Ср. болг. *капак* [23, с. 340], рум. карак [24, с. 422], русск. («капак») «дельта Дуная» [25, с. 234], русск., крым. «копак» [17, с. 70]. В свою очередь, турецкий термин калькируется русск. «крышка» [17, с. 70; 26, с. 167]. Наряду с этим заимствование из турецкого в лексике рыбаков дельты Дуная повторило семантическую эволюцию своего греческого предшественника, войдя в местное наименование скипасты — «капакóвый нёвод» [27, с. 15].

Другой, частичной, калькой турецкого наименования центрального столба стационарных рыболовных устройств является отмеченное нами в черноморской лексике укр. «головня гундэра», русск. «головня гундэра», используемое и в специальной литературе [28, с. 8], наряду с заимствованным «башгундер» [13, с. 20], где первый элемент наименования — тур. *baş* — был калькирован русским *головной*, укр. *головний* 'основной, главный'. Второй элемент этого наименования — «гундер», «гундера», «кундера» («столб, свая в составе стационарных ловушек») продолжает функционировать как в нормированной [8, с. 140], так и в диалектной терминологии [16, с. 42, 45]. Этим значением он обязан тур. *gönder, günder, könder* [5, с. 529], зафиксированному с тождественным значением в речи рыбаков-турок русскими исследователями черноморского рыболовства [17, с. 69; 29, с. 120].

Однако для лексики рыбаков Буджака и дельты Дуная этот термин с данным значением является повторным заимствованием. Местным рыбакам известно и другое его значение: «шесть; шест лодочника». Кроме русско-украинской лексики, он отмечается в формах «гиндёр», «ундёр» в молдавской [30, с. 49, 50], в формах *ghionder* [24, с. 487], *ghiondar* [31, с. 47] — в румынской рыболовецкой лексике. Предшественником этих терминов также является турецкое слово, которое, в свою очередь, восходит к греч. *κοιταριον* 'шесть лодочника' [5, с. 529—530] и др.-греч. *κοιτός* 'шесть, багор, жердь' [22, т. 1, с. 968].

Если на термин «гундер» исследователи рыболовецкой лексики уже указывали как на заимствование из турецкого [27, с. 16], то относительно наименования «кермó» («направляющее крыло стационарной морской ловушки, расположенное между берегом и собственно ловушкой»), отмеченного нами в черноморской лексике, а А. А. Берлизовым — в поднестровской [32, с. 27], такие предположения не высказывались. И в самом деле, это наименование представляется украинизмом, этимологически связанным с укр. «кермó» («руль») и глаголом «керувати» («управлять, руководить» и «направлять ход, движение чего-либо») [33, с. 305]. Эта кажущаяся связь подкрепляется и русским эквивалентом данного термина — «направляющее крыло», который указывает на назначение этой детали — направлять рыбу в ловушку. Однако другие варианты данного термина: «керме» (Нижнее Поднепровье) [16, с. 44], «кермэ» (Очаковский район) [34, с. 23], «герме» (Керчь) [30, с. 123], (Анапа) [35, с. 266], «гермэ» (Крым) [17, с. 70] — указывают на иноязычное его происхождение: от тур. *gegme* 'перегородка между берегом и первым столбом дальяна' [36, т. 6, с. 2004].

Таким же русским или украинским по происхождению представляется на первый взгляд и термин «кидалó» («род подсака, при помощи которого вычерпывают улов из садка ловушки и перегружают в лодку»),

отмеченный в данной форме не только в лексике черноморских рыбаков (автором), но и в азовской рыболовецкой терминологии [14, с. 48]. Однако эта предполагаемая связь с «кидать» (основанная на том, что данным приспособлением как бы «перекидывают» рыбу в лодку) оказывается ошибочной при рассмотрении других вариантов термина. Ср. «кита́ло» (Азов., Черное море) [37, вып. 13, с. 241], «китала» (Новороссийск) [35, с. 263]. Их предшественником является тур. *kital*, *kital* «мелкоячейная сеть в форме ковша, с помощью которой улов вычерпывается из большой сети и перегружается в лодку», восходящее в свою очередь к греч. *κοιτάλι* «черпак», «устройство для ловли омаров» [5, с. 533—534].

К случаям повторного заимствования относятся и термины «то́рба» и «кула́к». Первый из них является синонимом рассмотренных выше «садок», «казан» и «котёл», причем известен он только рыбакам южной части Буджака и дельты Дуная. Своим терминологическим значением это слово обязано не семантической эволюции русск., укр. «то́рба» («мешок, котомка»), заимствованного из тюркских языков ранее, а влиянию турецкой рыболовецкой лексики, в которой с данным значением отмечается у побережья Румынии [24, 421] и Болгарии [38, с. 18].

Слово «кулак» (из тюрк. *qulaq* «ухо») по крайней мере трижды заимствовалось в русскую и украинскую рыболовецкую лексику. Если источник значения «жаберная крышка у рыб» (из тур. *kulak* «жабры») в лексике казаков-некрасовцев [37, вып. 16, с. 52] установить легко, то наличие значения «каждая из петель по углам ловушки, используемая для крепления сетного полотна к столбам-гундерам», отмеченного нами в речи рыбаков с. Кoblevo, позволяет предположить влияние азовской рыболовецкой лексики, где слово «кула́ки» имеет близкое терминологическое значение: «боковые петли для прикрепления деревянных колышков на конце сети» [там же]. Однако единственная фиксация этого термина в описании ловушки, применявшейся турками у берегов Крыма, позволяет говорить о его непосредственном заимствовании из турецкой лексики. Ср. «...веревочные петли в четырех углах — кулаки» [29, с. 123]. Что касается азовского термина, то он мог быть заимствован и из другого тюркского источника, а значение «петля», общее для этих терминов, могло возникнуть в различных тюркских языках в результате семантической эволюции тюрк. *qulaq* «ухо», аналогичной эволюции его славянского эквивалента. Ср. тур. *kulak* «выступающая часть в форме дужки (ушка)» [7, с. 570—571]; русск. «у́хо», укр. «в́ухо» («проух, проушина, петля в различных инструментах для продевания рукоятки»).

Этот краткий обзор диалектных и нормированных терминов рыболовства, относящихся только к одному типу орудий — стационарным морским ловушкам, показывает насколько сложным было турецкое языковое влияние на русско-украинскую рыболовецкую терминологию Причерноморья (и не только Причерноморья) и какими различными путями оно осуществлялось. Практически все рассмотренные термины с трудом поддаются анализу, поскольку являются или кальками, или повторными заимствованиями, или ложноэтимологизированными вариантами турецких наименований. Если же учесть тот факт, что многие из них — не тюркского, а греческого или иного происхождения, то станет ясно, почему до сих пор не определены масштабы турецкого языкового влияния на русско-украинскую рыболовецкую терминологию Причерноморья.

Трудности в определении масштабов этого влияния усугубляются и недостатками лексикографических источников: неверными толкова-

ниями или отсутствием рыболовецких терминов в словарях. О том, к каким последствиям в языке может привести одна такая ошибка, покаывает пример с термином «садок».

Подобные ошибки приводят к неправильным выводам. Так, тур. *saşta* толкуется в словарях, как «рыболовная сеть, невод» [3, с. 510; 7, с. 741]. Не говоря уже о том, что сеть и невод — орудия лова, принципиально отличающиеся друг от друга, такое толкование не позволяет понять, почему этот термин помещен в словарях среди слов, родственных глаголу *saştak* 'сеять, рассеивать, разбрасывать'.

Поэтому румынские исследователи, анализируя русское «сачма», известное в Одесской области [27, с. 13], объясняют его происхождение от русского «сак, сачок» [39, с. 126], поскольку данная разновидность сети в развернутом виде имеет форму конуса. Однако русские эквиваленты этого термина — «намёт», «накидная сеть», «накидка» — мотивируются способом забрасывания этой сети, производимого движением руки, напоминающим жест сеятеля. Такую же мотивированность имеет и тур. *saşta*, исконно тюркское по происхождению.

Определение масштабов турецкого языкового влияния на русско-украинскую лексику Причерноморья затрудняется и тем, что здесь длительное время проживали представители других тюркских народов, контакты с которыми у восточных славян были более тесными и продолжительными, нежели с турками.

Так, проникновение в украинскую лексику термина «ава» («сеть») исследователи связывают не с турецким языком, а с влиянием кр.-тат. *av* 'невод', 'сеть', более близким в фонетическом отношении к нему, чем турецкое литературное *ağ* [40, с. 45—46]. С этой точкой зрения, во-первых, не согласуется то, что термин «ава» активно функционирует в русско-украинской лексике Добруджи (Румыния), дельты Дуная [27, с. 12] и Буджака, а в Крыму не отмечается, и, во-вторых, она не подтверждается характеристикой рыболовецкого опыта различных тюркских народов Причерноморья, содержащейся в работах современников. Так, побывавший в 1815 году в Крыму русский военный историк В. Броневский писал: «Татары не рачат о ловле рыбы и редко оную в пищу употребляют» [41, с. 174]. Об уровне развития рыболовства у других представителей тюркоязычного населения Причерноморья — очаковских и буджакских ногайцев — в определенной мере можно судить по приведенному выше свидетельству Эвлии Челеби о том, что воины крепостей Очаков и Аккерман (расположенных, как известно, на берегах богатейших рыбой водоемов) получали жалованье соленой рыбой, выловленной в Дунае. В то же время в работах исследователей черноморского рыболовства дается высокая оценка знаниям и опыту турецких рыбаков [35, с. 76]. Все эти факты убеждают в том, что и термин «ава» заимствован из турецкой лексики, а его источником могло быть тур. диал. *av* 'сеть' [42, с. 117] или тур. *av*, отмеченное в Добрудже румынским исследователем рыболовства [24, с. 501].

Наконец, затрудняет установление масштабов турецкого языкового влияния на русско-украинскую рыболовецкую лексику и то, что некоторые тюркские по происхождению термины претерпели деэтимологизацию еще в период раннего турецко-восточнославянского взаимодействия (возможно, и в речи самих турецких рыбаков), утратив первоначальное значение.

С подобным случаем мы встречаемся при анализе термина «карган», «кирган». Ср. укр. диал. «кирган» («большой, из камыша с трубой, ша-

лаш, в котором живет и хранит свои снасти артель рыболовов на Днестре») [43, с. 239], «карган, кирган» («пункт приема рыбы») [32, с. 45, 46]; ср. также молд. «керхана» («специальное место, оборудованное на побережье, где сортируется и хранится рыба, пойманная рыбаками одной артели; маленькое предприятие для первичной обработки на месте свежей рыбы; место хранения рыболовецких снастей») [44, с. 566]. Подобная многозначность («жилье», «склад», «предприятие») затрудняет установление первоисточника.

Отсылка к тур. *keřhane* в молдавском этимологическом словаре [45, с. 180] также ничего не проясняет, поскольку это слово образовано от тур. *keřh* 'нелюбовь; принуждение, насилие' и *hane* 'помещение' и обозначает только «публичный дом» [3, с. 333; 7, с. 534].

Гораздо более вероятным предшественником русск., укр. «карган, кирган», молд. «керхана» представляется тур. *kařhane* 'ледник' [3, с. 318], образованное из *kař* 'снег' и *hane* 'помещение'. Именно устройство на побережье ледников, то есть холодильников, являвшихся одновременно пунктами приема, первичной переработки и временного хранения рыбы, гарантировало сбережение уловов в то время, когда не было быстроходных средств доставки продукции. Отсюда значения: «пункт приема рыбы», «предприятие по первичной обработке рыбы». Появление данной семантики способствовало контаминации тур. *kařhane* с тур. *kāřhane* 'мастерская', образованным от *kāř* 'дело, работа, действие; прибыль, барыш, доход' и *hane* 'помещение' [7, с. 511, 515]. Этим можно объяснить наличие в заимствованных вариантах твердого и мягкого начального согласного. Что касается необычной семантической эволюции от «ледник, холодильник» к значению «жилище рыбаков», отмеченному только на северо-западном побережье Черного моря и в Нижнем Поднестровье, то ее наилучшим образом объясняет свидетельство исследователя рыболовства в этом районе в конце прошлого столетия: «Жилищем ловцам... служат шалаши, носящие название куреней, кирганов, холодильников; шалаши эти, разбросанные по песчаным косам и предназначенные больше для хранения соленой рыбы и провизии, нежели для людей, плохо защищают от ветра и непогоды» [46, с. 309].

Последний пример, как и предыдущие, позволяет в известной мере судить о путях и особенностях турецкого языкового влияния на русско-украинскую рыболовецкую лексику Причерноморья. Что же касается масштабов этого влияния, то их определению может помочь всесторонний анализ множества иноязычных лексических элементов тюркского, арабского, греческого и итальянского происхождения, которыми изобилует диалектная русско-украинская рыболовецкая терминология Причерноморья. Они богато представлены также в рыбопромысловой литературе дореволюционного периода и первых десятилетий Советской власти. Часть их продолжает функционировать в нормированной терминологии и в настоящее время. Привлечение для исследования специальной литературы, помимо лексического материала, позволяет осветить историю возникновения, распространения и эволюции реалий, именуемых теми или иными терминами, что существенно дополнит уже имеющиеся в языкознании выводы в отношении источников заимствования этих наименований в русско-украинскую терминологию Причерноморья. Наряду с этим привлечение специальной литературы позволит установить значение терминов в их полном объеме. А это послужит основным ориентиром и аргументом при этимологическом исследовании сложных случаев межъязыкового взаимодействия: калек, ложноэтимологизированных вариантов и повторных заимствований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Эвлия Челеби. Книга путешествия. Вып. I. Земли Украины и Молдавии. М., 1861.
2. В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4, М., 1956.
3. «Турецко-русский словарь». Составил Д. А. Магазаник. М., 1945.
4. *Diran Kélékian*. Dictionnaire turc-français. Constantinople, 1911.
5. H. & R. Kahane — A. Tietze. The Lingua Franca in the Levant. Turkish Nautical Terms of Italian and Greek Origin. Urbana, 1958.
6. Е. М. Мотузенко. К вопросу о заимствованиях в морской рыболовецкой терминологии Причерноморья. — В кн.: «Лексико-грамматические этюды по русскому языку», Кишинев, 1981.
7. «Турецко-русский словарь», М., 1977.
8. Н. Н. Андреев. Справочник по орудиям лова, сетеснастным материалам и промысловому снаряжению. М., 1962.
9. Е. Л. Вершин. Необходимо упорядочить терминологию промышленного рыболовства. — «Рыбное хозяйство», 1950, № 4.
10. К. Аксенов. Навстречу волнам. — Газ. «Правда», 1983, 22 апреля.
11. В. П. Храмов. Лексика псковских рыбаков. Автореф. канд. дисс., Л., 1969.
12. А. А. Клыков. Краткий словарь рыбацких слов. М., 1968.
13. А. Бобров. Скипасть на Белом море. — «Рыбное хозяйство», 1934, № 5.
14. П. Гудимович. Лов японскими ставными неводами в осеннюю путину 1930 года в районе Азовского моря. — «За социалистическое рыбное хозяйство», 1931, № 3.
15. Е. К. Суворов. Техника добывающего рыбного промысла. М.—Л., 1932.
16. И. О. Дзедзеливский. Словник специфічної лексики говірок Нижнього Подністров'я. — В кн.: «Лексикографічний бюлетень». Вип. 6, Київ, 1958.
17. Н. Е. Максимов. Четыре предварительных отчета по исследованию рыболовства в северо-западной части Черного моря, Днепро-Бугском лимане и на Черноморском побережье Крыма. — В кн.: «Материалы к познанию русского рыболовства, 1914», т. 3, вып. 6, Петроград, 1914.
18. А. Загорянский. Краткий рыбацкий словарь. — В кн.: Н. Ф. Рождественский. Справочная книжка рыбака. М.—Л., 1930.
19. Б. С. Ильин, Н. Ф. Тараненко. Черноморская кефаль. — «Труды Азовско-Черноморского НИИ морского рыбного хозяйства и океанографии», вып. 14, Крым, 1950.
20. «Новогреческо-русский словарь». Составила А. А. Иоаннидис. М., 1961.
21. Г. У. Линдберг, А. С. Герд, Т. С. Расс. Словарь названий морских промысловых рыб. Л., 1980.
22. «Древнегреческо-русский словарь». Составил И. Х. Дворецкий. Т. 1—2. М., 1958.
23. А. Спасова. Гръцки и турски елементи в българската морска рибарска терминология. — «Български език», 1966, № 4.
24. G. Antipa. Pescaria și pescuitul in Romania, București, 1916.
25. И. Д. Гриценко. Терминология новых орудий лова в говоре русских рыбаков на Дунае. — В сб.: «Научная сессия профессорско-преподавательского состава и сотрудников университета, посвященная итогам научной деятельности за 1964 год». Тезисы докладов. Кишинев, 1965.
26. «Материалы по разработке проекта правил рыболовства в водах западной части Черноморского бассейна», Одесса, 1910.
27. И. Д. Гриценко. Промысловая лексика русских рыбаков дельты Дуная. Автореф. канд. дисс., Кишинев, 1964.
28. В. Фрейберг. Приспособление для охраны ставных неводов от штормов. — «Рыбное хозяйство», 1940, № 6.
29. Ф. Каврайский. Орудия, употребляемые для лова кефали в Керченском районе. — «Вестник рыбопромышленности», 1917, № 4—5.
30. Ш. Маткаш. Глосар режіонал. — «Лимба ши литература молдовеняскэ», 1973, № 4.
31. V. Turlan. Terminologia pescuitului in regiunea Dunării. — «Limba Română», 1971, № 1.
32. А. А. Берлізов. Лексика рибальства українських говірок Нижнього Подністров'я. — «Наукові записки Чернігівського пед. інституту», т. 4, вип. 4, Чернігів, 1959.
33. «Українсько-російський словник», Київ, 1976.
34. М. Гурович. Кефальный промысел в Очаковском районе. — «Бюллетень рыбного хозяйства», 1931, № 2.
35. И. Н. Арнольд. Отчет по командировке для исследования рыболовства восточного побережья Черного моря. — «Вестник рыбопромышленности», 1896, № 2—3, № 5—6.
36. «Derleme sözlüğü», с. 6. Ankara, 1972.
37. «Словарь русских народных говоров», вып. 13, Л., 1977, вып. 16, Л., 1980.

38. Н. Максимов. Морское рыболовство в Болгарии. — В кн.: «Материалы к познанию русского рыболовства», 1914, т. 3, вып. 1, СПб., 1914.
 39. M. Dumitrescu, E. Noviciov. Lexicul graiului rusesc din satul Mila 23 (Regiunea Dobrogea). — «Romanoslavica», VII, dialectologie. București, 1963.
 40. Р. В. Болдырев. Некоторые вопросы историко-этимологического изучения тюркских лексических элементов украинского языка. — В кн.: «Тюркизмы в восточнославянских языках», М., 1974.
 41. В. Броневский. Обзорение южного берега Тавриды в 1815 году. Тула, 1822.
 42. Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков. Т. 1, М., 1974.
 43. «Словарь украинского языка». Под ред. Б. Д. Гринченко. Т. 2, Киев, 1908.
 44. «Дикционар експликатив ал лимбий молдовенешть», вол. 1, Кишинэу, 1977.
 45. «Скурт дикционар етимоложик ал лимбий молдовенешть», Кишинэу, 1978.
 46. П. Рябков. Скумбрийный промысел у северо-западных берегов Черного моря. — «Вестник рыбопромышленности», 1895, № 5—6.
-

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

М. С. ФОМКИН

ВОПРОСЫ ЭВФОНИИ ТЮРКСКОЙ ГАЗЕЛИ СУЛТАНА ВЕЛЕДА

Эвфония турецкого стиха XIII века, периода появления первых поэтических произведений на анатолийско-тюркском языке, лишь в последние годы стала привлекать к себе внимание востоковедов¹. Работ в этой области пока немного, но они имеют важное значение для выяснения поэтики раннего турецкого стиха. Содержащиеся в работах выводы, например, о влиянии народных элементов² или о господствующем произношении³ строятся не на субъективном впечатлении исследователя, а на объективных фактах поэтического текста, хотя в истории изучения поэтики турецкой литературы в этом отношении имеются и исключения⁴.

В данной статье сделана попытка рассмотреть эвфоническую структуру газели «Sinüñ yüzüñ güneşdür yoksa aydur...»⁵ турецкого поэта XIII века Султана Веледа и раскрыть ее эмоциональное воздействие.

В структуре стиха важнейшую роль играют звуковые повторы⁶, лежащие в основе эвфонии⁷. Ниже прослеживаются их особенности в названной газели, ибо научное изучение способов и средств художественной выразительности без этого невозможно⁸.

Текст газели:

1. *a Sinüñ yüzüñ güneşdür yoksa aydur,*
б cânım öldi, gözüñ dağı ne aydur?
2. *a Binüm iki gözüm, bilgil, cânım sen;*
б bini cânısız kıya sen sen, bu geydür.
3. *a Gözümden çıkma, kim bu yer sinüñdür;*
б binüm gözüm saña yahşı sarâydur.
4. *a Ne okdur bu, ne ok, kim degdi sinden*
б binüm boyum süñüydi, şimdi yaydur.
5. *a Temâşâcün berü gel, kim göre sen,*
б nête gözüm yaşı ırmağ u çaydur.
6. *a Sinüñ boyun budagdan ağdı, geçti,*
б cihân emdi yüzüñden yaz u yaydur.
7. *a Bu gün 'ışkuñ odından ıssı alduh,*
б bize kıyu degül, ger kıar u kıaydur.
8. *a Baña her gece sinden yüz biñ assı,*
б binüm her gün işim sinden kıolaydur.
9. *a Veled yohsuldı sensüz bu cihânda;*
б sini buldı, bu gezden beg u baydur.

Подстрочный перевод:

1. *a Твое лицо — солнце или луна,*
б оно взяло мою душу, а что же говорит твой глаз?

2. а Знай, ты — мои два глаза, моя душа,
б если ты оставишь меня без души, это — хорошо.
3. а Не выходи из моего глаза, потому что это место — твое,
б мой глаз для тебя хороший дворец.
4. а Что это за стрела, что за стрела, которая прилетела от тебя,
б мое тело было штыком, теперь — лук.
5. а Чтобы рассмотреть, подойди ближе, и ты увидишь,
б что слёзы моих глаз — река и ручей.
6. а Твоё тело поднялось над ветвью, прошло,
б мир сейчас от твоего лица — весна и лето.
7. а Сегодня мы согрелись огнём любви,
б для нас не печаль, если снег и буря.
8. а Каждую ночь мне от тебя сто тысяч выгод,
б каждый день моё дело благодаря тебе легко.
9. а Велел был нищим без тебя в этом мире,
б тебя нашел, с тех пор он — господин и богат.

Одним из наиболее заметных эвфонических приемов в этой газели является аллитерация⁹.

1. Междусловная аллитерация (в пределах одного *мисра* — строки) — довольно развита в данной газели, например (аллитерирующие звуки выписаны):

1. а у—d—r—y—y—d—r
б d—d—d
4. а n—k—d—n—k—d—n—d—n
б b—m—b—y—m—y—d—m—d—y—y—d
6. а n—b—n—b—d—g—d—n—g—d
б d—y—z—d—y—z—y—y—d
7. а n—k—d—n—d—n—d—k¹⁰
б k—d—g—g—r—k—r—k—d—r
9. б b—d—b—g—d—b—g—b—d

Из приведенных примеров видно, что для данной газели характерно неупорядоченное смещение систем аллитераций в полустихиях.

В 6, 8 и 9 бейтах аллитерация носит характер сознательно применяемого приема. Поэт использует в этих бейтах поэтическую фигуру *мур'āt ан-назир* (парная симметрия), которая возникает при употреблении в бейте однородных понятий, близких по смыслу: *yaz* и *yaу* — 'весна и лето', *kaг* и *kaу* — 'снег и грязь', *beg* и *baу* — 'господин и богач'. Эти слова связаны попарно анафорами, которые имеют соответствие в звуковом составе остальной части *мисра*.

В газели представлен также такой сложный прием, как разложение аллитераций¹¹, когда одно слово, называемое тотализующим, включает в себя все аллитерирующие звуки, имеющиеся в отдельности в других словах: — амфибрахическое разложение (тотализующее слово и аллитерирующие звуки выделены) —

6. а *sinūñ boyun budagdan agdi*
б *emdi yūzūnden yaz u yaydur*
— суммирующее —

7. б *kayu degül ger kar u kaydur*

В полустихии бб следует отметить эвфонический прием классической персидской поэтики *таджнис-и маздудж* — повторение слогов *йа—йа*, как правило, применяющийся в особо значимых бейтах¹². Учитывая эвфоническое богатство 7-го бейта, можно предположить, что это повто-

рение служит для выделения его смыслового значения, представлявшегося поэту особенно важным.

Приведенные примеры делают очевидной тенденцию мисра к эвфонической упорядоченности, основанной на аллитерации. Последняя выполняет здесь в основном композиционную функцию, связывая слова в полустииши и тем самым укрепляя его цельность. Благодаря сквозной аллитерации полустииши воспринимается как непрерывное звучание с четко выраженным индивидуальным обликом.

Несомненно также влияние эвфонических отношений (возможно, и неосознанное) на выбор поэтической лексики, например, в мисра 6б и 7б (анафорические «у» и «к»). В этих же примерах проявляется и другая функция аллитерации — она как бы подчеркивает слова, несущие основную эмоциональную и смысловую нагрузку.

2. Аллитерация между мисра (в пределах одного бейта) — явление эвфонической соотнесенности обоих полустиишей бейта¹³. В данной газели можно зафиксировать такие ее случаи:

а) В четырех бейтах мисра связывает анафора (чистая или затактная¹⁴) —

1. a sinün
б cānum | 2. a binün
б bini | 7. a bu
б bize | 8. a baña
б benüm |
|-----------------------|----------------------|-------------------|----------------------|

б) Мисра связаны нерегулярными повторами консонантов или случайными внутренними рифмами, не имеющими организующей функции в стихе:

1. a—б: sinün yüzün — gözün;
güneşdür, aydur — aydur.
2. a—б: cānum sen — koyasen sen
3. a—б: yer sinündür — sarāydur
4. a—б: degdi sinden — sünüydi simdi yaydur
6. a—б: budagdan — yüzünden
7. a—б: 'işkuñ, alduk — kayu, kar, kaydur
8. a—б: sinden, assı — sinden
9. a—б: Veled, yohsuldi, cihanda — buldi, gezden, baydur.

в) Особый интерес представляет повтор консонантов или целых слов в разных мисра в одинаковой метрической позиции, что создает элементы симметрии и параллелизма между звукорядами двух полустиишей. Сопоставим схему метра (газель написана размером хезедж) и расположение аллитерирующих звуков (выделены):

1. a si б cā	ñūñ num	gü gö	neş zün	dür da	yok kı	sa ne	ay ay	dur dur
6. a б		bu yü	dağ zün	dan den				
8. a ba б bi	ña her ge nüm her gün	ce sin	den					

г) Любопытен случай разложения аллитераций, когда тотализующее слово находится в первом мисра, а входящие в аллитерационный комплекс звуки — во втором (с одновременными ассонансом и случайными аллитерациями — подчеркнуты):

5. a Temāşāçün berü gel
б néte gözüm yaşı ırmak u çaydur

Приведенные примеры показывают тенденцию обоих полустий бейта к фонологической эквивалентности, если не полной, то хотя бы частичной. Аллитерация, таким образом, в определенной мере способствует созданию единого звучания всего бейта и, следовательно, цельного впечатления от него как минимального, но стремящегося к поэтической завершенности художественного звена газели¹⁵.

Установить степень сознательности применения поэтом указанных эвфонических приемов не представляется возможным. Главное — эти приемы существуют и могут быть зафиксированы.

3. Междустиховые (между бейтами) аллитерация и ассонанс — явление, приносящее новые данные в проблему связи бейтов друг с другом, одну из главных в структуре газели¹⁶. Наряду с отмечаемым исследователями смысловым единством, связывающим бейты в газели¹⁷, можно, видимо, говорить и об эвфонической связи бейтов (исключая рифму и редиф — внешние, канонизированные признаки связи бейтов).

В рассматриваемой газели такая эвфоническая связь обнаруживается между вторыми мисра 3-го и 4-го бейтов:

3. $\cup$ $\bar$ $\bar$ $\bar$ $\bar$	$\cup$ $\bar$ $\bar$ $\bar$ $\bar$ $\bar$
3. $\bar$ bī nūm gō zūm	sa nā yah şī sa rāy dur
4. $\bar$ bī nūm bo yum	sū nūy di şim di yay dur

В схеме ясно прослеживаются два параллельных, метрически симметрично аллитерирующих звукоряда, благодаря которым между этими бейтами возникает фонологическая эквивалентность высокой степени.

Посредством внутренней рифмы с определенной метрической позицией (во второй стопе) эвфонически связаны 6, 7, 8 и 9 бейты:

$\cup$ $\bar$ $\bar$
6. a budag — dan
б yüzün — den
7. a odın — dan
8. a $\cup$ sin — den
9. б bu gez — den

Отметим, что с точки зрения арабо-персидской поэтики здесь вообще нет рифмы, так как созвучны лишь грамматические показатели, не образующие рифму; тем не менее акустическая рифма существует. Такое созвучие между бейтами представляется не случайным, а несущим определенную функцию. Образы в этих бейтах попарно коррелируют между собой:

6. б cihān emdi yüzünden yaz u yaydur — 'мир сейчас — весна и лето от твоего лица';

7. а ... 'ışkuñ odından ıssı alduk — 'мы согрелись огнем любви к тебе';

— основа этих образов — понятие тепла;

8. а ... sinden yüz bin assı — 'от тебя сто тысяч выгод';

9. б seni buldı bu gezden beg u baydur — 'тебя нашел, с тех пор — господин и богач'

— основа этих двух образов — понятие выгоды, приобретения.

Одновременно все эти четыре образа объединены тем, что и тепло, и выгода исходят в конечном счете от возлюбленной.

Такая семантическая соотнесенность образов подкрепляется эвфонической: образы сходного звучания ассоциируются друг с другом, рождается иллюзия как бы одновременного их сосуществования.

Данное явление, в свою очередь, создает почву для одновременного

восприятия стиха, то есть для сохранения единства эмоционального воздействия — важнейшего фактора для лирического стихотворения, поскольку его значимость определяется не описанием предметов и явлений, а производимым на читателя и слушателя впечатлением¹⁸.

И, наконец, любопытное явление фиксируется в первой стопе: все бейты, исключая последний 9-й, ассонируют в первых стопах на *u/ü* и аллитерируют на *m/n*:

1. *a sinüñ yüzüñ*
 б cānum
2. *a binüm*
3. *a gözümden*
 б binüm gözüм
4. *б binüm boyum*
5. *a temāşāçün*
 б nête gözüм
6. *a sinüñ boyun*
7. *a bu gün 'ışkuñ*
8. *б binüm her gün*

Эти случаи ассонанса могут рассматриваться здесь как начальные рифмы благодаря своему положению в начале соответствующих ритмических групп, то есть благодаря своей организующей функции¹⁹.

Помимо связующей — композиционной — функции, эта начальная рифма несет семантическую функцию, возникающую под влиянием звукового состава главных лексических единиц рассматриваемой газели — слов-образов. Их три, они даны в первом бейте: *yüzüñ* 'твое лицо', *gözüñ* 'твой глаз', *cānum* 'моя душа'. Их специфический звуковой комплекс — *u/ü* — пронизывает всю газель в форме начальной рифмы и постоянно напоминает о ведущих лексических единицах.

Анализ особенностей эвфонии газели Султана Веледа позволяет поставить ряд теоретических вопросов. Всякая ли аллитерация имеет значение для эвфонии турецкого стиха? Подобная проблема в русском стихосложении рассматривалась В. Я. Брюсовым. Он указывал, что преимущественное и почти единственное значение для эвфонии имеет повтор следующих согласных: 1) начальных, 2) опорных перед первым гласным (это не всегда начальный звук), 3) обрамляющих ударный гласный, 4) конечных (в меньшей степени)²⁰.

Представляется возможным перенести эти критерии значимости повтора консонантов и на турецкий стих, несмотря на различия русской силлабо-тонической и арабо-персидской метрической систем стихосложения. Один из доводов для этого — наличие в тюркских языках динамического словесного ударения²¹, приводящего к выделению согласных ударного слога. Таким образом, в односложном слове все консонанты значимы для эвфонических отношений, в двух- и трехсложном — первый согласный + окружающие ударный гласный + конечный. Разумеется, это лишь ориентировочная схема, не отражающая все разнообразие эвфонических отношений.

Другой вопрос относится к своеобразию поэтики Султана Веледа. Как известно, газель представляет собой жанр со строгими, освященными традицией канонами, регламентирующими как ее структурные признаки, так и содержание²². Аллитерация не является канонизированным признаком этого жанра. Более того, арабо-персидская поэтика, по законам которой создавал свои стихи Султан Велед, не знала аллитерации, а имела только рифму, как утверждал Т. Ковальский²³. В рас-

«смотренной же газели фиксируется довольно богатая и разнообразная аллитерация, несущая к тому же композиционную и семантическую функции.

Наличие аллитерации в газели объясняется, думается, однозначно. При определении роли эвфонии необходимо учитывать идейно-эстетические посылки создания поэтического текста²⁴. Султан Велед писал тюркские стихи, обращаясь к широким массам тюркоязычного населения Малой Азии, не имевшего в то время письменной литературы на родном языке²⁵. Однако «рядом с только что рожденной письменной поэзией существовала большая устная литература, имевшая многовековую традицию. Эта устная литература... имела специфические правила рифмовки и аллитерации...»²⁶. В эстетических представлениях турок, как отмечал Т. Ковальский, самые примитивные формы звуковых повторов осознаются как положительные эстетические ценности²⁷. Учитывая мнение о том, что междусловную и междустиховую аллитерацию в произведениях тюркоязычной поэзии средневековья можно рассматривать в плане сохранившихся традиций древнетюркского аллитерационного стиха²⁸, мы вправе заключить, что аллитерация как форма эвфонии в рассматриваемой газели является приемом поэтики народной поэзии турок Малой Азии. Видимо, сознательно²⁹ используя этот прием, поэт приближал форму своих произведений к традиционной народной с тем, чтобы они легче и глубже воспринимались слушателями.

Таким образом, изучение эвфонии газели Султана Веледа дает основание характеризовать ее структуру как совокупность норм арабо-персидской и турецкой народной поэтики.

¹ См. например: А. О. Мартынец. Звуковой повтор в турецком стихе. — «Советская тюркология», 1974, № 6, стр. 63—67; его же. Об одной особенности стиха Юнуса Эмре. — «Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока», X, М., 1974, стр. 110—113; его же. Приблизительная рифма в газелях Юнуса Эмре. — «Советская тюркология», 1973, № 5, стр. 115—118; St. Rymkiewicz. Gazele Sultana Vele-da. — «Przegląd orientalistyczny», 1962, № 1 (41), стр. 3—17; её же. Beitrag zur Entwicklung des Reims in der türkischen Kunstliteratur. — «Rocznik Orientalistyczny», t. XXVII, z. 1, Warszawa, 1963, стр. 45—102.

² А. Е. Мартынец. Об одной особенности..., стр. 111.

³ St. Rymkiewicz. Beitrag..., стр. 94—95.

⁴ M. Wickerhauser. Über türkische Metrik und Poetik. — ZDMG, 22, Leipzig, 1868, стр. 294.

⁵ См.: М. Mansuroğlu. Sultan Vele'd'in türkçe manzumeleri, İstanbul, 1958, стр. 39; а также: ١٦-١٤. س. ١٢٤١. ولد استانبول. ولنجلی. دیوان ترکی سلطان ولد استانبول.

Здесь используется без каких-либо изменений транскрипция М. Мансуроглу.

⁶ В. М. Жирмунский. К вопросу о стихотворном ритме. — В сб.: «Историко-филологические исследования», М., 1974, стр. 33—34, 36.

⁷ См.: «Эвфония». — «Большая Советская Энциклопедия», 3 изд., т. 29, стр. 561; «Краткая Литературная Энциклопедия», М., 1975, т. 8, стр. 831.

⁸ М. Б. Храпченко. О разработке проблем поэтики и стилистики. — «Известия АН СССР. ОЛЯ», 1961, т. XX, вып. 5, стр. 401.

⁹ Необходимо кратко остановиться на существующих расхождениях в понимании термина «аллитерация». А. М. Щербак считает аллитерацией точное или приблизительное созвучие любых начальных звуков или звуковых групп (см.: А. М. Щербак. Соотношение аллитерации и рифмы в тюркском стихосложении. — «Народы Азии и Африки», 1961, № 2, стр. 143), хотя для обозначения этого явления существует специальный термин — «анафора» (см.: «Анафора». — «Краткая Литературная Энциклопедия», М., 1962, т. 1, стр. 193; А. Н. Линин. К вопросам формального изучения поэзии турецких народов. — «Известия восточного факультета Азербайджанского государственного университета», т. 1, Баку, 1926, примечание 39 на стр. 199). К. Рысалиев утверждает, что в понятие «аллитерации» «должно включаться и повторение одинаковых гласных и согласных звуков» (см.: К. Рысалиев. Киргизское стихосложение. Автореф. докт. дисс. Фрунзе, 1965, стр. 106). В этой связи представляется нецелесообразным смешивать два четких термина — «аллитерация» и «ассонанс». В данной статье автор пользуется терминологией

В. М. Жирмунского (см.: В. М. Жирмунский. К вопросу о стихотворном ритме, стр. 29; 32, 36; его же. Теория стиха. Л., 1975, стр. 250, 251), совпадающей, кстати, с терминологией В. В. Радлова (см.: W. Radloff. Über die Formen der gebundenen Rede bei der altaischen Tataren. — «Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft», Bd. IV, 1866, стр. 87—89).

¹⁰ В транскрипции М. Мансуроглу последний звук — h, однако возможен вариант alduq с конечным q (см.: М. Mansuroğlu. Указ. раб., примечание к 7 бейту на стр. 39).

¹¹ О видах аллитерации см.: В. Я. Брюсов. Звукопись Пушкина. — «Печать и революция», М., 1923, книга вторая, стр. 50—60.

¹² В. Б. Никитина. К постановке некоторых проблем в изучении классической поэтики иранских народов. — «Иранская филология», М., 1971, стр. 89.

¹³ Поскольку существуют терминологические расхождения, необходимо отметить, что нами используется терминология С. Н. Иванова: бейт — отдельный стих, состоящий из двух полустихий — мисра (см.: С. Н. Иванов. Пять веков узбекской газели. — В кн.: «В красе нетленной предстает. Узбекская классическая лирика XV—XX вв.», М., 1977, стр. 7). Л. Н. Киселева определяет бейт как двустихие, а мисра — как стихотворную строку (см.: Л. Н. Киселева. Терминология арабо-персидского аруза и словарь. — «Индийская и иранская филология», М., 1971, стр. 26, 33).

¹⁴ О видах анафоры подробнее см.: В. Я. Брюсов. Звукопись Пушкина, стр. 50; его же. Вопросы эвфонии. — «Известия АН СССР. ОЛЯ», 1955, т. XIV, вып. 3, стр. 285—286.

¹⁵ С. Н. Иванов. К изучению жанра газели в староузбекской поэзии. — «Тюркологический сборник. 1974», М., 1978, стр. 153.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же, стр. 153—154; см. также: И. В. Стеблева. Семантическое единство газели Бабура. — «Тюркологический сборник. 1974», М., 1978, стр. 162—165.

¹⁸ Т. И. Донашвили. Функция эвфонии в стихе. Автореф. канд. дисс., Тбилиси, 1974, стр. 22.

¹⁹ В. М. Жирмунский. Теория стиха, стр. 246, 249.

²⁰ В. Я. Брюсов. Вопросы эвфонии, стр. 284.

²¹ М. И. Трофимов. Проблемы тюркского ударения, аномалии и геминанты. — «Советская тюркология», 1983, № 2, стр. 68.

²² С. Н. Иванов. В красе нетленной предстает..., стр. 7.

²³ См.: Ан. Линин. Указ. раб., стр. 150.

²⁴ Т. И. Донашвили. Функция эвфонии, стр. 26—27.

²⁵ В. С. Гарбузова. Турецкая поэзия XIII—первой четверти XX в. (Основные этапы развития, проблема творческой преемственности). Автореф. докт. дисс., Л., 1975, стр. 11, 14.

²⁶ Там же, стр. 8.

²⁷ См.: Ан. Линин. Указ. раб., стр. 165.

²⁸ И. В. Стеблева. Поэтическая структура «Огуз-наме». — В кн.: «Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования», 1969. М., 1972, стр. 298.

²⁹ См.: Ан. Линин. Указ. раб., стр. 151: «рифма в турецком стихе может быть без воли автора, но аллитерация — сознательна».

ОНОМАСТИКА

В. А. БУШАКОВ

ТЕРМИНЫ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ СЕЛЕНИЯ И КРЕПОСТИ, В ТОПОНИМИИ КРЫМА

В изучении исторической географии, археологии и этнографии Крыма большую роль играет его топонимия [1]. Крымский топонимический материал широко используется в серии работ О. Н. Трубачева, посвященных разысканию индоарийских реликтов в ономастике Северного Причерноморья [2]. Более полувека тому назад А. И. Маркевич в своем труде «Географическая номенклатура Крыма как исторический материал» [3], остающимся до настоящего времени «единственным специальным исследованием в области крымской топонимики» [1, с. 341], определил значение и задачи систематического изучения последней. А. В. Суперанская поставила вопрос о необходимости создания топонимического словаря Крыма [4].

Настоящая статья посвящена роли терминов, обозначающих поселения и крепости, в формировании топонимической системы Крыма, а также некоторым ее ареальным связям с топонимией соседних регионов.

САЛА. А. Л. Бертье-Делагард в примечаниях к переводу «Описания Черного моря и Татарии» Э. Д. д'Асколи писал: «Сала — приставка, имеющаяся у очень многих деревень, разбросанных по всему горному Крыму; по-татарски или гречески это слово не имеет значения. Преосв. Гермоген полагает, что это слово армянское и значит «дубняк» (Таврич. епархия, 396); но армяно-католический декан в Феодосии о. Сапаров с этим не согласен и думает, что оно может значить «плитняк», «плитяной пол»... Возможно, что это слово из какого-нибудь теперь совершенно затерянного языка» [5]. Примечание А. Л. Бертье-Делагарда вызывает недоумение, поскольку еще турецкий путешественник XVII века Эвлия Челеби применял термин *сале*¹ к деревням Шоломкай, Рамазан-Бей, Шан-Мерд, Совуджук и Идрис на Таманском полуострове и указывал, что деревни в Татаристах называются *сале*, а у черкесов-шегаке — *кабак*² [7]. Термин *сала* 'деревня, село' встречается в казанско-татарском и караимском языках [8; 9], в чувашском со значениями «русское селение, село; большое селение, село; укрепленное поселение, крепость; выселок» [10], а также в марийском — *сола*. Термин казан.-тат., чув. *сала*, мар. *сола* 'деревня, село' зафиксирован в «Словаре географических терминов и слов, встречающихся в географических названиях» [11], ср. ойконимы Енасала (теперь Кукушкино), Енасалы ~ Янасал в Казанском

¹ Точнее *сала*, ср. тур. *У* قارا (qara) 'черный', где буква *У* передает звук [а].

² О термине *кабак* см.: 6, с. 252.

уезде и Енасала ~ Янасала в Свяжском уезде [12, с. 285, 290], Янасалы, Большой Янасал [13, карта 53], Янга-Сала (Арский район) в Татарской АССР, Помаж-Сола, Усола, Юлюль-Сола [13, карта 42—43], Вада-сола, Ваксола, Вакут-сола, Васола и другие [14] в Марийской АССР.

В Крыму известны следующие ойконимы³ от апеллятива *сала*: Салачик, Бияс-Сала ~ Бия-Сала ~ Биясалы (крым.-тат. *бeяз*, тур. *beuaz* 'белый', ср. антропоним казан.-тат. Бeяз [21] и ойконим Беязкeй в Турции), Ени-Сала (крым.-тат. *янъы*, тур. *yenî* 'новый'), Кучук-Сала (крым.-тат. *кучюк*, тур. *küçük* 'малый'), Мачик-Сала ~ Мачисала (крым.-тат. *мышыкъ*, караим. *мачи* ~ *мачы*, куман. *mazi* [22, с. 304] 'кошка', ср. ойконимы Мешек в Перекопском и Карт-Мышик в Евпаторийском уезде), Рамазан-Сала (под 1612 г.) [18, с. 58—59] (антропоним Рамазан от араб. رمضان 'рамадан' — девятый месяц лунного календаря, месяц

поста), Фоти-Сала (антропоним Фати (h) от араб. فاتح 'завоеватель'), Ходжа-Сала, прежде Бугаз-Сала (тур. *hoca* 'учитель, наставник; ходжа, мулла, духовное лицо'; крым.-тат. *богъаз*, тур. *boğaz* 'горный проход, ущелье', ср. ойконим Богазкeй в Турции), Эмир-Сала и, возможно, Села-Юхудим⁴ в Симферопольском уезде; Ени-Сала, Улу-Сала (крым.-тат. *улу*, тур. *ulu* 'великий, большой') и Фотисала ~ Фот-Сала в Ялтинском уезде; Суук-Салы ~ Сала ~ Салы (крым.-тат. *сувукъ*, тур. *soğuk* ~ *soyuk* 'холодный') и Султан-Сала в Феодосийском уезде. Все перечисленные ойконимы, несомненно, имеют тюркское происхождение.

Ойконимы с топонимическим формантом *-сала* засвидетельствованы тарханными ярлыками первых крымских ханов: Янги-Сала в ярлыке Менгли-Гирея [24], Богасала в ярлыке Саадат-Гирея (под 1530 г.) [18, с. 1]. О предместье Бахчисарая Салачике писал Мартин Броневский, посетивший Крым в 1578 году [25, с. 344]. Ареал ойконимов с топоформантом *-сала* ограничен горным Крымом, население которого исповедывало христианство и говорило на греческом языке. После захвата Турцией южного бережного и горного Крыма местное население стало принимать ислам и переходить на тюркский язык ради избавления от религиозного и экономического гнета со стороны турецких властей [26]. Вероятно, термином *сала* турки и татары в Крыму называли деревни христиан, потомки которых в 1778—1779 годах переселились в Северное Приазовье, куда принесли с собой названия покинутых в Крыму селений и в их числе: Большая Янисоль, Малый Янисоль и Новоянисоль в Донецкой области, Большие Салы и Султан-Салы в Ростовской области [13, карта 57—58]. В Добруджу (Румыния) ойконим Енисала [11, карта 93—94] принесли, вероятно, крымские татары, переселившиеся на территорию Османской империи в XIX веке.

Тюрк. *сала* 'деревня, село' В. В. Радлов производил от русск. «село» [8, т. IV, кол. 349—350]. Болг. *селяк*, макед. *сeлак* ~ *селѝак*, серб.-хорв. *селѝак* 'крестьянин, мужик; деревенщина, мужлан', видимо, послужило источником для тур. *salak* 'глупый, придурковатый', которое можно считать косвенным доказательством заимствования тюрк. *сала* из славянского. В. Г. Егоров же считает, что тюрк. *сала* 'селение' могло быть унаследовано от хазар [27, с. 176].

³ Источниками ойконимов и других топонимов Крыма, упоминаемых в статье, послужили: [15, карта горного Крыма; 13, карта 54; 16—20].

⁴ Первый компонент караимского названия крепости Чуфут-Кале — *Села-Юхудим* 'иудейская скала' [23], расположенной на неприступной скале, ср. название столицы зомитян *Selah* 'скала' в Палестине (затем столицы набатеев Петра 'скала, утес'), мог возникнуть в результате переосмысления тюркского термина *сала*.

О. Н. Трубачев выделяет в географической номенклатуре Крыма элемент *Sal-~Сал-~Сала* (гидроним Салгир, ойконимы *Salusta~Алушта*, Солхат, Ени-Сала, Коджа-Сала и Феттах-Сала), который возводит к индоевропейскому **sal-* 'течь, текущая вода', и реконструирует таврское (=индоарийское) **salā* 'сток, склон' > 'Таврические (горы)'. О. Н. Трубачев считает, что компонент -Сала в крымских ойконимах едва ли объясним из крымско-татарского или турецкого языков [28].

КОИ и ЭЛЬ~ЭЛИ. Топоформанту *-сала* в других крымских ойконимах соответствуют топоформанты *-кой* и *-эль* (после прилагательного) ~ *-эли* (с суффиксом принадлежности третьего лица, после существительного): Аджи-Кой, Аджи-Эли, Аранкой, Бакчи-Эли, Бий-Эли, Джанкой, Еникой, Енкой, Янкой, Эски-Кой, Эски-Эль, Дуванкой, Диван-Эли, Кадыкой, Кази-Эли, Кучук-Кой, Кичкин-Эль (ср. Эльджик в Чарджоуской области), Сеит-Эли, Султан-Эли, Тюбенкой, Тубен-Эли (ср. балкарский ойконим Тубенель), Ханышкой, Хан-Эли, Мулла-Эли, Шейх-Кой, Шейх-Эли, всего более ста селений, из которых с формантом *-кой* в Перекопском уезде — 6, Симферопольском — 16, Феодосийском — 12 и в Ялтинском — 4; с формантом *-эль~-эли* в Евпаторийском уезде — 9, Перекопском — 6, Симферопольском — 32 и Феодосийском — 23. На карте Турции насчитывается более 60 ойконимов с формантом *-кёй*: Бююккёй, Улукёй, Кючюккёй, Еникёй, Эскикёй, Кадыкёй, Хаджикёй и др. [29, карта 146—147].

Термин крым.-тат. *кой*, караим. *кёй* и тур. *кёу* 'деревня, село' произошел от перс. *کوی* (*kuj*) 'квартал, район города; небольшая улица; деревня; сторона, округ' [8, т. II, кол. 1216], ср. ойконимы Койе, Куйе, Дехкуйе, Кордкуй, Мекуйе, Никуйе в Иране [29, карты 143—144, 145]. Распространение в Крыму форманта *-кой*, несомненно, является следствием трехсотлетнего господства Турции в южнобережном и горном Крыму; ср. ойконимы Чатал-кёй, Чешмекёй и Чумлекёй в Буджаке [13, карта 101—102], который также принадлежал Турции. Этот термин известен также адыгским языкам. А. К. Шагиров выводит адыг. *кйей~кйэй* 'округа, квартал' непосредственно из перс. *کوی* (*kuj*) [30, с. 214]. Адыг. *кйуажэ~кйуадж* 'селение, деревня' [30, с. 230] < перс. *کویه* (*kūše*) 'улица', деминутив от *کو* (*ku*) ~ *کوی* (*kuj*), широко представлен в качестве топоформанта в адыгской ойконимии [31—33].

Адыгский термин *куей~куэй*, ойконимы Яникой в Кабардино-Балкарской АССР [13, карта 59—60], Абайтикау, Бирагтикау, Карман-Синдикау, Кесатикау, Ног-Кау в Северо-Осетинской АССР [13, карта 57—58] с формантом *-кау* (осет. *qæw~ğæw* 'селение, поселение, аул' [6, т. II, с. 299—300]) дают основание полагать, что персидский термин *کوی* распространился на Северном Кавказе и в Крыму через посредство турецкого языка. В. И. Абаев приводит осет. *qæw~ğæw* от иранского **gava-~*gavya-* 'скот; скотоводческое стойбище' [там же].

По аналогии с формантом *-кой* в Крыму распространился формант *-эль~-эли*, также представленный в ойконимии Турции (Бозели, Дюмели, Йилдызели, Коркутели, Кырели, Кыркларели, Ляпели, Огузели, Османели, Полатели, Урмели, Халилели и др. [29, карта 146—147]) и на Северном Кавказе (Эльбурган, Элькуш, Эльтаркач в Карачаево-Черкесской АО и Эль, Эльджурт в Кабардино-Балкарской АССР [13, карта 59—60]). Топоформанту *-эль~-эли* соответствует термин крым.-тат., караим. *эль* 'люди, народ', ног. *эл* 'страна; родина; население, народ', куман. *el* 'рай' aut fortasse 'populus. regio' [22, с. 233], тур. *el* 'племя, народ; страна, край, провинция', карач.-балк. *эл* 'деревня, село', кирг. *эл*

‘племенной союз, род, племя, народ; страна, государство’, перс. ای (il) ‘народ, (кочевое) племя; подданные’, удм. эль ‘край, сторона; страна, община’.

В топонимии Крыма нашли отражение и другие термины, обозначающие временное или постоянное селение, жилище, стойбище.

АЙЛ~АУЛ. Ойконимы Аил, Баш-Аул, Каз-Аул~Кыз-Аул~Киз-Аул связаны с апеллятивом ног. *авыл* ‘аул, деревня’, ср. карaim. *авул* ‘стан, лагерь; свита, сопровождающие лица’, кирг. *айыл* ‘аул, группа юрт близких родственников и приспешников’, тур. *ağıl* ‘загон для скота, скотный двор’, перс. اغل (*aḡul*) ‘загон для скота, овчарня’, чув.,

мар. *ял* ‘село, деревня, селение’, монг. *айл* ‘группа юрт; семья; юрта, дом, двор, хозяйство’. Этот термин представлен в ойконимии Башкирии (Акаул, Черкаул, Янаул), Марийской АССР (Азьял, Верхний Азьял, Большой Чашкоял, Новый Торьял, Нурьял, Руял, Салтак-Ял [13, карта 42—43]), Казахстана (Аул, Караул, Красный Аул, Баянаул), Туркмении (Карабек-аул), Турции (Ташагыл), Монголии (Айл-Баян), Внутренней Монголии (Гурван-Айл, Улан-Айл, Улан-Айл-Гэр), Маньчжурии (Шинэ-Айл). В качестве топоформанта термин *аул* встречается в ойконимии Северного Кавказа: Чечень-Аул в Чечено-Ингушской АССР, Агач-Аул, Акташ-Аул, Андрей-Аул, Байрам-Аул, Каранай-Аул, Козьма-Аул, Кум-Аул, Кужан-Аул, Оразгул-Аул, Уллубий-Аул в Дагестанской АССР, Туркмен-Аул, Мангул-Аул в Кизлярском округе [13, карта 59—60].

АРАБАТ~РИБАТ. Название крепости Арабат~Рибат, расположенной на Арабатской стрелке, восходит к апеллятиву *арабат~рибат* ‘караван-сарай’, ср. кирг. *ырабат* ‘караван-сарай, постоянный двор вдали от населенных пунктов’, перс. رباط (*rebat*) ‘подворье, бесплатный караван-сарай, странноприемный дом’, тур. *ribat* ‘обитель дервишей’ < араб. رباط ‘квартал города; предместье’. Термин представлен в ойконимии Ирана (Реват, Ревате-Керим, Ревате-Торк, Ревате-Хан и многие другие), Ирака (Арбат), Афганистана (Рабати-Шах-Балуч, Рибат, Рибатхашим), Средней Азии (Рават, Кызыл-Арват, Кушрабат, Мирзарабат, Ташрабат, Чирик-Рабат), Сирии (Акрабат), Марокко (Рабат), Мальты (Рабат).

ДЖАЙЛАВ и КЫШЛАВ. В Крыму было три ойконима Джайлав, восходящих к апеллятиву со значением «летнее пастбище; летовка», ср. с тем же значением ног. *яйлак*, тур. *yaḡlak*, кирг. *жайлоо*, перс. ییلاق (*jeḡlay*) и ойконимы Яйлаг в Турции и Хошъейлак в Иране. В ойкониме Кишлав~Кышлав отражен термин крым.-тат. *кышлав* ‘зимнее пастбище; зимовье’, ср. тур. *kışlak*, кирг. *кыштоо* ‘то же’, куман. *kislov* ‘vervactum’ [22, с. 263], перс. قشلاق (*qešlay*) ‘зимовье, зимнее становище; кишлак’ и ойконимы Бай-Кишлак, Каракишлак, Каттакишлак, Коканкишлак, Янги-Кишлак в Узбекистане, Кешлак, Акчакешлак, Кызыл-кышлак, Ташкешлак в Иране, Гулькышлак в Афганистане.

КОШ. В Крыму известны селение Белый Кош, горы Роман-Кош и Зейтин-Кош, урочище Учъ-Кош «в верховье реки Бала на краю яйлы, где татары имеют свои коши для стад овец» [15, с. 231], овраг Черкес-Кош (Биюк-Ламбатская округа). В этих топонимах отражен термин крым.-тат. *кџош*⁵, которому соответствуют кирг. *кош* ‘временная юрта,

⁵ В XVIII веке в Крыму термин *кош* обозначал также сводное стадо овец в десять тысяч голов. Каждый *кош* имел свою тамгу, старшим над чабанами *коша* был одман [34].

кочевой лагерь, кочевка со всем имуществом; воинский отряд, отдельная часть войска; группа людей, имеющих общее задание'. чув. *xijšē* 'шалаш, хижина, юрта', калм. *хо̄ш* 'походная юрта; летняя кухня; помещение для рабочих, лагерь', русск. *кош* 'плетеный шалаш, балаган; загон, овчарня; табор, стоянка, стан, становище, казачий обоз, лагерь, стойбище' [35, с. 183], укр. *кіш* (коша) 'военный лагерь, обоз; место пребывания запорожских казаков; Запорожская Сечь; летнее жилище кочевников, кибитка; место расположения при временных работах; лагерь, становище' [36], адыг. *гуэшь* ~ *кѳэшь* 'сарай'⁶, осет. (дигор.) *k'æs* 'избушка, хатенка, хижина'⁷, ср. также ойконимы Каракош и Эль-Кош на севере Ирака. В. Г. Егоров производит тюркский термин *qoş* от араб. *خمس*

'хижина, лачуга' [27, с. 313], что неубедительно ввиду семантического богатства тюркского термина сравнительно с арабским. В оронимах Роман-Кош ~ Орман-Кош [15, с. 345] и Зейтин-Кош первые компоненты являются антропонимами: крым.-тат. *Pa(h)man*⁸ < араб. *رحمان* 'милосердный, милостивый' или крым.-тат. Орман, казан.-тат. Урман, перс. *اورمان* (*urman*), ср. ойконимы Орман и Орман-Аджи в Перекопском уезде; крым.-тат. Зейтун, тур. *Zeytin* < араб. *زيتون* 'олива'. Аппеллятив крым.-тат. *орман* 'лес' позволяет также толковать вариант Орман-Кош как «кош в лесу, лесной кош»⁹. О. Н. Трубачев выводит первый компонент оронима Роман-Кош из индоарийского **gama-* 'стоянка, привал' [2, с. 123—124].

ОРДА. Ойконим Эски-Орда образовался от аппеллятива *орда*, которому соответствуют ног. *орда*, тур. *ordu*, перс. *اوردو* (*ordu*) 'войско, военный лагерь', куман. *orda* 'сигия' [22, с. 257], кирг. *ордо* 'ханская ставка, ханский дворец, ханская юрта', монг. *орд(он)* 'дворец', ср. ойконимы Урда в Казахстане, Орда в Турции, Орд-Дзаг в Ордосе.

САРАЙ. В Крыму существовало много ойконимов от аппеллятива крым.-тат. *сарай*, тур. *saray* 'дворец' < перс. *سرای* (*sāraj*) 'дом, жилище; постоялый двор, караван-сарай; крытый рынок': Алма-Сарай, Ак-Месджид-Сарай, Ашлама-Сарай, Бахчисарай, Булат-Сарай, Василь-Сарай, Дам-Сарай, Джин-Сарай (два названия), Ени-Сарай ~ Яни-Сарай, Эски-Сарай, Енипын-Сарай, Кази-Сарай ~ Качи-Сарай, Мурадша-Сарай ~ Муратча-Сарай, Катырма-Сарай, Экимын-Сарай, Пиялы-Сарай, Планджинан-Сарай, Сабу-Сарай, Султан-Сарай, Тахта-Сарай, Тобен-Сарай ~ Тюбен-Сарай, Кадыржи-Сарай ~ Катарша-Сарай, ср. ойконимы Сарай-Бату, Сарай-Берке и Сарайчик, существовавшие на Волге, Коксарай — в Казахстане, Сарай, Аксарай, Кызылсарай, Сулу-сарай, Хатунсарай — в Турции, Сарай, Кушке-Сарай — в Иране, Сарай, Сангарсарай — в Афганистане.

УЙ ~ ЭВ. В ойконимах Бешуй (два названия) и Бешуй-Иляк ~ Бешевли-Иляк отражен термин крым.-тат. *уй* ~ *эв* 'дом', ср. ойконимы Беш-Уй в Хорезмской области, Кызылуй (два названия) в Казахстане и многочисленные Пятихатки на Украине.

ХОР. В ойконимии Южного берега Крыма отражен греческий термин *хор* < новогреч. *χωρίο* ~ *χωριον* 'деревня, село' и *χωρα* 'страна; область; местность, край; город': Капсихор, Кореиз ~ Хуреиз, Мисхор, Па-

⁶ А. К. Шагиров производит этот адыгский термин от адыг. *гуы* ~ *куы* 'арба' [30, с. 113].

⁷ В. И. Абаев считает осет. *k'æs* доиндоевропейским субстратным словом, родственным латинскому *casa* [6, т. I, с. 630].

⁸ Согласный (h) в крымско-татарском языке выпал [37].

⁹ Э. М. Мурзаев производит Роман-Кош от Орман-Кош 'лесное кочевье' [38, с. 299].

лекур [39]. Возможно, термин *хор~кор* присутствует и в древнем названии Чуфут-Кале—Кырккор¹⁰.

ЮРТ. В ойконимах Орта-Юрт, Чечень-Юрт и Эски-Юрт представлен термин крым.-тат. *юрт*, тур. *yurt* 'страна, край; родина, родное место; жилище, дом, юрта', ср. куман. *yurt* 'mansio' [22, с. 280], чув. *сурт* 'дом, здание', перс. *یورت* (*jurt*) 'местожительство, жилище; лагерь, стан', кирг. *журт* 'народ; подданные; родня, близкие; место, где стояла юрта или стоял аул; страна; селение'. В ойконимии Северного Кавказа термин *юрт* служит в качестве топоформанта: Карт-Джурт, Кизыл-Юрт и Эркен-Юрт (здесь же Эркен-Халк и Эркен-Шахар) в Карачаево-Черкесской АО, Эльджурт в Кабардино-Балкарской АССР, Старый Батако-Юрт в Северо-Осетинской АССР, Новый-Юрт, Старый-Юрт, Али-Юрт, Ногай-Мирза-Юрт и другие (всего более 20 селений) в Чечено-Ингушской АССР, Адиль-Янги-Юрт, Баба-Юрт, Осман-Юрт и другие (12 селений) в Дагестанской АССР, Уллубий-Юрт в Кизлярском округе [13, карта 59—60].

Широкое отражение в топонимии Крыма получили термины, обозначающие укрепления и крепости.

ИСАР. Термин крым.-тат. *исар*, тур. *hisar*, перс. *حصار* (*hesar*) 'крепость, укрепление, форт; ограждение, ограда' <араб. *حصار* представлен в следующих топонимах Крыма: древние укрепления Исар (Ай-Тодор, Кикенеиз, Лимена и Ореадна), Исарчик (верховье реки Черной), Исар-Кая (Гаспра и горный проход Шайтан-Мердвен), Исар-Тепе (Аутка), Кокция-Исар, Учансу-Исар~Зиго-Исар (Аутка) и Кючюк-Исар (Кикенеиз), гора Исарлы-Бурун, овраги Исар-Алты-Дере (Алупка) и Исар-Арда-Дере (Сюйрен). На карте Турции насчитывается двенадцать ойконимов от апеллятива *hisar*: Енихисар, Хисаркёй, Инхисар и другие [29, карта 146—147]. Этот термин встречается в ойконимии Болгарии (Хисар-Момина-Баня), Ирана (Хесар, неоднократно), Таджикистана (Гиссар), Индии (Хисар), Кашгарии (Янгигисар).

КАЛЕ. Термин крым.-тат. *кэале*, тур. *kale* 'крепость, цитадель', куман. *gala* 'civitas' и *kalaa* 'castrum, castellum' [22, с. 262, 273], чув. *хула*, мар. *хала~ола* 'город; крепость', перс. *قلعه* (*qäl'e*) 'крепость, цитадель' <араб. *قلعة* отражен в следующих топонимах Крыма: Була-Кале (возле озера Донузлав), Ени-Кале, Лимена-Кале, Мангуп-Кале, Чобан-Кале~Чобан-Куле, Чуфут-Кале. На карте Турции насчитывается шестнадцать ойконимов от апеллятива *kale*: Кале, Каледжик, Бююккале, Калекёй, Акчакале, Хасанкале и другие [29, карта 146—147]. Термин представлен в ойконимии Ирана (Кале, Каледжик, Акчакале, Калейе-Мир, Калешехед, Эмиркела и многие другие), Туркмении (Калаи-Мор, Кара-Кала, Ходжа-Кала, Янгикала, развалины Деукала, Ширванкала и др.), Афганистана (Калашахар, Калайи-Хауз, Хаузкала, Кафиркала и др.), Сирии (Кальбат-эль-Хусн, Кальбат-эс-Салихия, Кальбат-Семан), Ирака (Кальба-Ширван, Кальбат-Салих, Кала-Чолан, Серкале и др.), Саудовской Аравии (Кальбат-эль-Ахдар, Аклат-эс-Сукур и др.), Туниса (Кальба-Кебира), Дагестана (Кумтор-Кала, Махачкала, Сергокала).

КАСТРО и КАСТЕЛЬ. В Крыму известны ойконимы Кастропуло~Кастрополь, Палекастри, Кастель и Карама-Кастель~Костель (два по-

¹⁰ О названии Кырккор см. [40, с. 102—115].

следних — ойконимы на Тарханкуте), оронимы Бююк-Кастель ~ Аюдаг и Кючук-Кастель ~ Кастель, образованные от апеллятивов новогреч. *кастро* (v) 'крепость' и *кастелли* (ov) 'небольшая крепость' <лат. *castrum* и *castellum*, ср. названия селений Кастрон, Кастри, Кастросикья, Калон-Кастрон, Ксилокастрон, Палеокастрон, Поликастрон, Сидирокастрон, Кастели и мыса Кастелон в Греции.

КЕРМЕН ~ КЕРМАН. Названия крымских селений Керменчик (Ялгинский уезд), Алма-Кермен, Бей-Кырман, Инкерман, Карасан-Керман, Менгермен, Сары-Керман ~ Херсонес, Черкез-Кермен и древних укреплений Керменчик (Симферополь), Кермен-Кая (Коуш), Кыз-Кермен, Сарамамбаш-Кермен (Мангуш), Сарысап-Кермен (Бешуй), Тепе-Кермен, Эски-Кермен связаны с термином крым.-тат. *кермен* ~ *керман*, тур. *germen* ~ *kermen* ~ *kirman* کرمان 'крепость', ср. чув. *карман* 'крепость', куман. *kermen* 'urbs' [22, с. 263], монг. *хэрэм*, калм. *керм* 'крепость, крепостная стена' [41; 42, с. 30]. Этот термин отражен в ойконимах Кермен в Болгарии, Ак-Керман (теперь Белгород-Днестровский) на Украине, Герменджик в Турции, Герменчик в Кабардино-Балкарской АССР и в Чечено-Ингушской АССР, Герменчик-Отар в Дагестанской АССР, Керменчик (теперь Гавриловка)¹¹ в Каланчакском районе Херсонской области, Кирмени и Ташкирмень («каменная крепость») [44] в Казанском уезде [12, с. 286, 288], Средние Кирмени и Малые Кирмени в Татарской АССР [13, карта 53], возможно, Керманшах и Керманшахан в Иране¹². Термин *кермен* представляет особый интерес. П. И. Кеппен пишет: «Нет сомнения, что и Кременчуг при Днепре получил название от слова Керменчик. Едва ли удастся доказать, что и Кремль, или Кремник, название внутренней крепости Москвы, возобновленной в 1339 году [Кар. IV, 241], не того же происхождения. Калмыки и поныне город Черкасск именуют Кермен» [18, с. 5, примеч. 8]. Г. Рамстедт также сопоставил калм. *керм* с куман. *kermen* и русск. *кремль* [42, с. 30]. Происхождение слова *кремль* в русском языке окончательно не выяснено. Слова *кремль*, *кремъ*, *кремникъ* и *кромъ* В. И. Даль объясняет как «крепость внутри города» [35, с. 198]. *Кремль* и *кремникъ* образовались от *кремъ*, которое, вероятно, происходит от старописьменного монгольского *kerem* (*kermen*)¹³, ср. монгольское название Киева в «Сокровенном сказании» — Кива-Менкермен и Менкермен-Кеибе [46], повторяющее его тюркское название — Менкермен منكرمان¹⁴ [47]. Термин *kermen* употребляется у карачаевцев, балкарцев (Керман) и осетин (Кермен ~ Чермен) в качестве антропонима [48, с. 106, 29; 48, с. 688—689; 6, т. 1, с. 593]. Источник термина тюрк. *kermen*, монг. *kerem* (*kermen*) и маньчж. *кэрэму* 'вал, крепостная стена', ульч. *кэрэ(н)* 'ограда, забор, стойло; граница', негид. *кэжэн* 'изгородь, забор, ограда' [88, с. 600], а также венг. *karát* 'загон, баз; левада', вероятно, следует искать в восточноиранских языках, ср. осет. (ирон.)

¹¹ Название села повторяет название урочища (долины) Керменчик, в котором находилось земляное укрепление в форме параллелограмма [43].

¹² Название города Керман کرمان в Иране Э. М. Мурзаев относит к этому же ряду [38, с. 271]. В действительности же оно является трансформацией древнего названия, передаваемого древнегреческими авторами как *Karmania*.

¹³ *Kerem* (*kermen*) относилось к именам с неустойчивым конечным -n, имеющим полную и усеченную основы; ср. современное монг. *хэрэм* (*хэрэмэн*) 'белка'. Утрата монгольскими именами конечного -n отмечена уже в письменных памятниках XIII—XIV вв., см. [45].

¹⁴ Ср. ойконим *Менгермен* в Феодосийском уезде.

gæraep 'ограждение, забор' и (дигор.), goren 'ограда, стена', пушту کير (ger) 'обнесенный забором, оградой'. В. И. Абаев отделяет goren от gæraep, которое считает вариацией слова kæron 'конец, край' < иран. *karana- 'то же' [6, т. 1, с. 515, 525, 586], ср. чув. кáран 'граница, межа'. В словаре Вс. Ф. Миллера приводится осет. кæрон 'конец, сторона' и 'ограда' [49, с. 681].

Существуют разные гипотезы о происхождении названий полуострова Крым и города Эски-Крым (Солкат~Солхат генуэзцев, Сургат армянских источников, теперь Старый Крым), см. [40, с. 59—88]. Наиболее достоверным представляется мнение, высказанное еще Тунманном [50, с. 37] и П. И. Кеппеном со ссылкой на Форстера [17, с. 207], что Крым по-монгольски значит «крепость». Это мнение поддержал Э. М. Мурзаев [51]. Следует полагать, что город Солхат «с крепостью, окруженную древнею и высокою толстою стеною» [24, с. 346] монголы стали называть *Kerem, а тюрки произносили это монгольское слово как q(y)гум, откуда крым.-тат. Кърым и тур. Kırım قريم~قریم араб. القرم, осет. (ирон.) Qægæt, (дигор.) Qугум [6, т. II, с. 332], калм. Харм~Kürm [42, с. 169, 247], кирг. кырым 'даль, дальняя страна' [52], новогреч. Κριμαία, итал. Criméa, перс. كريمة (K(e)-gime). Затем по главному городу весь юрт стал называться Крымом, а сам город ради отличия и по своей древности Старым Крымом (Эски-Крым). Мартин Броневский отмечал, что «татары от этого города называются крымскими» [24, с. 346], а у Тунманна читаем: «По городу Крыму, где монголы вели большую торговлю, весь полуостров, особенно у восточных авторов, стал называться этим и еще теперь обычным названием» [50, с. 22].

Отсутствие в топонимии определенного региона каких-либо терминов при их наличии в топонимии соседних регионов также может быть объектом исследования. Так, в Венгрии имеются ойконимы Nagy Kend и Kis Kend, в которых представлен апеллятив иранского происхождения kend, ср. куман. kend~chent 'urbs, pagus' [22, с. 271], тур. kent 'город' < перс. کند (känd) 'деревня, селение; крепость, укрепленное место', но в крымской и турецкой (кроме селений Сениркент и Ташкент [29, карта 146—147]) ойконимии этот термин не представлен. Ойконимы с формантом -кeнд~-кeнт распространены на территории, населенной ираноязычными народами (Иран, Таджикистан, Афганистан), и в Средней Азии, где ираноязычное население предшествовало тюркоязычному, а также в Армении, Азербайджане и Дагестане под персидским влиянием.

Рассмотренный в статье топонимический материал указывает на тесные исторические и этнические связи Крыма с Византией, Османской империей, степью и Северным Кавказом. Дальнейшее ареальное и хронологическое исследование крымских ойконимов с формантами -сала, -кой и -эль~-эли, несомненно, внесет определенную лепту в изучение как этнической, так и социальной истории Крыма. В заключение следует также отметить, что достоверность этимологизации топонимов Крыма, имевшего длительную и сложную этническую историю, прямо зависит от раскрытия их системных связей и места в топонимическом ландшафте как самого полуострова, так и смежных с ним регионов.

ЛИТЕРАТУРА

1. А. Н. Шеглов. Об изучении топонимики средневекового Крыма. — «Записки Одесского археологического общества», т. I (34). Одесса, 1960.

2. *О. Н. Трубачев*. Indoarica в Северном Причерноморье. — В кн.: «Этимология. 1979», М., 1981.
3. *А. И. Маркевич*. Географическая номенклатура Крыма как исторический материал (Топонимические данные крымских архивов). — «Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии (бывш. Таврической ученой архивной комиссии)», т. II (59), Симферополь, 1928.
4. *А. В. Суперанская*. Тезисы доклада «Топонимический словарь Крымской области». — В кн.: «IV Республиканська ономастична конференція (Тези)», Київ, 1969.
5. *А. Бертье-Делагард*. Примечания к «Описанию Черного моря и Татарии» Эмидио Дортелли д'Асколи (1634). — «Записки Одесского общества истории и древностей» (ЗООИД), 1902, т. XXIV, стр. 175—176, прим. 119.
6. *В. И. Абаев*. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М.—Л., 1958; т. II. Л., 1973.
7. *Эвлия Челеби*. Книга путешествий. Вып. 2. Земли Северного Кавказа. М., 1979.
8. *В. В. Радлов*. Опыт словаря тюркских наречий. Т. II, СПб., 1899; т. IV. СПб., 1911.
9. «Караимско-русско-польский словарь», М., 1974, стр. 462.
10. «Чувашско-русский словарь». Под ред. М. И. Скворцова. М., 1980, стр. 340.
11. «Атлас мира». Указатель географических названий. М., 1968, стр. 525, 526.
12. *Е. И. Чернышев*. Селения Казанского ханства (по писцевым книгам). — В кн.: «Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья», Казань, 1971.
13. «Большой Советский атлас мира», т. II. М., 1939.
14. *Ф. И. Гордеев*. Этимологический словарь марийского языка. Т. 2, Йошкар-Ола, 1983.
15. *А. Бесчинский*. Путеводитель по Крыму. М., 1905.
16. *В. В. Вельяминов-Зернов*. Материалы для истории Крымского ханства. СПб., 1864.
17. *П. И. Кеппен*. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических (Крымский сборник). СПб., 1837.
18. *Ф. Ф. Лашков*. Исторический очерк крымско-татарского землевладения. Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения. Симферополь, 1897.
19. «Списки населенных мест Российской империи», т. XLI. Таврическая губерния. СПб., 1865.
20. «Список деревням и селениям, оставшимся после выхода татар за границу с 1860 по 1866 год». — В кн.: «Памятная книга Таврической губернии», вып. I. Симферополь, 1867.
21. *Г. Ф. Саттаров*. Татар исемиңре сузлеге. Казан, 1981, стр. 53.
22. «Codex Sumanicus», Budapestini, 1880.
23. «Энциклопедический словарь». Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, т. XXXIX, кн. 77. СПб., 1903, стр. 66.
24. *И. Березин*. Тарханные ярлыки крымских ханов. — «ЗООИД», 1872, т. VIII, стр. 12.
25. *Мартин Броневский*. Описание Крыма (Tartariae Descriptio). — «ЗООИД», 1867, т. VI, стр. 201—203.
26. *В. Х. Кондарак*. Универсальное описание Крыма. Ч. I. СПб., 1875, стр. 201—203.
27. *В. Г. Егоров*. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964.
28. *О. Н. Трубачев*. Таврские и синдо-меотские этимологии. — В кн.: «Этимология. 1977», М., 1979, стр. 128—133.
29. «Атлас мира», М., 1967.
30. *А. К. Шагиров*. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков, (А-Н). М., 1977.
31. *Дж. Н. Коков*. Адыгская (черкесская) топонимия. Нальчик, 1974, стр. 22, 38, 136 и сл.
32. *Дж. Н. Коков*. Кабардинские географические названия. Нальчик, 1966, стр. 50 и сл.
33. *Н. Г. Волкова*. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973, стр. 71.
34. *Ф. Хартахай*. Историческая судьба крымских татар. — «Вестник Европы», 1866, т. II, отд. 1, стр. 217.
35. *В. И. Даль*. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. II. М., 1956.
36. «Словник української мови», т. IV, Київ, 1973, стр. 171.
37. *Э. В. Севортян*. Крымско-татарский язык. — В кн.: «Языки народов СССР», т. II. Тюркские языки. М., 1966, стр. 236.
38. *Э. М. Мурзаев*. Словарь народных географических терминов. М., 1984.
39. *А. А. Белецкий*. Греческие элементы в географических названиях Крыма. — В кн.: «Этимология. 1967», М., 1969, стр. 207 и сл.
40. *В. Д. Смирнов*. Крымское ханство под верховенством Оттоманской порты до начала XVIII в. СПб., 1887.

41. «Монгольско-русский словарь». Под ред. А. Лувсандэндэва. М., 1957, стр. 592.
42. *G. J. Ramstedt. Kalmückisches Wörterbuch.* Helsinki, 1935.
43. *Е. О. Шевелев.* О некоторых городах и курганах в Днепровском уезде Таврической губернии. — «ЗООИД», 1844, т. I, стр. 332.
44. *П. Н. Старостин.* Этно-культурные общности предбулгарского времени в Нижнем Прикамье. — В кн.: «Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья», Казань, 1971, стр. 45—46.
45. *Б. Я. Владимирцов.* Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Л., 1929, стр. 356—357.
46. *С. А. Козин.* Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. М.—Л., 1941, стр. 188, 192.
47. *P. Pelliot. Notes sur l'histoire de la Horde d'Or.* P., 1949, стр. 129, прим. 4.
48. «Справочник личных имен народов СССР», М., 1979.
49. *Вс. Ф. Миллер.* Осетинско-русско-немецкий словарь. Т. II. М., 1929.
50. *Тунманн.* Крымское ханство. Перевод с немецкого издания 1784 г., Симферополь, 1936.
51. *Э. М. Мурзаев.* Опыт объяснения названия «Крым». — «Известия Всесоюзного географического общества СССР», 1948, № 3.
52. *К. К. Юдахин.* Киргизско-русский словарь. М., 1965, стр. 498.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ НАЗВАНИЙ ЯЗЫКОВ

мар. — марийский

негид. — негидальский

осет. (дигор. ирон.) — осетинский (дигорский и иронский диалекты)

ульч. — ульчский

К. А. МИЗИЕВ

О ПОТАМОНИМЕ *argu*

Названия с потамонимом *argu* довольно часто встречаются как на территории СССР, так и за его пределами; они зафиксированы также в исторической литературе и в письменных памятниках. Широкое распространение топонимов с компонентом *argu* говорит о древности их происхождения.

Говоря о селе и реке с названием *Argudan* в Кабардино-Балкарии, Дж. Н. Коков ограничивается выделением второго компонента, являющегося формой апеллиатива в иранских языках — *don* 'река'. Название реки *Arhoan* — притока Терека он возводит к *agh'uane* 'бурная' (образуется слиянием потоков) [1, стр. 93].

М. А. Хабичев потамоним *argu* считает метатезой *agur* и, исходя из этого, объясняет название *Argudan*, как состоящее из *agur* 'река', 'речка' и *dan* 'река' [2, стр. 52]. На наш взгляд, обилие примеров названий с компонентом *argu* свидетельствует о вероятности самостоятельного существования данного топонимического форманта.

Венгерский ученый Ласло Расони приводит название населенного пункта *Orgovan* в Венгрии, которое он считает куманским по происхождению: *Argavan* или *Arguvan*, что означает «сирень». Он отмечает также, что в 1518 году недалеко от села Алсопанит существовало место под названием *Orgovan*, а в Кунсаге — *Orgovany*. В словацком языке *ogovan* также означает «сирень» и, по мнению автора, является венгерским заимствованием. В персидском языке *argavan* имеет значение «красное дерево» [3, стр. 345—351]. Это же название встречается в районе реки Евфрат в IX веке — *Argaup* [4, стр. 56], в дальнейшем оно изменяется — *Arghuvan* и *Arghavan* [5, стр. 351]. Высказывалось также мнение, что название *Oghvan* происходит от славянского «ореховый» [6, стр. 363].

По своей этимологии к этим названиям примыкает и гидроним *Argivanly* в Туркмении. Это слово С. Атанязов отождествляет с горной растительностью «аргуван» [7, стр. 43].

В современной топонимии Чечено-Ингушетии сохранился гидроним *Argun*, а на Дальнем Востоке *Argui*, который, как утверждает В. А. Никонов, означает «широкий». Кроме того, в Таджикистане протекает река с названием *Arg*, в Дагестане — *Arguani*. В Чегемском ущелье Кабардино-Балкарии есть местность *Urgujuq*, первую часть названия которой семантически можно связать с *argu*. Переход *a > u* для тюркских языков вполне закономерен.

Фонетический вариант *argu* в трансформации *argu/arku/ugku* можно предположить в названии реки *Irkut*. При этимологизации этого гид-

ронима была выдвинута гипотеза о его этническом происхождении, связанном с древнетюркскими и древнемонгольскими родовыми группировками тувинцев и якутов (irgit), хакасцев и алтайцев (yrgyt), монголов (bajyrku или bargut) [8, стр. 9—10].

Название реки и горного хребта Argut (Arkut, Arhyt, Urkut, Urküt). О. Т. Молчанова, ссылаясь на работы других авторов, выводит из алтайского arkut 'кожаный мешок или сосуд для приготовления кумыса', аргументируя это предположение тем, что Argut вырывается из расщелины Катунско-Чуйского хребта, словно кумыс из бурдюка [9, стр. 138]. Argut, по описанию Н. М. Ядринцева, «шумит здесь в теснине; он виден в глубине; волн его не видно, но сверкает только белая пена; из теснины неслется не шум горного ручья, а рев реки» [10, стр. 3]. Название этой реки близко к карачаево-балкарскому urhu 'селевой поток', при этом следует учесть, что само это слово у карачаевцев и балкарцев вызывает отрицательные ассоциации — чувство надвигающейся беды от разбушевавшейся стихии. Таким образом, алтайский гидроним Argut можно гипотетически связать с семантическим рядом argu.

Топоним Arhyz возводят к абхазскому arha, arhu 'приречная долина', 'приречная равнина' [11, стр. 284]. Среднеазиатский гидроним Yrgyz исследователи толкуют как «старая вода» — Ergizug/Ergizu/Ergiz, где ergi 'старая' + zug 'вода' [12, стр. 201—202]. На Чулыме встречается название реки Irgaz, а на Волге Большой и Малый Irgaz. М. А. Хабичев считает Arhyz более древней формой yrgyz и irgiz и выводит его «из arhu (ср. кбалк. urhu 'поток' из ar 'поток' + имяобразующий аффикс с уменьшительным значением = hu) 'поток' + yz < us 'вода', 'река' [2, стр. 54].

В персидских летописях, содержащих описание похода Тимура на Северный Кавказ, встречается интересующий нас топоним: «Многие из области Иркувун были убиты, Кулу и Тауса взяли в плен и, не доставив к Тимуру, убили по пути» [13, стр. 122]. Слово Irkuvun, несомненно, входит в топонимический ряд с argu и является названием и области, и племени. Qulu у балкарцев сохранилось в виде фамилии Quluylaru (Кулиевы), а имя Таусо довольно широко распространено и сегодня. Соответствующие события, описываемые в персидских летописях, вероятно, происходили на территории Балкарии. Это отмечают и некоторые исследователи истории Северного Кавказа [14].

Болгарского царя, деда Аспаруха, звали Organ [15, стр. 161—162], а у тюркоязычных хазар Arhon означал титул «князь» [16, стр. 601]. Arhon встречается в составе гидронимов и топонимов на территории Северной Осетии. Orhon — название реки на древней родине тюрков в Монголии.

В Южной Киргизии встречается топоним Arqyt, который К. Конкобаев, на наш взгляд, ошибочно связывает с санскритским словом arhant, rhan 'архат — святой, тот, кто достиг последней ступени на пути к успокоению, нирване', ссылаясь при этом на «Древнетюркский словарь» [17, стр. 126]. Конечно же, этот топоним может обрести свою более прозрачную, причем географическую этимологию на материале тюркских языков.

Таким образом, потамоним argu с некоторыми фонетическими разновидностями встречается на обширной территории от Дальнего Востока до Западной Европы. Нами зафиксирован потамоним argu в следующих написаниях: Arg, Argu, Arguani, Argun, Arhon, Arhoan, Orhon, Urkut, Urküt, Irkut, Arqyt, Arhyz, Yrgyz, Irgaz, Irgiz, Urğujuq, Irkuvun, Argavan, Arguvan, Arghavan, Arghuvan, Orgovan, Orgovany, Orohvan, Arguvanly.

Рассматривая данный ряд топонимов с точки зрения этимологии, мы исходим из исторических, географических и, разумеется, языковых возможностей возникновения каждого из них. Считая данный потамоним тюркским по происхождению, мы исходим из факта миграции тюркских кочевых народов в разные эпохи, а также из территориального расселения в районах существования этих названий.

Впервые потамоним *argu* встречается в словаре Махмуда Кашгари, где это слово имеет несколько значений, причем все они относятся к топонимии: «долина между горами» [18, стр. 127], «этническое название одного из тюркских племен» [18, стр. 29], «географическое название местности между Таразом и Баласагуном» [18, стр. 127]. *Argu* как одно из географических названий города Таласа отмечено в рукописях манихейского содержания VIII века [19, стр. 26]. В. В. Бартольд считал, что «...по Махмуду Кашгарскому, под словом *Аргу* вообще понимали ущелье, расположенное между двумя горами» [16, стр. 76].

В турецком языке имеется слово *argut*, на наш взгляд, семантически связанное с древнетюркским *argu* и означающее «ущелье», «теснина», «горный проход», «дефиле» [20, стр. 62].

В каракалпакском языке *arqa* означает «север», «северная сторона» [21, стр. 174], в якутском «запад», «на запад», «на западе» [21, стр. 174], в кумыкском, карачаево-балкарском, алтайском «хребет», «склон» [21, стр. 174], турецком и монгольском диалектные *agi* и *ag* выражают значения *ag/ar* «задняя сторона», «спина», «тыл» [21, стр. 175].

В «Сравнительном словаре» Л. З. Будагова рассматриваемый топоним встречается в наиболее близком к гидронимическому значению данного слова: *ارغا* 'ручей', 'поток', 'река' [22, I, стр. 29]. Здесь же вышеприведенные слова *آرغوان* (перс.), *أرجوان* (араб.) означают «дерево с прелестными красными цветками», «дерево иудейское» [там же].

В исследуемых примерах с *argu* довольно четко прослеживаются две линии: первая линия — составляет топонимический ряд с собственным *argu* в сочетании с некоторыми словообразующими аффиксами: *Arg*, *Argudan*, *Argut*, *Irgut*, *Arhyz*, *Arguñ*, *Urkut*, *Arhon*, *Orhon*, *Irgaz*. В этой группе основными значениями топонимов являются такие понятия, как «река», «речка», «ручей», «ущелье между двумя горами», «долина между двумя горами», «теснина», «кожаный мешок», «приречная долина», «север», «запад», «хребет», «склон», «задняя сторона» и т. д.;

вторая линия — составляет сложные топонимические образования, либо слово, выражающее значения «красное дерево», «ореховый», «дерево с прелестными красными цветками», «дерево иудейское», «сирень» и т. д. К этим топонимам относятся: *Argavan*, *Arguvan*, *Arghavan*, *Org-hovan*, *Orohvan*, *Arguvanly*, *Arghuvan*. Данные названия давали местностям, в которых росли указанные виды деревьев. Этимологически эти слова, возможно, восходят к названию горной растительности «аргуван», состоящему из компонентов *argu* и пока не исследованного *van*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дж. Н. Коков. Адыгская (черкесская) топонимия. Нальчик, 1974.
2. М. А. Хабичев. К гидронимике Карачая и Балкарии. Нальчик, 1982.
3. Laszlo Rasonyi. Kiskunság'da Kumanca yer adlari. — «Nemeth armağan», Ankara, 1962.
4. E. Honigmann. Die Ostgrenzedes byzantinischen Reiches. Brüssel, 1935.
5. V. Culaet. La Turquie de l'Asie II; Ritter, Georgrg. — Stat. Lexicon, 1895.
6. Istvan Kniezsa. A magyar nyelv szlav jövevényiszavai. Budapest, 1955.

7. С. Атанязов. Түркменистанын географик атларынын дүшүндиришли сөзлүгү. Ашгабат, 1980.
8. С. А. Гурулев. Что в имени твоём, Байкал? Новосибирск, 1982; Г. Н. Румянцев. Происхождение хоринских бурят. Улан-Удэ, 1962.
9. О. Т. Молчанова. Топонимический словарь Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1979.
10. «Экспедиция чл.-с. Ядринцева на Алтай». — «Известия Императорского русского географического общества. 1881 г.». Вып. I, т. 27, 1887.
11. Я. А. Федоров. Топонимика Западного Кавказа и некоторые вопросы его этнической истории. — «Труды Карачаево-Черкесского НИИ», вып. VII. Серия историческая, Черкесск, 1974.
12. А. Абдурахманов. Топонимика жэнэ этимология. Алматы, 1975.
13. В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Ч. II. М.—Л., 1941.
14. И. М. Мизиев. О некоторых оборонительных сооружениях Балкарии. — «Краткие сообщения Института археологии», вып. 113. М., 1968, стр. 66; его же. Средневековые башни и склепы Балкарии и Карачая. Нальчик, 1970, стр. 51; Х. А. Хизриев. Борьба народов Северного Кавказа против экспансии Тимура. Автореф. канд. дисс. Л., 1982, стр. 12.
15. М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962.
16. В. В. Бартольд. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. — «Сочинения», т. 5. М., 1968.
17. К. Конкобаев. Топонимия Южной Киргизии. Фрунзе, 1980.
18. «Divanü lûgat-it-Türk tercümesi». Çeviren Besim Atalay. Ankara, 1939—1941, cilt I.
19. Le Coq A., von. Türkische Manichaica aus Chotscha I. APAW, Anhang, 1911, Berlin, 1912.
20. «Турецко-русский словарь». М., 1977.
21. Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков. Т. I. М., 1974.
22. Л. З. Будагов. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Ч. I. М., 1878.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

А. АБЛАКОВ

К ГРАММАТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ УПРАВЛЕНИЯ КАК СПОСОБА СВЯЗИ В КАЗАХСКОМ ЯЗЫКЕ

Управление, как известно, является одним из главных типов синтаксической связи, однако его изучение в тюркологии имеет сравнительно недавнюю историю.

Словосочетание как самостоятельная синтаксическая единица рассматривалась в трудах Н. К. Дмитриева, А. Н. Кононова, Н. А. Баскакова, Е. И. Убрятовой, Н. З. Гаджиевой, М. Б. Балакаева, А. Г. Абдурахманова, Ю. М. Сеидова, М. З. Закиева, А. Н. Баскакова и др. В указанных, а также в некоторых других исследованиях [1; 2; 3; 4; 5] анализируется природа управления и его специфические особенности. Однако до сих пор в тюркском языкознании, в том числе и казахском, нет специальных монографических исследований по данному вопросу, и по нему у тюркологов поныне не сложилось единого мнения.

Известно, что характер связи компонентов словосочетаний, образованных по способу управления, не всегда одинаков. Степень спаянности компонентов зависит как от лексико-грамматического значения управляющего слова, так и от цели и содержания всего высказывания. В русском языкознании первым на это обратил внимание Ф. И. Буслаев, который выделял «слова, обстоятельственные, частью же независимые или самостоятельные» [6, с. 457]. Развивая эту мысль Ф. И. Буслаева, А. М. Пешковский ввел термины: «сильное» и «слабое» управление. Заслуживая А. М. Пешковского является не только введение в языкознание указанных терминов, но и выявление особенностей сильного и слабого управления, а также выработка определенных критериев их разграничения. «Под сильным управлением, — писал А. М. Пешковский, — мы понимаем такую зависимость существительного или предлога с существительным от глагола, при которой между данным падежом или данным предлогом с данным падежом, с одной стороны, и словарной или грамматической стороной глагола, с другой стороны, есть необходимая связь».

Под слабым управлением А. М. Пешковский понимал не внутреннюю связь, а простое «сопровождение действия или состояния одного субъекта таким же действием или состоянием другого... т. е. имеется в виду действие вообще, которое может быть приложено к любому глаголу» [7, с. 285].

Вопрос о степени связи между компонентами словосочетаний издавна интересовал и тюркологов. Так, Н. К. Дмитриев утверждает, что «обстоятельства (особенно обстоятельства времени и места) гораздо слабее связаны со своим управляющим глаголом, чем, например, дополне-

ние» [8, с. 214]. Мы полностью разделяем это мнение Н. К. Дмитриева. Сказанное можно иллюстрировать следующими примерами из современного казахского языка:

1) *әкесін көрді* 'видел отца', *бізге келді* 'пришел к нам', *шекарадан өтті* 'перешел границу'; 2) *тоғайда көрді* 'видел в лесу', *сағат алтыда көрді* 'видел в шесть часов', *машинамен өтті* 'проехал на машине'; *таң алдында өтті* 'перешел на рассвете'. Совершенно очевидно, что связь между компонентами второй группы словосочетаний значительно слабее, нежели первой.

Управление делится на сильное и слабое А. Н. Кононовым, который указывает, что «под сильным управлением понимается такая зависимость падежа существительного или существительного+послелог от глагола, при которой между падежом или падежом+послелог, с одной стороны, и семантическим или грамматическим значением глагола, с другой стороны, устанавливается необходимая связь. Под слабым управлением глагола понимается такая зависимость падежа существительного или существительного+послелог, которая обуславливается не их внутренней лексико-семантической связью, а вызывается необходимостью некоторого уточнения, пополнения, сопровождения содержания действия» [9, с. 216].

А. Аманжолов признает управлением лишь словосочетания с объектным отношением, а с обстоятельственным отношением он относит к «падежному примыканию» [2, с. 97]. Конечно, в словосочетаниях с управляемыми словами, выражающими временные, причинные и пространственные отношения, связь между компонентами менее тесная, нежели в словосочетаниях *сағат бестерде келді* 'пришел около пяти часов', *қысылғандықтан шатасты* 'ошибся от смущения', *тоғайда кездесті* 'встретился в лесу', которые отличаются от таких сочетаний, как *заттарын берді* 'отдал вещи', *көпірді бұзды* 'разрушил мост'. Однако, несмотря на существующие различия, первую группу сочетаний нельзя полностью исключить из состава управления. Причина заключается в следующем:

1) в указанных словосочетаниях зависимые части подчиняются главным компонентам посредством падежных окончаний;

2) оформление управляемых слов тем или иным падежом зависит в определенной степени от лексико-грамматических значений господствующих компонентов;

3) подобные связи в сочетаниях нельзя отнести к примыканию, так как связь компонентов в словосочетаниях, образованных способом примыкания, настолько тесная, что не допускает вставки между компонентами других слов, тогда как при управлении это возможно: *сағат бестерде мектепке келді* 'пришел в школу около пяти часов'; *қысылғандықтан сөзден шатасты* 'перепутал слова от смущения'; *тоғайда жолдастарымен кездесті* 'в лесу встретился с товарищами';

4) в управлении зависимые компоненты подвергаются морфологическому изменению, на что реагирует и форма слов в словосочетании, чего нельзя сказать о случае с примыканием. Таким образом, в примыкании возможен лишь лексический, а не грамматический выбор.

Рассмотрев словосочетания с управляющими именами, М. Б. Балакаев пришел к выводу, что связь между компонентами в них слабее, нежели в глагольных сочетаниях, и подтвердил эту мысль фактами из казахского языка [10, с. 34].

Данный краткий обзор позволяет сделать следующие выводы:

а) некоторые ученые понимают под управлением такую синтаксическую связь, при которой падежное окончание управляемого слова зависит от

лексического значения управляющего слова, б) другие — смотрят на данное явление несколько шире, учитывая лексическое и грамматическое значение управляющего слова, а также содержание всего высказывания.

Современное общепринятое определение управления, сформулированное В. В. Виноградовым [10, с. 22], учитывает оба фактора: как лексическое, так и грамматическое значение управляющих слов.

Автор настоящей работы также является сторонником деления управления на сильное и слабое. На наш взгляд, к слабому управлению относятся глагольные словосочетания с местным и, в некоторых случаях, творительным падежом, словосочетания, выражающие временные и причинные отношения в исходном падеже, а также словосочетания с управляющими именами. Остальные виды словосочетаний с управляющими компонентами мы относим к сильному управлению. Для подтверждения этой точки зрения сопоставим несколько примеров из казахского языка: *ұрды* 'бил', *баланы ұрды* 'бил мальчика', *таяқпен ұрды* 'бил палкой', *үйде ұрды* 'бил в доме', *ашуланғаннан ұрды* 'бил от злости'. В этих словосочетаниях глагол *ұрды* по своей семантике требует прежде всего постановки слова в винительном падеже. Поэтому внутренняя связь между компонентами словосочетания *баланы ұрды* более тесная, нежели в остальных словосочетаниях. Именно такие виды словосочетаний мы относим к сильному управлению. Сюда же можно отнести и такие сочетания слов, как *тауға шық* 'взойди на гору', *үйге бар* 'иди домой', *көпірден өт* 'перейди через мост', *таудан ас* 'перевали через гору' и т. п. Падежи управляемых слов (местный, исходный и творительный: *таяқпен ұрды*, *үйде ұрды*, *ашуланғаннан ұрды*) определяются не лексической семантикой *ұрды*, а синтаксической ролью господствующего слова и общим смыслом высказывания. Следовательно, значение переходности глагола *ұрды*, который управляет винительным падежом, является здесь основным, а постановка зависимого компонента в других падежах с глаголом *ұрды* — второстепенным, зависящим от основного значения. Таким образом, словосочетание с винительным падежом послужило основой для образования словосочетаний с другими падежами. Уточним сказанное, проанализировав словосочетания с глаголами *қирату* 'разрушить' и *тарту* 'тянуть'. По своей семантике эти глаголы требуют от управляемого слова прежде всего винительного падежа: *көпірді қиратты* 'разрушил мост', *шананы тартты* 'тянул сани'. Далее образуются такие словосочетания, как *оң жағынан қиратты* 'разрушил с правой стороны', *сағат жетіде қиратты* 'разрушил в семь часов', *қолмен қиратты* 'разрушил вручную', *балтамен қиратты* 'разрушил топором', *трактормен қиратты* 'разрушил трактором', *қопарғышпен қиратты* 'разрушил миной', *қолмен тартты* 'тянул руками', *трактормен тартты* 'тянул трактором'. Все они, на наш взгляд, являются производными от сочетаний *көпірді қиратты* и *шананы тартты*.

В именных словосочетаниях, образованных способом управления, главные компоненты, взятые отдельно в предикативной функции, вызывают ощущение отсутствия не слов в косвенных падежах, а в первую очередь подлежащего; например: *Ол жұмысқа еңгі* 'Он способен к работе', *Ол малға бай* 'Он богат скотом'. В этих примерах слова *еңгі* и *бай* по своим лексическим значениям не требуют постановки слов в косвенных падежах. Постановка управляемых слов в косвенных падежах зависит не от лексического значения господствующего компонента, а от смысла высказывания в целом. Именно такие словосочетания следует относить к слабому управлению.

Итак, исходя из существующих мнений по данному вопросу, а также основываясь на фактическом материале казахского языка, считаем возможным предложить следующие критерии разграничения сильного и слабого управления:

1. Если между управляющим и управляемым словом существует внутренняя смысловая связь, то такое словосочетание следует отнести к сильному управлению [7], отсутствие такого признака — указывает на слабое управление.

2. О сильном управлении следует говорить и тогда, когда та или иная падежная форма управляемого слова обусловлена лексическим значением управляющего слова. Если же данная падежная форма находится в зависимости от смысла всего высказывания, то это указывает на слабое управление.

3. Сильное управление отмечается и в таких словосочетаниях, в которых падежная форма управляемого слова служит для выявления значения господствующего слова (например, в словосочетаниях *үйді бұзды* 'разрушил дом', *әйнекті сындырды* 'разбил стекло'); или когда форма винительного падежа конкретизирует значение глаголов *бұз* и *сындыр*; или когда форма косвенного падежа необходима для раскрытия полноты значения управляющего слова (*тауға қарады* 'посмотрел на гору', *соғыстан қайтты* 'вернулся с войны').

4. К сильному управлению относятся и такие случаи, когда господствующий компонент из ряда падежных форм выбирает лишь ту, внутренняя связь с которой у него более тесная. С глаголом *қама* 'загони' сочетаются слова, стоящие в винительном, дательном и местном падежах: *малды қама* 'загони скот', *қораға қама* 'загони во двор', *сағат жетіде қама* 'загони в семь часов'. В сочетании *малды қама* внутренняя связь выражена наиболее тесно.

5. При сильном управлении господствующий компонент никогда не теряет связи с зависимым, как бы он ни был отдален от него; при слабом же управлении зависимый компонент тяготеет к ближайшему слову, легко отрывается от главного и может перейти в разряд обособленных членов предложения.

6. В именных словосочетаниях казахского языка отмечается слабое управление, обусловленное тем, что в таких словосочетаниях значение самого падежа преобладает над функцией связи слов; например: *ондайлар колхозда жеткілікті* 'таких в колхозе достаточно'. В этом словосочетании пространственное значение падежного окончания *-да* преобладает над функцией связи между словами *колхоз* и *жеткілікті*.

В тюркологии до сих пор нет единого мнения по вопросу о типе связи между компонентами словосочетаний с родительным падежом и аффиксом принадлежности (*бастықтың үкімі* 'приказ начальника'), то есть по вопросу о том, относятся ли они к сочетаниям, образованным способом управления, или речь идет о других типах связи. Подобные сочетания М. А. Казембеком относились к управлению [12, с. 374]. И. А. Батманов [13, с. 11—13] и А. Н. Кононов [14, с. 344] считают их согласованием.

Точка зрения М. А. Казембека, разделявшаяся и другими тюркологами, долгое время господствовала в казахском языкознании [15, с. 19; 16, с. 84]. В сравнительно недавнем исследовании Г. К. Кулиева словосочетания типа *оқушының дәптері* 'тетрадь ученика' также относятся к управлению. «Аффиксы принадлежности, — пишет он, — принимают склоняемые части речи. Спрягаемая форма глагола и деепричастие в тюркских языках не управляют родительным падежом, так как они не принимают аффиксов принадлежности» [5, с. 7].

По нашему мнению, словосочетания с компонентами родительный падеж плюс аффикс принадлежности не могут входить в разряды управления и согласования, например: *Асанның кітабы* 'книга Асана', *көлге келдік* 'пришли к озеру'; *біз келдік* 'мы пришли'. Сочетание *Асанның кітабы* относится к «взаимоподчинению», *біз келдік* — к согласованию, ибо слово *кітабы* требует постановки слова *Асан* в родительном падеже (-ның), а слово *Асанның*, в свою очередь, требует оформления слова *кітап* аффиксом принадлежности (-ы). В словосочетании же *көлге келдік* связь между компонентами, в отличие от предыдущего, является односторонней, то есть управляющие глаголы требуют постановки управляемых слов в дательном падеже, причем форма управляемых слов не влияет на форму глаголов. В связи с этим в казахском языке можно строить сочетания типа *көлге кел* 'приди на озеро'. Здесь уместно привести высказывание И. И. Мещанинова, понимающего одностороннюю связь следующим образом: «Устанавливается более точное понимание управления как такого синтаксического приема, которым передаются синтаксические отношения между соединительными словами предложения с односторонне выраженной связью. Зависимое слово получает свое оформление, зависящее от другого, синтаксически с ним объединенного слова» [17, с. 78].

По некоторым признакам словосочетание типа *Асанның кітабы* приближается к согласованию, однако, думается, его не следует отождествлять полностью с сочетаниями типа *біздер келдік* 'мы пришли', так как в нем главный компонент *біздер*, выполняющий функцию подлежащего, требует оформления зависимого компонента — сказуемого *келдік* — в том же лице, и, наоборот, форма сказуемого требует постановки подлежащего в определенном лице. Аффикс сказуемости зависит здесь не от окончания слова *біздер*, как это имеет место в «взаимоподчинении», а от его основы, содержащей грамматическое значение. Кроме того, в таких словосочетаниях налицо предикативность, которая отсутствует в сочетаниях типа *Асанның кітабы*.

Долгое время в казахском языкознании словосочетания рассматривались не на основе принципа выделения частей речи, а на основе синтаксической связи предложения. Этой точки зрения в определении управления придерживается Н. Сауранбаев: «Сказуемое с дополнением в основном связывается способом управления» [18, с. 155].

Если рассматривать словосочетания как выражение связи между членами предложения, то синтаксис словосочетания смешивается с синтаксисом предложения [19, с. 21]. Справедливость этого положения подтверждается тем, что в словосочетании *Алматы қаласында болдым* 'был в городе Алма-Ата' сочетание *Алматы қаласында* является одним из членов предложения (обстоятельство места), и в то же время оно представляет собой словосочетание, образованное по способу примыкания, то есть с точки зрения состава предложения здесь выступает как одно словосочетание. В действительности же здесь налицо два словосочетания: 1) *Алматы қаласында болдым* — сложное словосочетание и 2) *Алматы қаласында* ('в городе Алма-Ате') — простое словосочетание.

Мнение о том, что винительным падежом управляют только переходные глаголы, является общепризнанным в тюркологии. Однако исследователь нанайского языка В. А. Аврорин отмечает факты, когда винительным падежом управляют не только переходные глаголы, но и именина. «Таким образом, — пишет он, — прямое дополнение может быть подчинено как глаголу, так и имени, в том числе даже и имени существительному» [20, с. 74].

Факты казахского языка показывают, что имена, имеющие часто предметное значение, а также прилагательные, выражающие качественные признаки предмета, винительным падежом управлять не могут. На управление винительным падежом в таких словах, как *білгіш* 'знаток', *оқығыш* 'мастер чтения' и т. д., влияет не семантика имени, а семантика глагола, выражаемая корнями слов; например: *жаңалықты білгіш* 'знаток новостей', *араб жазуларын оқығыш* 'мастер чтения арабской письменности'.

В тюркологии в основном внимание уделяется глагольному управлению, хотя в области теории именного управления все еще немало нерешенных задач и проблем. Такие ученые, как А. Н. Кононов, Н. А. Баскаков, Э. В. Севортян, Е. И. Убрятова, М. Б. Балакаев и другие, в своих исследованиях доказали, что управляющими словами могут быть не только глаголы, но и имена. Э. В. Севортян, в частности, пишет: «Трудно как-либо объяснить то положение, что именное управление все еще ждет своего изучения, но тем не менее это остается фактом» [21, с. 14]. В казахском языкознании вопрос об именном управлении впервые был затронут М. Б. Балакаевым [22, с. 3].

Словосочетания с именным управлением играют значительную роль в языке и требуют специального исследования. Изучение фактов раннего периода развития языка свидетельствует о том, что имена не могли самостоятельно управлять каким-либо словом. В памятниках орхон-енисейской письменности имена управляются другими словами лишь в сочетании со вспомогательным глаголом. случаев самостоятельного именного управления в этот период не отмечается.

На наш взгляд, именное управление со вспомогательным глаголом возникло не сразу; оно образовалось в результате длительного процесса развития языка, ибо более глубокое проникновение в его историю показывает, что элементы, которые принято называть в настоящее время вспомогательными глаголами, являлись на определенном этапе развития языка самостоятельными глаголами. Эти глаголы, сочетаясь с именами различными способами, образовывали свободные словосочетания. Однако в процессе развития и многократного употребления этих словосочетаний глагол в них постепенно утрачивал свое основное конкретное значение, сохраняя в конечном итоге лишь грамматическое значение. Утратив таким образом основное конкретное значение, данные глаголы, сливаясь с сочетаемым именем, образовывали единый член предложения (сказуемое). Можно полагать, что результатом именно такого исторического процесса явились словосочетания со сложным управляющим компонентом (имя + вспомогательный глагол).

Наши предположения о былой самостоятельности (полнозначности) нынешних вспомогательных глаголов, об их постепенной грамматикализации подтверждают и факты древнетюркских письменных памятников, в которых встречаются параллельные словосочетания, где в одном случае полнозначный глагол управляет определенным падежом, в другом — сочетается с именем в определенном падеже в составе сложного именного компонента.

Данное явление свидетельствует о том, что в определенный период шел процесс преобразования полнозначных глаголов во вспомогательные, то есть процесс грамматикализации глаголов в составе сложного и именного компонента: *Іліз тутуп төрүз ітміс* (КТб., 3) 'Держа племенной союз, творили суд'; *Күчүң йетмішін қыл, ынынма маңа* (КБ, 169) 'Делай сам, что тебе по силам, на меня не полагайся'; *Табғач будунға сілік қыз оғлың күң болды* (КТм, 7) 'Табгачскому народу стали рабынями пре-

красные девушки'; *Чыган будуныҭ бай қылтым, аз будуныҭ үкүш қылтым* (КТм, 10) 'Сделал богатым неимущий народ, сделал многочисленным малый народ'; *Бодуныҭ көп баз қылтым* (КТб., 30) 'Все народы я примирил'. В первых двух предложениях приведенных примеров глаголы *ит* и *қыл* употреблены в своем основном значении и управляют именами в винительном падеже. В остальных же случаях они выступают в качестве вспомогательных глаголов в составе сложного именного главного компонента. Следует отметить, что в письменных памятниках XI века словосочетания со сложным управляющим компонентом (имя+вспомогательный глагол) встречаются гораздо чаще, нежели в более древних памятниках тюркской письменности. Расширение круга функционирования подобных словосочетаний можно объяснить увеличением случаев грамматикализации глаголов в составе сложного именного компонента.

Необходимо учитывать, однако, что именное управление могло развиться не из любого словосочетания со сложным управляющим компонентом (имя+вспомогательный глагол). Языковые факты показывают, что основой именного управления служат сочетания сложных компонентов только с пространственным падежом. Эту особенность можно выявить, сопоставив следующий фактический материал: 1) *оларды қонақ қылды* 'угостил их'; *оны адам етті* 'сделал его человеком'; *бұларды жатақ дейді* 'их называют жатаками'; 2) *маған түсінікті болды* 'мне было ясно', *жұмысқа епті болатын* 'был способным к работе', *кооперативке мүше еді* 'был членом кооператива', *Оралбайдан биік болатын* 'был выше Оралбая' и т. д.

Если в составе сложных главных компонентов первой группы примеров опустить вспомогательные глаголы *қылды*, *етті*, *дейді*, то оставшаяся именная часть не сможет управлять винительным падежом.

Роль вспомогательных глаголов становится еще яснее при сопоставлении следующих примеров: *өз ісіне шебер* 'мастер своего дела', *олармен дос* 'друзья с ним', *бізбен көрші* 'соседи с нами'. В этих словосочетаниях главные компоненты *шебер*, *дос*, *көрші* управляют дательно-направительным и творительным падежами. При присоединении к ним вспомогательного глагола *дейді* они приобретают способность управлять винительным падежом. Следует обратить внимание на тот факт, что слова *шебер*, *дос*, *көрші*, а также *мүше*, сочетаясь со вспомогательным глаголом *дейді*, управляют не только винительным падежом, но и дательно-направительным и творительным. Однако на управление последними падежами глагол *дейді* не оказывает какого-либо влияния, которое зависит только от лексического значения именной части сложного компонента; например: *Жамалды өз ісіне шебер дейді* 'Жамала называют мастером своего дела'; *Жомартты олармен дос дейді* 'Жомарта считают их другом'. Если в составе перечисленных сложных главных компонентов вспомогательный глагол *дейді* заменить глаголом *бол*, то они теряют способность управлять винительным падежом и сочетаются лишь с косвенными падежами; например: *Өз ісіне бұрыннан шебер болатын* 'Он издавна был мастером своего дела'; *Жомарт олармен ертеден дос болатын* 'Жомарт был им другом с давних пор'. Таким образом, главные компоненты словосочетаний с винительным падежом образуются лишь при условии сочетания имен с определенным кругом вспомогательных глаголов, а именно с глаголами: *ет*, *де*, *қыл*, *ал*, *көр*, *тұт*, *тап* и др. Способность сочетаний этих глаголов с именами управлять винительным падежом, с нашей точки зрения, объясняется следующими обстоятельствами:

1. 'Современные вспомогательные глаголы *ет, де, қыл, ал, көр, тұт, тап* и другие в древности были полнозначными переходными глаголами: *іт* - 'делать' (КТм, 3, КТб, 39, Мог. 2), *те* - 'говорить' (Мог., 5, 9, Т., 9, 39), *қыл* - 'делать, творить' (КТб, 29), *ал* - 'брать' (МЧ., 5, 10, КТм, 7), *көр* - 'смотреть' (МЧ. 22, Т., 26), *тұт* - 'держать', 'схватывать' (Т., 13, КЧ., 6, МЧ., 10).

2. По своим лексическим значениям на раннем этапе развития языка эти глаголы управляли винительным падежом.

3. Некоторые из перечисленных глаголов (*ал, қыл, тап, көр*), сохранив основное лексическое значение, в определенных синтаксических позициях сочетаются с винительным падежом и в современном казахском языке; например: *баланы ал* 'возьми ребенка', *айтқанды қыл* 'сделай сказанное', *жоғалған затты тап* 'найди утерянную вещь', *әжеңді көр* 'посмотри (осмотри) бабушку'.

Все приведенные выше языковые факты указывают на то, что рассмотренные ранее вспомогательные глаголы являлись полнозначными переходными глаголами. Основной же для развития именного управления послужили сочетания имен со вспомогательными глаголами, которые управляли косвенными падежами; например, если из состава сложного компонента таких сочетаний, как *түсінікті болды* 'было понятно', *епті болды* 'был способным', *мүше еді* 'был членом', *биік болатын* 'был высоким' изъять вспомогательные глаголы *болды, болатын, еді*, то именная часть может самостоятельно управлять определенными косвенными падежами, что невозможно в сочетании сложного компонента с винительным падежом. Другой отличительной чертой подобных словосочетаний является то, что употребление как полной, так и эллиптической формы главного сложного компонента не меняет модели управления; например: *оқуға ынталы болатын* 'он был старательным в учебе', *оқуға ынталы* 'старательный в учебе', *шаруаға олақ болатын* 'был неспособным к труду', *шаруаға олақ* 'неспособный к труду'. Параллельное употребление подобных словосочетаний считается обычным в современном казахском языке. Выбор того или иного словосочетания, по нашему мнению, связан, во-первых, с учетом конкретного отрезка времени протекания действия; при необходимости же указания прошедшего и будущего времени обычно употребляется вспомогательный глагол, в другом случае он опускается. Во-вторых, для краткой, конкретной и точной передачи мысли именная часть употребляется без вспомогательных глаголов в составе главного компонента, что свойственно в основном пословицам и поговоркам, в остальных случаях она употребляется со вспомогательными глаголами. Для подтверждения этого можно привести следующие примеры: *Істегенің еліңе жақсы үйренгенін өзіңе жақсы* (посл.) 'Плоды твоего труда хороши для твоей Родины, приобретенные знания хороши для тебя самого'; *Жуас түйе жүндеуге жақсы* (посл.) 'Смирный верблюд хорош для стрижки'; *Шалдын мұңы шалға жақын* (посл.) 'Жалобы старика близки старику' и т. д.

Выше уже говорилось, что имена в древности выполняли функцию предиката только в сочетании со вспомогательными глаголами. Однако в процессе развития языка лексическое значение глагольных компонентов в результате многократного употребления абстрагировалось и в соответствующих случаях появилась возможность их опущения. Несомненно, именно такой исторический процесс является главной причиной зарождения именного управления.

В хронологическом плане появление именного управления относится к XI веку. Но случаи употребления его в письменных текстах этого

периода не часты, что, видимо, указывает на начало процесса зарождения этого лексико-грамматического феномена: *Сараңқа сөкүш* (КБ., 175) 'Алчному проклятия'; *Өзүң бәкке сән* (КБ., 119) 'Ты принадлежишь князю'.

Словосочетания с именным управлением, зародившиеся в XI веке, развивались дальше, расширяя сферы применения. Это подтверждается широким употреблением их в современном казахском языке; например: *Жабай қызғанышы жоқ, Сейітпен дос* (Ф. Мүсірепов) 'Жабай независлив, он дружит с Сеитом'; *Аяқ екеу болғанда жақсы* (Ф. Мүсірепов) 'Хорошо, когда две ноги'; *Құрбасының сыры өзіне мәлім* (Ф. Мұстафин) 'Ему известно, что собой представляет его приятель'.

Приведенные примеры показывают, что слово *дос* в первом предложении выполняло ранее функцию предиката только в сочетании со вспомогательными глаголами (*еді, болды* и т. д.); прилагательное *жақсы* из второго предложения употреблялось в предикативной функции лишь в сочетании с *бол*, а слово *мәлім* в последнем предложении сочеталось с глаголами *еді, болды*.

Имена, выступая в функции предиката, управляют словами в той или иной падежной форме. Однако следует отметить, что они образуют словосочетания с управляемыми словами не только в предикативной функции, но и в функции определения и обстоятельства. Впрочем, такие случаи наблюдаются реже, так как словосочетания такого типа образовались позднее первых и пока еще находятся в стадии развития; например: *Дүниеде одан жақын, одан дос адам жоқтай көрінді* (М. Иманжанов) 'Казалось, нет в мире человека ближе и роднее его'; *Сөйтіп бұрынғыдан жақсы оқитын болды* (Ы. Алтынсарин) 'Таким образом, он стал учиться лучшего прежнего'. В этих примерах слова *жақын, дос*, выполняя функцию определения, сочетаются со словом *ол* в исходном падеже, а слово *жақсы* в функции обстоятельства сочетается со словом *бұрынғы* в том же исходном падеже.

В процессе развития языка сфера употребления словосочетаний, образованных по способу управления, становится шире. Расширение сферы функционирования словосочетаний происходит за счет внутренних закономерностей развития языка, а также под влиянием внешних факторов. Это подтверждается наличием в языке таких словосочетаний, как *өлең айтуға құмар* 'пристрастен к пению', *өз ісіне шебер* 'мастер своего дела', *соңғы модамен тігілген* 'сшитый по последней моде', *мерекеңізбен құттықтаймыз* 'поздравляем с праздником' и т. д.

В формировании приведенных выше словосочетаний имеются свои особенности. Если словосочетания *өлең айтуға құмар, өз ісіне шебер* — образованы по законам внутреннего развития казахского языка, то в образовании следующих за ним двух сочетаний угадывается влияние русского языка.

В заключение следует вновь подчеркнуть, что анализ мнений упомянутых выше ученых-языковедов и соответствующие факты древнетюркского и современного казахского языков указывают на то, что управление является таким типом исторически сложившейся синтаксической связи слов, при которой употребление зависимого компонента в той или иной падежной форме (кроме форм именительного и родительного падежей) находится в зависимости от лексико-грамматических значений главных компонентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. В. И. Асламов. Некоторые вопросы глагольного управления в памятниках азербайджанского языка в сравнительном освещении (переходные глаголы). Автореф. канд. дисс., Баку, 1960.

2. А. С. Аманжолов. Глагольное управление в языке древнетюркских памятников. М., 1969.
3. Л. И. Лебедева. Глагольное управление в киргизском языке. Автореф. канд. дисс., М., 1959.
4. А. А. Коклянова. Способы синтаксической связи слов в современном узбекском литературном языке (согласование и управление). Автореф. канд. дисс., М., 1953.
5. Г. К. Кулиев. Глагольное управление в азербайджанском и туркменском языках. Автореф. канд. дисс., Баку, 1969.
6. Ф. Буслаев. Историческая грамматика. М., 1959.
7. А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.
8. Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948.
9. А. Н. Кононов. Грамматика языка тюркских рунических памятников (VII—IX вв.). Л., 1980.
10. «Қазақ тілінің грамматикасы. Синтаксис», Алматы, 1967.
11. «Грамматика русского языка», т. II. М., 1954.
12. М. А. Казембек. Общая грамматика турецко-татарского языка. Казань, 1846.
13. И. А. Батманов. Способы выражения синтаксических отношений в киргизском языке. Фрунзе, 1940.
14. А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960.
15. А. Ермеков. Қазақ тіліндегі сөздердің меңгеруі және оның меңгерілуі. — Журн. «Халық мұғалімі», 1939, № 6, Алматы.
16. С. Аманжолов. Қазақ тілі ғылыми синтаксисінің қысқаша курсы, Алматы, 1940.
17. И. И. Мещанинов. Члены предложения и части речи. М.—Л., 1945.
18. Н. Т. Сауранбаев. Қазақ тілі (педучилищеге арналған). Алматы, 1953.
19. «Қазігі қазақ тілі. Синтаксис», Алматы, 1961.
20. В. А. Аврорин. Очерки по синтаксису нанайского языка. Л., 1948.
21. Э. В. Севортян. Несколько замечаний к тюркологическим исследованиям по грамматике. — «Советская тюркология», 1970, № 3.
- 22. М. Б. Балакаев. Современный казахский язык. Синтаксис. Алма-Ата, 1959.

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

Л. КЕРИМОВ

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ ЛЕКСИКИ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЯЗЫКА

Язык представляет собой своеобразный барометр социального и культурного развития общества¹. Характерные для современной эпохи значительные изменения, происходящие в языке, особенно в его лексическом составе, связаны в первую очередь с научно-технической революцией, оказавшей влияние на все сферы материальной и духовной жизни современного общества.

С развитием научно-технической революции возникло множество новых реалий и понятий, требующих языкового обозначения. Словарный состав азербайджанского языка, как и других развитых языков народов СССР, в настоящее время интенсивно пополняется терминологической лексикой, непосредственно и опосредствованно отражающей достижения научного прогресса. Существующие в языке слова претерпевают различные семантические изменения, обусловленные расширением функционально-стилистической сферы их употребления, использованием их в новых смысловых и стилистических контекстах, развитием их метафорических, метонимических значений и т. д.

В обогащении словарного состава азербайджанского языка существенную роль играют заимствованные слова, часть которых усваивается непосредственно из языка — источника заимствования, а часть — через посредство русского языка. В настоящее время большой продуктивностью обладают интернациональные слова и лексические элементы, что определяется неуклонным ростом взаимосвязей и взаимовлияния в различных областях жизни и деятельности народов.

В эпоху НТР важную роль в обогащении азербайджанского языка стали играть кальки и переводы. Большое количество слов, образованных на основе внутренних ресурсов азербайджанского языка, представляют собой кальки различных понятий, существующих в русском языке. Добавлением к словам-калькам словообразующих аффиксов азербайджанского языка создаются либо дериваты этих слов, либо совершенно новые слова и выражения. Другим важным источником обогащения словарного состава азербайджанского языка является усвоение слов из переводной литературы.

Обогащение азербайджанского языка за счет его внутренних ресурсов. Часть новых понятий, связанных с НТР, возникла на основе собственной лексики азербайджанского языка по существующим грамматическим моделям. Например: *картофчу* 'картофелевод', *гаршыдурма*

¹ Ю. Д. Дешериев. Социальная лингвистика. М., 1977, стр. 8.

'конфронтация', *китабсевәр* 'книголюб', *сүрүнҗәч* 'ползунок', *чевиричи* 'выпрямитель', *рутубәтәлчән* 'влажонизмеритель', *гајнагчы-дәмирчи* 'сварщик-жестянщик', *сүрүнчү-сатычы* 'водитель-продавец', *сүрүнчү-назарәтчи* 'водитель-контролер', *фәһлә сүлаләси* 'рабочая династия', *гардашлаймыш шәһәрләр* 'города-побратимы' и др. Возникают подобные слова соответственно присущим азербайджанскому языку способам словообразования. В современном азербайджанском языке обогащение словарного состава за счет внутренних ресурсов осуществляется тремя способами: 1) грамматическим; 2) калькирования; 3) лексико-семантическим.

Грамматический способ образования новых слов может быть либо морфологическим, либо синтаксическим.

Значительное число новых слов в азербайджанском языке образуется при помощи исконных словообразовательных аффиксов различной степени продуктивности.

К продуктивной группе аффиксов относятся следующие именные: *-чы/-чи/-чу/-чү*; *-лыг/-лик/-луг/-лук*; *-ычы/-ичи/-учу/-үчү*; *-гач/-ғач/-кәч/-кәч*; *-лашдырма/-ләшдирмә*; *-ыш/-иш/-уш/-үш* и т. д.; например: *сәрәнчәмчы* 'распорядитель', *јемчилик* 'кормоводство', *чиләјичи* 'брызгалка', *тутғач* 'держатель', *мүкәммәлләшдирмә* 'совершенствование' и т. д.

К непродуктивным аффиксам, с помощью которых в последние годы образовано незначительное количество новых слов, следует отнести такие, как *-хана* (*истихана* 'теплица', *гурутмахана* 'сушилка'); *-даш* (*чијиндаш* 'сподвижник') и некоторые другие.

Синтаксическим способом образуются сложные слова, а также словосочетания, выражающие сложные понятия. Лексические единицы, представляющие собой сложные слова, могут быть подразделены на три группы:

а) сложные слова, при образовании которых не используются морфологические средства; соединяясь на основе примыкания, эти лексические единицы образуют новые понятия: *доггузмәртәбәли* 'девяэтажка', *фотоиттиһам* 'фотообвинение' и др.;

б) сложные слова, в образовании которых активно участвуют морфологические элементы. В этом случае к компонентам сложного слова присоединяются те или иные аффиксы, образуя новое слово, например: *гошасалонлу* 'двусалонный', *минтончу* 'тысячетонник', *оннөвчүлүк* 'десятиборье', *памбыгјүксәлдичи* 'хлопкоподъемник', *хәмторпагчы* 'целинник', *хохдәзкәһчылыг* 'многостаночничество' и др. Несмотря на то, что сложные слова слитного написания образуются от разных частей речи, они оформляются в соответствии с какой-либо одной частью речи; например: *фото* (существительное) + *иттиһам* 'обвинение' (существительное) = *фотоиттиһам* (существительное); *доггуз* 'девять' (числительное) + *мәртәбә* 'этаж' (существительное) = *доггузмәртәбә* (существительное); *сәнәт* 'искусство' (существительное) + *севәр* 'любящий' (причастие) = *сәнәтсевәр* (существительное) и т. д.;

в) сложные слова, включающие необособленные приложения, сохраняют свою самостоятельность и образуют новые понятия; например: *гајнагчы-дәмирчи* 'сварщик-жестянщик', *сүрүнчү-назарәтчи* 'водитель-контролер' и др.

Значительную часть новообразований составляют словосочетания. В отличие от свободных словосочетаний эти единицы однозначны и в этом отношении близки к устойчивым сочетаниям, отличаясь стабильностью структуры. Здесь встречаются все три типа определительных сочетаний:

а) определительные словосочетания первого типа: *халглараарасы иглим* 'международный климат', *гартэмизләјән котан* 'снегоочистительный плуг', *кәнч ләпирчиләр* 'юные следопыты' и др.;

б) определительные словосочетания второго типа: *экинчиләр сула-ласи* 'династия хлеборобов', *китаб бајрамы* 'праздник книги', *истеһсалат кимнастикасы* 'производственная гимнастика' и др.;

в) определительные словосочетания третьего типа: *истеһсалын сә-мәрәлилији* 'рационализация производства', *кәркинлијин эәифләдилмә-си* 'разрядка напряженности', *нәсилләрин варислији* 'преемственность поколений' и др.

Лексические единицы, представляющие собой сложные слова или словосочетания, могут быть сгруппированы в зависимости от участия в них тех или иных частей речи следующим образом:

1) сочетание двух существительных: *халг һәкими* 'народный врач', *мәһсул бајрамы* 'праздник урожая', *от уну* 'травяная мука' и др.;

2) сочетание существительного с причастием: *китабсәвәр* 'книголюб', *гартэмизләјән* 'снегоочиститель', *мусигисәвәр* 'любитель музыки' и др.;

3) сочетание прилагательного с существительным: *игтисади һәвәс-ләндирмә* 'экономическое стимулирование', *јардымчы фәһлә* 'подсобный рабочий', *мә'нәви тарбијә* 'нравственное воспитание' и др.

4) сочетание числительного с существительным: *чоһнөвчүлүк* 'многоборье', *оннөвчүлүк* 'десятиборье', *отузмәртәбә* 'тридцатизатка' и др.

Отдельную группу новых слов, образованных синтаксическим способом, составляют сложные сокращения. «Формируемые на графической основе, подобные слова в азербайджанском литературном языке в последнее время значительно увеличились в количественном отношении и получили широкое распространение»². Распространение аббревиатур в эпоху НТР приняло широкие масштабы, что свидетельствует о жизненности данного способа образования слов. Возникновение в наши дни новых реалий, мощный поток новой информации обуславливают необходимость быстрой, точной и лаконичной передачи мысли. Использование аббревиатур во многом способствует этому. В зависимости от степени сокращения компонентов аббревиатур их можно разделить на две группы: а) инициальные и б) смешанные.

Инициальные аббревиатуры, состоящие из начальных букв сочетаемых слов, должны быть доступны пониманию и усваиваться устной речью без всякого комментария. Такого рода сокращения представляют собой удобную в употреблении форму многокомпонентных терминов и названий.

К числу широко распространенных инициальных сокращений относятся ЕТТ (*елми-техники тәрәғги* 'научно-технический прогресс'), БАМ (*Бајкал-Амур макистралы*), МИС (*мәһзил-истисмар саһәси* 'жилищно-эксплуатационный участок') и др.

В терминообразовании широко распространены также аббревиатуры со смешанными сокращениями. В качестве примеров различных смешанных сокращений можно привести следующие: *КамаАЗ* (*Кама автомобил заводу*), *Атоммаш* (*Атом машинагајырма заводу*), *фотоавтомүфәттиш* (*фото автомобил мүфәттиши* 'фотоавтоинспектор') и др.

Одним из способов образования слов за счет внутренних ресурсов языка является **калькирование**. В лингвистической литературе выска-

² Ә. М. Дәмирчизадә. Мүасир Азәрбајжан дили: фонетика, орфоепија, орфографија. Баки, 1972, стр. 224.

зывались различные мнения о сущности способов калькирования³. Кальки — это слова, созданные по модели соответствующих иноязычных слов, путем использования словообразовательных возможностей калькирующего языка. Слова-термины, образованные путем калькирования, можно сгруппировать следующим образом:

1. Кальки — производные слова, созданные с помощью различных словообразовательных аффиксов, например: *сүрүнкәч* 'ползунок', *тут-җач* 'держатель', *чәмләјичи* 'интегратор' и др.

2. Кальки — сложные слова, образованные путем соединения двух и более простых или производных слов. Этот тип калек имеет следующие разновидности:

а) образованные безаффиксальным соединением двух слов: *електроҷәрраһијјә* 'электрохирургия', *фотовзәк* 'фотокамера' и др.;

б) образованные соединением безаффиксального слова со словом, оформленным аффиксом принадлежности: *дағ хизәкчиси* 'горнолыжник', *нейтрон бомбасы* 'нейтронная бомба' и др.;

в) образованные сочетанием безаффиксального слова со словом, содержащим различные словообразовательные аффиксы: *аддымәлчән* 'шагомер', *җаршыдурма* 'конфронтация', *китабсәвәр* 'книголюб' и др.

3. Кальки — словосочетания, включающие два или несколько слов, выражающих единое понятие; их можно сгруппировать следующим образом:

а) кальки — определительные словосочетания первого типа: *бәдди үзкүчүлүк* 'художественное плавание', *јардымчы тәсәрруфат* 'подсобное хозяйство' и др.;

б) кальки — определительные словосочетания второго типа: *Кеј-фијјәт нишаны* 'Знак качества', *фәһлә тәминаты* 'рабочая гарантия' и др.

Многие новые слова, возникшие в последние годы, образовались лексико-семантическим способом. Как отмечает В. И. Кодухов, «семантический путь обогащения словарного состава состоит не столько в образовании новых лексем, сколько в образовании новых значений уже существующих слов»⁴. Например, слово *сулалә* 'династия' — реалья, характерная для антидемократического общественно-политического строя (династия Сефевидов и др.). Ныне это слово, употребляемое в таких сочетаниях, как *әмәк сулаләси* 'трудовая династия', *әкинчи сулаләси* 'династия хлеборобов', приобрело новое значение, например: *Ишчиләринин јашы орта һесабла 24-дән јухары олмајан коллективдә даһа бир әмәк сулаләси јараныр* (газ. «Коммунист») 'В коллективе, где возраст работников не превышает в среднем 24-х лет, образуется еще одна трудовая династия'. *Фатех* 'завоеватель' также подверглось переосмыслению: ныне это слово употребляется в сочетаниях типа *каинатын фатехи* 'покоритель Вселенной', *сәнәт фатехи* 'человек, достигший вершин искусства', *Хәзәрин фатехи* 'покоритель Каспия' и т. д., то есть оно приобрело новое смысловое содержание, приблизившись по значению к слову *гәһрәмән* 'герой'. Например: *Смоленск вилајәтиндә каинатын илк фатехи Ј. А. Гагаринин адыны дашыјан шәһәрин әһмәткешләри илә мән сых элағ сахлајырам* (газ. «Коммунист») 'Я поддерживаю тесные связи

³ См.: А. Гурбанова. Мүасир Азәрбајҗан дилинин лүғәт тәркиби. Бақы, 1964, стр. 20—21; Р. А. Будагов. Введение в науку о языке. М., 1965, стр. 123; Л. А. Понамаренко. Калькирование как вид влияния одного языка на другой. Автореф. канд. дисс., Киев, 1965, стр. 3—5; Р. Д. Исрафилова. Азәрбајҗан дилиндә калка јолу илә сөз јарадычылығы. — «Ученые записки Азгосуниверситета им. С. М. Кирова. Серия языка и литературы», 1970, № 5—6, стр. 102 и др.

⁴ В. И. Кодухов. Введение в языкознание. М., 1979, стр. 218—219.

с трудящимися города в Смоленской области, который носит имя первого покорителя Вселенной Ю. А. Гагарина'.

В обогащении словарного состава языка, в частности терминологической лексики, определенную роль играет метафоризация значений слов. Как отмечает Р. А. Будагов, некоторые ученые придерживаются мнения, будто язык эпохи НТР представляет собой «набор холодных, сухих фраз». Далее он пишет: «Думать так — значит утверждать, что НТР постепенно обеднит язык. Я убежден в противном: НТР обогащает и будет обогащать язык, следует лишь учитывать разные сферы воздействия НТР на язык»⁵. Действительно, НТР способствовала привнесению в язык элементов метафоризации и тем самым значительно обогатила и расширила выразительные возможности азербайджанского языка.

Метафора является самым распространенным видом употребления слов в переносном значении, основывающимся на сходстве характеристик предметов, явлений, действий. Например: *Биз коммунистлар инанырыг ки, бәшәријјәт зәрәрли сүр'әтлә силаһланманы җиловламаг, јени муһарибә тәһлүкәсини јолуну кәсмәк үчүн өзүндә кифајәт гәдәр гүввә тана биләчәкдир* (газ. «Коммунист») 'Мы, коммунисты, верим, что человечество найдет в себе достаточно сил, чтобы обуздать гонку вооружений, преградить путь опасности возникновения новой войны'; *Онларын әсас мәгсәди бир сыра кәнч дәвләтләрин дахили ишләринә гарышмагдан, социализм гурулушуна бөһтан атмагдан...* (газ. «Азәрбајҗан мүәллими») 'Основная их цель состоит... во вмешательстве во внутренние дела ряда молодых государств, в клевете на социалистический строй'. *Сүр'әтлә силаһланманы җиловламаг* 'обуздать гонку вооружений' — экспрессивное выражение, возникшее на основе переносного значения слова «обуздать». Выражение *горхулу сијасәт* 'опасная политика' использовано с целью разъяснить читателям истинное содержание империалистической политики, создающей угрозу миру. В выражении *кәнч дәвләтләр* 'молодые государства' имеются в виду страны, недавно добившиеся независимости.

Нетрудно заметить, что иногда семантические изменения носят как бы вторичный характер, поскольку та или иная лексическая единица азербайджанского языка является переводным эквивалентом уже метафоризованного выражения русского языка. В данном случае имеет место своего рода «заимствование метафоры», однако во многих случаях семантические изменения слов азербайджанского языка вовсе не обусловлены аналогичными явлениями в русском языке. Так, например, слово *операсија* в азербайджанском языке используется лишь в области медицинской терминологии, слово совет обозначает только орган власти. Эти многозначные в русском языке слова в азербайджанском сузили свои значения.

Одно из значений полисемантического слова может выделиться и приобрести статус самостоятельности. При этом семантическая связь между исходным словом и новыми значениями разрывается и возникают омонимы. В эпоху НТР число омонимов увеличивается как за счет собственных возможностей языка, так и за счет заимствований. Например, *астана* 'порог' — 1) нижнее основание дверного косяка⁶; 2) геогр. мелкая, каменистая часть русла реки, образовавшаяся вследствие пе-

⁵ Р. А. Будагов. Язык в эпоху научно-технической революции. — «Филологические науки», М., 1975, № 2, стр. 7.

⁶ «Азәрбајҗан дилинин изаһлы лүғәти», I ч. Бақы, 1966, стр. 135.

ремещения пород? Дарваза 'ворота' — 1) 'большая дворовая дверь, служащая в основном для въезда и выезда транспорта'⁸; 2) геогр. узкий проход в горной цепи⁹. Трапесија 'трапеция' — 1) геометрическая фигура; 2) спортивный снаряд, и т. д.

Синонимические слова, как известно, расширяют выразительные возможности языка. Будучи исторической категорией, синонимы и в эпоху НТР остаются столь же важным фактором. В настоящее время образуются в основном относительные синонимы; например: *фәал* — *ташбабсчү* 'активист', *тәрксиләһ* — *силаһсызлашдырма* 'разоружение', *әғли тәрбијә* — *интеллектуал тәрбијә* 'интеллектуальное воспитание', *һекемончулуг* — *бәјүкдөвләтчилик* 'гегемонизм'; *космонавт* — *астронавт* и т. д.

Расширение словарного состава за счет внутренних ресурсов языка способствует укреплению «самобытности, стабильности языка»¹⁰ и продолжает оставаться основным источником средств для выражения новых понятий.

Роль заимствованных слов. В связи с НТР в национальные языки из русского и через его посредство из других развитых языков вошел целый ряд терминов. «Это объясняется не бедностью национального языка того или другого народа, но прежде всего той существенной ролью в закономерном общественно-экономическом развитии нашей страны, которую объективно играет в жизни народов СССР русский язык»¹¹.

Вследствие особенностей исторического развития азербайджанского языка часть его словаря составляют заимствования из арабского и персидского языков. Сюда относятся такие слова, как *сулалә* 'династия', *тәрәгги* 'прогресс', *фәтеһ* 'покоритель', *мәрасим* 'церемония', *сијасәт* 'политика', *шәһәр* 'город', *хијабан* 'аллея' и многие другие.

Употребительные в азербайджанском языке арабские и персидские слова, наряду с исконно азербайджанскими, образуют словосочетания с новыми значениями, или, приняв определенные морфологические показатели, приобретают новое содержание; например: *техники тәрәгги* 'технический прогресс', *сәрәнчәмчы* 'распорядитель', *мүкәммәлләшдирмә* 'совершенствование' и др.

Персидские слова — *хана*, *шүнас*, функционирующие в азербайджанском языке в качестве аффиксов, активно участвуют в образовании новых слов; например: *истихана* 'теплица', *гурутмахана* 'сушилка', *азәрбајҹаншүнас* 'азербайджановед', *терминшүнас* 'терминолог', *ахундовшүнас* 'ахундовед' и др.

В настоящее время заимствования арабо-персидского происхождения играют, однако, не столь активную роль в создании новых слов и выражений. Первенство здесь принадлежит заимствованиям из русского и западноевропейских языков, которые привносятся в язык при отсутствии в нем (в силу определенных объективных причин) национальных языковых эквивалентов, полностью соответствующих по семантике этим заимствованиям. А. Н. Баскаков справедливо отмечает, что «в настоящее время из русского языка азербайджанским языком заимствуется

⁷ О. Османов, Б. Абдуллајев. Мәктәблинин изаһлы чоғрафија лүғәти. Бақы, 1979; стр. 13.

⁸ «Азәрбајҹан дилинин изаһлы лүғәти», II ч., Бақы, 1980, стр. 36.

⁹ О. Османов, Б. Абдуллајев. Указ. раб., стр. 33.

¹⁰ Мүасир Азәрбајҹан дили». I ч. Бақы, 1978, стр. 238.

¹¹ И. В. Джафаров. Научно-техническая революция и развитие терминологии национальных языков. — В кн.: «Научно-техническая революция и развитие социалистическое общество». Тбилиси, 1977, стр. 269.

преимущественно интернациональная лексика»¹². Следует иметь в виду, что эта лексика заимствуется не механически, а пройдя период освоения, подчинения грамматической системе азербайджанского языка.

Ряд вошедших в азербайджанский язык новых слов в орфографическом отношении не подвергся каким-либо изменениям и сохранил свою исходную форму. К числу последних относятся: *стресс, вето, прогноз, антипод, спринт, спринтер, диапазон, мораториум, лизис, липома, серфинг, карате, анишлаг, барограф, баллистика* и др.

Ряд заимствованных слов, сохранивших исходную форму, функционирует в азербайджанском языке в виде сложных слов, причем либо дефисного, либо слитного написания.

Сложные слова дефисного написания обозначают целый ряд новых понятий и реалий, возникших в непосредственной связи с последними достижениями науки и техники. Компоненты подобных лексических сочетаний частично утрачивают свою самостоятельность. Например, в сочетании *концерт-очерк* значения обоих компонентов достаточно далеки от первоначальных ими выражаемых, в нем сохраняются лишь элементы этих значений. В лингвистической литературе подобные сочетания рассматриваются как необособленные приложения¹³. Определенную часть выражений данного типа составляют орфографически трансформированные сочетания.

Примерами заимствованных сложных слов слитного написания, возникающих на основе сочетания терминов различной структуры и значения, могут служить слова: *радиодиспут, стереоканал, стереокинокамера, стереокамера, газобетон, радиотеатр, велоергометр, видеотелефон, видеосигнал, радиокомплекс, магнитометр, радиотелефон* и т. д.

Из заимствований с помощью словообразовательных аффиксов азербайджанского языка создаются слова различной семантики: *картофчу* 'картофель', *бейсболчу* 'бейсболист', *прогрессивлик* 'прогрессивность', *принципсизлик* 'беспринципность' и т. д.

В то же время все большую интенсивность приобретает процесс создания сложных слов — производных от различных интернациональных лексических элементов. Л. Н. Засорина, касаясь этой проблемы, пишет: «Количественное разрастание сложных слов становится общей тенденцией в развитии словаря современных языков. Заметное место среди них занимают и заимствования, в особенности в научно-техническом стиле речи. Активизация интернационализмов в сложениях обычно связана с понятийно-предметной актуализацией наименований, ср.: обилие сложений с авиа; авто; космо — и т. п.»¹⁴.

За последнее время в азербайджанский язык заимствовано значительное число новых русских терминов и терминов с интернациональными элементами. Одновременно интернациональные словоэлементы, сочетаясь с собственно азербайджанскими словами, также образуют новые слова, например: *гидроиншаатчы* 'гидростроитель', *электроцәrrа-һијјә* 'электрохирургия', *микроһесабаһычы* 'микрокалькулятор', *автогатар* 'автопоезд', *фотоиттиһам* 'фотообвинение' и др.

В соответствии с совершенствованием некоторых предметов (орудий, приборов) изменяются и их названия, хотя функции и остаются

¹² А. Н. Баскаков. Азербайджанский язык в сфере высшего образования. — В кн.: «Развитие национальных языков в связи с их функционированием в сфере высшего образования», М., 1982, стр. 42.

¹³ См.: «Азәрбајҹан дилинин ґрамматиҹасы», II Һиссә. Синтаксис. Баҹы, 1959, стр. 214.

¹⁴ Л. Н. Засорина. Об активизации в русском словообразовании производных некоторых интернационализмов. — В кн.: «Новые слова и словари новых слов», Л., 1978, стр. 131.

неизменными. Приводя в качестве примера слова с элементом *электро-*, Д. Н. Шмелев отмечает, что совершенствование предметов не влечет за собой обязательного изменения их названий, поскольку определяющая черта этих предметов и их назначение остаются прежними. В частности, такие слова, как «электропила», «электроутюг», «электробрита» и другие, лишь уточняют старые наименования («пила», «утюг», «бритва») при помощи элемента *электро-*¹⁵.

Из сказанного можно сделать вывод, что сочетание ряда интернациональных слов и элементов с отдельными словами национального языка связано с совершенствованием, модернизацией предметов и приборов, выражаемых этими словами.

Разделение и дифференциация в наше время наук на новые самостоятельные привело к возникновению новых названий, оформляющихся путем добавления к основам элемента «логия», например: *кинолокија* (наука о собаках), *мембранолокија* (наука, изучающая внутренний мир клетки), *селенолокија* (наука о Луне). Если еще учитывать производные от этих названий слова, то нетрудно представить себе масштабы терминологического обогащения азербайджанского языка. Особое место в этом процессе занимает космическая лексика. Как отмечает А. А. Брагина, «вся окружающая жизнь человека способствует непрерывному росту словаря. Разительный тому пример — космическая лексика»¹⁶. Приведем несколько примеров: *космодром*, *астронавт*, *космик* *кәшфијат* 'космическая разведка', *интеркосмос*, *космонавтика* и т. д.

Многие из этих слов вошли в азербайджанский язык без каких-либо изменений. Целая серия новых терминов образовалась путем добавления к основам слова элемента *космо-*: *космобиолокија*, *космокеолокија*, *космопсихолог*, *космофизик* и др. Нельзя не согласиться с положением, что «...русские и интернациональные слова служат для передачи тех понятий, которые не находят соответствия в лексических средствах азербайджанского языка и калькированный перевод которых только затемнил бы смысловое содержание научного термина»¹⁷. Данный процесс, помимо всего прочего, приводит к сближению азербайджанского языка с языками других народов нашей страны, способствуя образованию общего лексического фонда языков народов СССР.

¹⁵ См.: Д. Н. Шмелев. Современный русский язык. Лексика, М., 1977, стр. 104—105.

¹⁶ А. А. Брагина. Лексика языка и культуры страны. М., 1981, стр. 54.

¹⁷ М. Ш. Ширалиев, М. Ш. Рагимов. Азербайджанский язык. — В кн.: «Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху», М., 1973, стр. 250.

В. И. АСЛАНОВ, З. М. БУНИЯТОВ

СТАРЕЙШИЙ ТЮРКСКО-АРАБСКИЙ СЛОВАРЬ

Интерес арабов к тюркскому языку возник задолго до появления в халифате тюрок-сельджуков. Начало изучения тюркского языка в арабском государстве следует отнести к IX веку, когда аббасидские халифы начали массовое рекрутирование тюрок для своих вооруженных сил¹. Уже у халифа ал-Му'тасима (833—842) была семидесятитысячная тюркская гвардия. Одновременно возрастало и влияние тюркских военачальников на государственные дела, вскоре захвативших в свои руки всю политическую власть в халифате. После организованного тюрками убийства халифа ал-Мутаваккиля (847—861), последующие халифы полностью подпадают под влияние тюркских эмиров. В этот же период среди наместников халифов в провинциях усиливаются сепаратистские устремления, что приводит со временем к образованию самостоятельных государств, возглавляемых тюрками. Среди них можно назвать государства Тулунидов (868—905), Саджидов (879—930) и Ихшидидов (935—969). В дальнейшем, когда в государстве Аййубидов (1169—1250) и особенно мамлюкских султанов (1250—1517) вся власть оказалась сосредоточенной в руках тюрок, возникла настоятельная необходимость в изучении арабами тюркского языка. Массовое переселение тюрок в период монгольского нашествия на запад, особенно в подвластные мамлюкским султанам земли, еще больше обострило эту необходимость. В конце XIII—начале XIV века стали появляться словари и грамматики тюркского языка, которые должны были облегчить арабам его изучение. Следует отметить одну особенность распространения тюркского языка в мамлюкском государстве: до монгольского нашествия в нем господствовал туркменский элемент, после него миграция огромных масс кыпчаков привела к преобладанию элементов кыпчакского языка. Этому во многом способствовало также успешное развитие дипломатических отношений с Золотой Ордой. Многие арабы, находившиеся на службе у мамлюкских султанов, стремясь заслужить их расположение, учились говорить по-тюркски². Именно в этот период в Каире появился человек, который создал первую после «Тарджумана» (изданного Т. Хоутсма) грамматику тюркского языка, а также первый тюркско-арабский словарь. Это был Асир-ад-Дин Мухаммад ибн Йусуб ибн Али ибн Йусуф ибн Хаййан ал-Гарнати ал-Андалуси ал-Джаййани ан-Нафзи ал-Магриби ал-Малики аш-Шафи'и, более известный под кунией Абу Хаййан.

Абу Хаййан родился в конце месяца шаввала 645 года хиджры (середина ноября 1256 года). С детства он отличался упорством в постижении основных наук своего времени — богословия, хадисов и чте-

ния Корана. По свидетельству источников он слушал лекции и посещал уроки 450 ученых шейхов³. Особо выдающихся успехов Абу Хаййан достиг в изучении грамматики, морфологии и синтаксиса арабского языка. По свидетельству других источников он был блестящим эрудитом и абсолютным авторитетом в области арабской грамматики⁴.

После многолетних путешествий Абу Хаййан поселился в Каире и начал преподавать в медресе ал-Мансурийя на кафедре знаменитого «шейха арабского языкознания» Баха ад-Дина Абу Абдаллаха Мухаммада ибн Ибрахима ибн Абдаллаха ал-Халаби, известного под именем Ибн Наххас. После смерти последнего в 1298 году Абу Хаййан заслуженно занял место покойного⁵.

Абу Хаййан очень быстро понял сколь велико значение тюркского языка в государстве мамлюков, особенно в Каире, однако к занятиям тюркским языком и созданию пособий для его изучения он пришел не сразу. О своей работе над изучением тюркского языка он пишет: «Исследовал этот язык слово за словом, семантику заимствовал у тех, кому я доверяю как информатору, сведения по морфологии и синтаксису, не следуя ни за кем, я извлек по мере своих сил и возможностей спрашивая о них (у знающих людей), стремясь к глубокому постижению, я достиг наилучших результатов. Но главное — из занятий этим языком я извлек куда больше удовольствия и пользы, нежели от пожинания (за это) лавров»⁶.

Абу Хаййан становится главным авторитетом в области тюркского языкознания. Он постигает все тонкости не только кыпчакского, но и многих других тюркских языков, имевших хождение в мамлюкском Каире — татарского, болгарского, уйгурского и др. Им написано несколько сочинений, посвященных тюркскому языку⁷: «Китаб ал-идрак ли-лисан ал-атрак» («Книга познания языка тюрков»), «Захв ал-мулк фи нахв ат-турк» («Совершенное пособие по тюркской грамматике»), «Ал-аф'ал фи лисан ат-турк» («Глаголы в тюркском языке»), «Ад-дурра ал-муди'а фи-л-луга ат-туркийя» («Блестящая жемчужина о тюркском языке»), «Нафха ал-миск фи сират ат-турк» («Благоухающий дар природе тюркского языка»). К сожалению, из этих пяти сочинений до нас дошло только одно — «Китаб ал-идрак ли-лисан ал-атрак»⁸.

В октябре 1963 года во время работы в одной из старейших библиотек Европы — Biblioteca Medicea Laurenziana во Флоренции — А. Зайончковский обнаружил словарь Абу Хаййана «Ад-дурра ал-муди'а фи-л-луга ат-туркийя» и дал его полное описание. В частности, он отметил: «Вопрос о том, имеем ли мы здесь дело с одним сочинением и одним автором (являются ли Абу-Хаййан ал-Гарнати и Абу-Хаййан ан-Нахвий одним лицом) или с разными памятниками с тем же названием, требует специального рассмотрения»⁹. Э. Н. Наджип указывал, что Молла Салих, автор учебного пособия «Аш-Шузур аз-захабийя», высоко оценивая труд Абу-Хаййана, пишет: «Представляется, что Молла Салих говорит не об Абу-Хаййане, о составителе упомянутого словаря (имеется в виду словарь «Китаб ал-идрак». — В. А., З. Б.), а об Аби-Хаййане Нахвий»¹⁰.

Мы глубоко убеждены в том, что Абу Хаййан ал-Гарнати и Абу Хаййан ан-Нахвий — это одно и то же лицо, и словарь «Ад-дурра ал-муди'а» принадлежит перу Абу Хаййана ал-Гарнати. Не исключена возможность, что автор назвал свое сочинение «Ад-дурра ал-муди'а» под влиянием сочинения Алааддина Бейлика «Ал-анвар ал-муди'а», служившего для Абу Хаййана основным достоверным источником при написании «Китаб ал-идрак». По-видимому, «Ад-дурра ал-муди'а» был составлен Абу Хаййаном после завершения «Китаб ал-идрак». В связи

с тем, что среди 65 сочинений автора главенствующее место занимают труды, посвященные изучению вопросов синтаксиса, Абу Хаййана могли назвать Абу-Хаййан ан-Нахвий, то есть «Абу-Хаййан Синтаксист».

Сочинение «Китаб ал-идрак» было завершено Абу Хаййаном 20 рамадана 712 года хиджры (10 января 1313 г.) в медресе ас-Салихийя в Каире и дошло до нас в двух списках. Один из них хранится в стамбульской библиотеке Вели ад-Дина Эфенди (№ 2896). Список этот сделан с автографа неизвестным лицом 15 ша'бана 735 года хиджры (10 апреля 1335 г.), то есть через двадцать три года после завершения автором этого труда. В словарную часть данного списка другим неизвестным лицом внесены дополнения между строками и на полях¹¹.

Второй список «Китаб ал-идрак» хранится в фонде Халиса Эфенди (№ 6574) в Стамбульской университетской библиотеке. Он переписан неким Ахмедом ибн Умаром аш-Шаф'и в сирийском городе Лазикийя (Латакия) 4 джумада I 805 года хиджры (30 ноября 1402 г.).

Первый список «Китаб ал-идрак» был издан в Стамбуле в 1891 году Мустафа-беем с большими погрешностями¹². Сводный текст по двум спискам издавался также в Стамбуле в 1931 году Ахмедом Джафароглу¹³. Однако это издание следует признать неудачным, ибо издатель перестроил текст источника и словарь в соответствии с турецким алфавитом.

«Китаб ал-идрак ли-лисан ал-атрак» состоит из трех частей: первая представляет собой тюркско-арабский словарь, включающий около 2300 слов. Словарь этот вполне отвечает требованиям даже современного языкознания, ибо в нем достаточно слов, чтобы усвоивший их мог довольно свободно изъясняться по-тюркски и в настоящее время. Вторая часть сочинения представляет собой морфологию, третья — синтаксис тюркского языка. Эта тюркская грамматика создана Абу Хаййаном по образцу грамматик арабского языка.

В «Китаб ал-идрак» Абу Хаййан неоднократно ссылается на известную книгу Бейлик'а, в которой не только говорилось о тюркском языке, но и приводились этносоциальные сведения о самих тюрках.

А. Зайончковский и К. Брокельман считают, что Бейлик — это Алаадин Бейлик ал-Кыпчаги, автор сочинения «Ал-анвар ал-муди'а». Составитель «Китаби булгат ал-муштак фи лугат ат-турк ва-л-кифчак» Джамаладдин Аби Мухаммед Абдаллах ат-Турки в начале своего сочинения пишет, что при создании им словаря он использовал работы своих предшественников, в частности «Ал-анвар-ал-муди'а» Алаадина Бейлика ал-Кыпчаги и «Ас-сахых мин ад-дуррат ал-муди'а» Имададдина Давуда бин Али бин Мухаммеда ал-Варрака ал-Мысры.

А. Зайончковский, исследовавший словарь Джамаладдина ат-Турки, замечает, что Алаадин Бейлик ал-Кыпчаги был главным вдохновителем работы Абу-Хаййана, чем объясняется сходство лексикографических деталей в словарях Абу-Хаййана и Джамаладдина ат-Турки¹⁴.

Абу Хаййан в своем сочинении неоднократно ссылается и на авторитет «нашего шейха Фахр ад-Дина», имея в виду выдающегося знатока тюркского и персидского языков Фахр ад-Дина Мухаммеда ибн Мустафа ибн Закарийа ибн Ходжа ибн Хасан ад-Диврики ат-Турки ас-Салгури ан-Нахви (1233—1313), выходца из малоазиатского города Диврики — туркмена из племени Салгур (Салор). Абу Хаййан говорит о нем: «Он был знатоком арабского языка. Я учился у него. Он знал также тюркский и персидский языки в частности и в целом. У него есть касыда „Кава'ид лисан ат-турк“ («Правила тюркского языка»)»¹⁵. На Абу Хаййана ссылались также многие другие средневековые ученые.

Составитель «Ат-тухфат аз-закиййа фи-л-лугат ат-туркиййа» пишет в самом начале своего сочинения: «Андалузский шейх, имам, великий знаток Шарафаддин* Абу Хаййан Мухаммед ибн Юсиф ибн Али ибн Хаййан — да помилует его Бог — в своей книге о тюркском языке говорил так: „Овладение любым языком заключается в достижении следующих трех аспектов: первый из них — это знание значения отдельных слов, эта область называется наукой о слове; второй — это знание законов этих слов до включения их в сочетания, данная область называется морфологией, третий — знание законов сочетаемости слов, который говорящие по-арабски называют синтаксисом”».

Судя по словарной части работы, Абу Хаййан хорошо знал практически все тюркские языки, ибо в словаре наряду с пометами «кыпчакское» и «огузское» встречаются также пометы «татарское», «булгарское», «токсуба», «уйгурское», «туркестанское».

Абу Хаййан пишет: «В большинстве тюркских языков нет слов с $\dot{z}$, однако таковые имеются в булгарском». Приводя в качестве примера: *azaq, uzudu*, он замечает, что в остальных тюркских языках эти слова произносятся как *ajaq, ujudy* (стр. 9). На странице 26 при слове *ujudy* он отмечает, что j в туркестанском языке переходит в z ($\dot{z}$). Подавляющее большинство слов в словарной части приводится без помет. Слова даются с пометой лишь в следующих случаях: а) если оно имеет в каком-то другом тюркском языке иной фонетический вариант: *ip* 'веревка' (в кыпчакском с j — *jip*); *ätik* 'обувь', по-тюркски, по-туркменски: *ädük, oyl* 'сын', по-кыпчакски *owul* и т. д.; б) если корень слова того или иного тюркского языка отличается от корня слова с тем же значением в другом тюркском языке: *buldy* 'нашел' (по-туркменски) — *tapdy* (по-кыпчакски). В словаре Абу Хаййана приводится единственное слово, состоящее из одного гласного, — это *i* — 'посылать'.

Во второй части своей работы Абу Хаййан замечает, что слово, обладающее значением, в тюркских языках может быть именным, глагольным или служебным. В категорию имен, наряду с именем существительным, прилагательным и числительным, автор включает местоимение и наречие. При определении структуры корней или основ тюркского имени Абу Хаййан опирается на количество согласных, ибо гласные звуки в арабском письме не обозначаются.

В связи с тем, что структура основы тюркского имени, предложенная Абу Хаййаном, представляет научный интерес, мы приводим начальную часть его текста полностью: «Имя может быть одно-, дву-, трех-, четырех- и пятибуквенным. Однобуквенное имя может быть огласовано фатхой ($\hat{ } = a, ä$), касрой ($\acute{ } = i, u$) и даммой ($\circ = o, u, ü, ö$)». В качестве примера к однобуквенным именам автор приводит *ja* 'стрела', *çi* 'влажный' и *su* 'вода'. Двубуквенные имена имеют двенадцать рациональных видов, которые образуются по следующим моделям: $C+i+C$ — *kim, CüC* — *jüz, CaC* — *sän, CaCu* — *qaru, aCa* — *aga, aCu* — *agu, CiCi* — *biti, CuCa* — *buqa, CyCa* — *qysa, CyCu* — *bysu, CoCu* — *toly***.

В этих моделях принимаются во внимание только те основы, в которых имеются два согласных звука, или один согласный, с начальным и конечным гласными звуками, при учете лишь трех гласных. Следовательно, модели «С+фатха+С», «С+дамма+С», «С+касра+С» в азербай-

* Средневековый автор допускает ошибку: вместо «Асираддин» он пишет «Шарафаддин».

** В целях удобства мы опускаем авторскую нотацию ($F \subset L$), используя только обозначение согласного (С).

джанском языке могут иметь девять видов, модели же типа «С+фатха+С+фатха», «С+дамма+С+дамма», «С+кара+С+кара» — гораздо больше видов.

Таким образом, двубуквенные имена могут иметь не 12, а 117 видов.

По Абу Хаййану, трехбуквенные основы имеют 26, четырехбуквенные — 33, пятибуквенные — 23 типа. Автор отмечает, что шестибуквенные имена встречаются в тюркских языках реже и могут быть либо простыми, либо сложными. Для определения сложности этих слов необходимо изучить их этимологию. В качестве примера автор приводит слово *qulqurjuq* 'шилохвость' и указывает, что оно состоит из сочетания *gyl* 'волос' и *qurjuq* 'хвост'.

Автор считает, что имена принимают аффиксы уменьшительности (в кыпчакском — *-kinā*, в туркменском *-žug// -žük// -žucas// -žükās* — *qulkinā*, *küžüzük*, *atžucas*, *itžükās*), аффиксы *-čy-*, *-lu(γ)* — *aščy*, *jačy*, *šamlu(γ)*, аффиксы *-lar// -lār* — *güllār*, *baluglar*, аффиксы действующего лица *-dačy*: *bağcamyz öldäcibiz* 'все мы смертны', *-müš* и т. п.

Рассматривая глаголы, Абу Хаййан подробно излагает пути образования залогов и времен. Говоря о формах повелительного наклонения, он отмечает, что самый верный путь употребления глагола во 2-м лице единственного числа — это тот, при котором основа глагола не принимает никаких дополнительных букв, но для удобства глагол в повелительном наклонении может принять и *-yul* или *gil*: *turğul* 'вставай-ка', *külgül* 'смейся'. Абу Хаййан замечает, что об этом более подробно говорится в его сочинении «*Kitab al-af'al*» («Книга о глаголах»). Представляет интерес и высказывание Абу Хаййана о глаголе *idi*, который, употребляясь в значении *oldu*, не имеет форм ни будущего времени, ни повелительного наклонения, тогда как глагол *i-* в значении «посылать» может быть употреблен в повелительном наклонении: *i būnu* 'отправь это'.

В рамках настоящей статьи невозможно охватить все многочисленные и весьма интересные вопросы, получившие отражение в трудах Абу Хаййана; решение которых сохраняет свою актуальность по сей день. Однако и сказанное дает ясное представление об исключительном языковом чутье этого замечательного средневекового полиглота.

Кроме тюркского Абу Хаййан владел и персидским языком, о чем свидетельствует его труд «*Мантик ал-хурс фи лисан ал-фурс*» («Логика бессловесных при изучении языка персов»), а также эфиопским (амхарским?) языком, что подтверждает его сочинение «*Нур ал-габаш фи лисан-ал-хабаш*» («Предрассветная заря в изучении эфиопского языка») ¹⁶.

Умер Абу Хаййан 28 сафара 745 года хиджры (11 июля 1344 года).

¹ См.: З. М. Бунятов. Начало господства тюрков в халифате Аббасидов. — «Известия АН Азербайджанской ССР. Серия истории, философии и права», 1961, № 1, стр. 51—58.

² Об этом см.: Амин ал-Холи. Связи между Нилом и Волгой. М., 1962, стр. 31.

³ ١٤٥. ابن العماد الخنجلي شذرات الذهب في اخبار من ذهب. القاهرة. ١٢٥٠. ص.

⁴ ابن تقي بردي. انجوم الزاهرة في ملوك مصر والقاهرة. ج. ١٩٢٩. ص. ١١٢.

محمد القطبي فوات الوفيات. القاهرة. ١٩٥٣. ص. ٥٥٥: ابن العماد الخنجلي. شذرات الذهب في اخبار من ذهب. القاهرة. ١٢٥٠. ص. ١٢٥.

См. также: П. М. Мелиоранский. Араб-филолог о турецком языке. СПб., 1900, стр. VIII—IX.

⁵ Ибн ал-Имад ал-Ханбали. Указ. соч., т. V, стр. 442.

⁶ См. Предисловие к «Китаб ал-идрак».

⁷ Абу Хаййан является автором 65 сочинений, посвященных различным областям наук, однако до нас дошли из них только 19, см.: C. Brockelmann. Geschichte der arabischen litteratur. SB. II. Leiden, 1937, стр. 136.

⁸ См.: Мухаммад ал-Кутуби. Указ. соч., ч. II, стр. 561—562; Ибн ал-Имад ал-Ханбали. Указ. соч., т. VI, стр. 147; حاجى خليفه كشف الظنون 74, 466; الرزركلى. الاعلام; القاهرة; ج. ص. ٢٦; ٢٦.

; M. Mansuroglu. Ebû Hayyan. Islam Ansiklopedisi. C. IV. Istanbul. 1945, стр. 30—32.
⁹ Ананиаш Зайончковский. Новонайденный арабско-кипчакский словарь. — «Народы Азии и Африки», М., 1964, № 3, стр. 112—113.

¹⁰ Э. Н. Наджип. Тюркоязычный памятник XIV века «Гулистан» Сейфа Сарац и его язык. Часть 1. Алма-Ата, 1975, стр. 42.

¹¹ Velet Izbudak. El-Idrak haşiyesi. Istanbul, 1936.

¹² См.: М. Мансуроглу. Указ. раб., стр. 31; П. М. Мелиоранский. Указ. раб., стр. VIII. Об этом издании см. также: Cl. Huart. Le moyen de parvenir a la connaissance de la langue des Turcs. [compte rendu], Journal Asiatique, 8 Série, XX (1892), pp. 326—335.

¹³ 1930. كتاب الادراك للسان الاتراك اسلامبول. ١٩٢٠.

¹⁴ Ananiasz Zajaczkowski. Vocabulaire Arahe-kiptchak de l'époque. de l'Etat. Mame-jouk Bulgat al-muštaq fi lugat at-turk wa-l-qifāq. Warszawa, 1958, s. XI. См. также: C. Brockelmann. Ostturkische grammatik der islamischen litteratursprachen Mittelasiens, Leiden, 1954, стр. 7.

¹⁵ السيوطى. بفيمة الوعاة فى الطبقات اللغويين و التحاة. القاهرة. ص. ١٩٦٤.

246—247; См.: также: П. М. Мелиоранский. Указ. раб., стр. X—XI.

¹⁶ См.: Аз-Зирикли. Указ. соч., стр. 26.

Х. ХАМИДОВ

О КАРАКАЛПАКСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ ДООКТЯБРЬСКОГО ПЕРИОДА*

Каракалпакский язык обычно относят к группе младописьменных языков СССР¹. Однако существует также мнение, что каракалпакский язык является старописьменным² и имеет письменные памятники, созданные в дооктябрьский период.

На наш взгляд, справедливой является классификация языков народов СССР, согласно которой они делятся на три группы: 1) языки, имеющие давние письменные традиции (к ним относятся узбекский, азербайджанский, татарский и др.), 2) языки, использовавшие ту или иную письменность, не отражавшую, однако, полностью все их фонетические особенности (казахский, башкирский и др.) и 3) языки, не имевшие никакой письменности (языки некоторых народов Сибири и Крайнего Севера³). Каракалпакский, по нашему мнению, следует отнести ко второй из этих групп, то есть к младописьменным языкам⁴.

До Великой Октябрьской революции каракалпаки использовали письменность, основанную на арабской графике, не отражавшую в полной мере фонетические особенности каракалпакского языка.

В 50-е годы в каракалпакском языкознании было распространено мнение, отрицавшее существование каракалпакской письменности, а следовательно, и письменной литературы до революции. В те же годы, однако, высказывались и другие суждения, согласно которым письменные традиции существовали и до революции⁵.

В начале 60-х годов были обнаружены рукописи произведений дореволюционных каракалпакских поэтов и старые документы юридического характера. Эти находки стимулировали дальнейшие поиски рукописных памятников, продолжающиеся и в настоящее время.

* В основу данной и двух последующих статей настоящей рубрики положены тексты докладов их авторов (Е. И. Коркиной и Г. Садвакасова) на XI пленарном заседании Советского комитета тюркологов, состоявшемся 18—19 марта 1985 года в Москве.

¹ А. А. Коклянова. Каракалпакский язык. — В сб.: «Младописьменные языки народов СССР», М.—Л., 1959, стр. 91.

² Н. А. Баскаков. Роль уйгуро-карлукского литературного языка караханидского государства в развитии литературных тюркских языков средневековья. — «Советская тюркология», 1970, № 4, стр. 15.

³ К. Х. Ханазаров. Сближение наций и национальные языки в СССР. Ташкент, 1963, стр. 47.

⁴ Х. Хамидов. К вопросу о каракалпакской письменности до Октябрьской революции. — В кн.: «Исследования по каракалпакскому языку». Нукус. 1971, стр. 59.

⁵ Б. Исмаилов. Каракалпак классик поэзиясының жазба әдебиятлық характерлиги ҳаққындағы мәселеге. — Журн. «Эмүдәрә». 1959, № 3.

Новые находки и изучение их в историческом и филологическом плане позволили ученым приступить к тщательному исследованию вопроса о зарождении каракалпакской письменности и письменной литературы. В своей специальной работе М. К. Нурмухаммедов связывает зарождение каракалпакской письменной литературы с ногайлийским периодом истории каракалпаков (XIV—XV вв.), когда начала формироваться каракалпакская народность⁶. И. Т. Сагитов относит начало истории каракалпакской литературы к эпохе создания орхоно-енисейских надписей (VII—VIII вв. н. э.)⁷. К. Мамбетов в данном вопросе пошел еще дальше: он включает в историю каракалпакской литературы наряду с орхоно-енисейскими письменными памятниками и факты, приведенные в «Дивану лугат-ит-тюрк» Махмуда Кашгари, а также фольклорные материалы⁸.

Известно, что история письменной литературы и литературного языка тесно связана с конкретной историей самого народа. Первое письменное упоминание о каракалпаках, приведенное в ярлыке бухарского эмира, где они упоминаются наряду с другими народами, живущими в низовьях Сырдарьи, относится к концу XVI века. В дальнейшем отрывочные сведения о каракалпаках встречаются в русских источниках, а также в хрониках хивинских летописцев⁹. Что же касается ранних этапов истории каракалпаков, то есть периода до XVI века, то здесь все строится в основном на гипотезах, догадках и косвенных свидетельствах¹⁰.

Каракалпаки, как известно, в русских письменных источниках были впервые упомянуты в середине XVIII века в связи с их стремлением установить тесные контакты с Россией. Это так называемые документы «Ахид-нама», то есть клятвенные обещания и письма предводителей каракалпакских родов и племен, духовенства и хана к русской императрице Елизавете Петровне в 1743 году¹¹.

С этого времени и до середины XIX века никаких письменных памятников каракалпакского языка не сохранилось. Серединой XIX века датируются некоторые юридические документы и произведения каракалпакской поэзии.

Каракалпаки издавна имели тесные связи с родственными тюркскими народами Средней Азии и Казахстана, отчасти Поволжья. Основная часть каракалпакской народности с конца XVII и до середины XVIII века населяла земли в среднем течении и в низовьях Сырдарьи, ведя полукочевой образ жизни. Главными занятиями были земледелие, скотоводство и рыболовство. Каракалпаки находились в зависимости от казахских ханов. Часть населения была под властью бухарского эмира. В дальнейшем, спасаясь от набегов жунгаров, каракалпаки вместе с частью казахов переселились в верховья Сырдарьи и на территории юго-западнее Ташкента. Другая часть каракалпаков и казахов перекочевала

⁶ М. К. Нурмухаммедов. О зарождении письменной литературы у полуоседлых и кочевых тюркоязычных народов Средней Азии и Казахстана (на примере каракалпакской литературы). Ташкент, 1970.

⁷ И. Сагитов. Каракалпак әдебияты тарихының гейпара мәселелери. — Журн. «Әмүдәрья», 1972, № 2.

⁸ К. Мамбетов. Әйемги каракалпак әдебияты. Нөкис, 1976.

⁹ П. П. Иванов. Очерк истории каракалпаков. — В сб.: «Материалы по истории каракалпаков. Труды Института востоковедения АН СССР», том VII, М., 1935, стр. 33—35.

¹⁰ См.: «Очерки истории Каракалпакской АССР», том I, Ташкент, 1964, стр. 125—133.

¹¹ Х. Хамидов, Д. С. Насыров. Памятники дореволюционной каракалпакской письменности. — «Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР», 1961, № 4, стр. 42—52; Х. Хамидов. Каракалпақлардың антлары. — Журн. «Әмүдәрья», 1963, № 4, стр. 107—114; С. Камалов. XVIII ғасырдағы каракалпак-рус қатнасықтары. Нөкис 1966.

в низовья Сырдарьи, к Аральскому морю. Это привело к разделению каракалпаков на «нижних» и «верхних».

Впоследствии верхние каракалпаки попали под власть жунгаров, а нижние, оставшиеся во владениях казахских ханов Малого жуза, навсегда обосновались в Северном Хорезме. Здесь они приобщились к укладу жизни и культуре народов Хорезмского оазиса и Средней Азии в целом. Среди каракалпаков появились грамотные люди, стали распространять-ся книги.

После занятия Хивы русскими войсками в 1873 году часть каракалпаков, населявших правое побережье Амударьи, приняло российское подданство. Позднее здесь был создан Амударьинский отдел, подчинявшийся генерал-губернатору Сырдарьинской области Туркестанского края. Вхождение в состав России, ставшее поворотным этапом в истории каракалпаков, оказало влияние на всю их культурную жизнь, что нашло отражение в художественных произведениях и письменных документах того времени.

В дореволюционной Каракалпакии обучение, образование и письменность были тесно связаны с культурными традициями в этих областях народов Средней Азии. Много книг завозилось из Индии, Казани, Стамбула, Каира, Тегерана; они сразу же переписывались и распространялись¹².

Однако главным источником духовной пищи народа были произведения устного народного творчества, которые передавались из поколения в поколение. Особенной популярностью пользовались такие эпические поэмы, как «Едиге», «Коблан», «Алпамыс», «Қырық қыз», «Шарьяр», «Маспатша», «Ер-Шора», «Ер-Зийуар».

Все это создало необходимые предпосылки для возникновения собственно каракалпакской письменной литературы в XIX веке, о чем свидетельствуют обнаруженные нами рукописи сочинений каракалпакских поэтов Хаджинияза и Бердаха. Эти основоположники каракалпакской письменной литературы творчески использовали богатейшее наследие тюркоязычной литературы, прежде всего узбекской и туркменской, в сочетании с традициями каракалпакского устного народного творчества.

Каракалпакский литературный язык дореволюционного периода был органически связан с письменной литературой. Все тюркоязычные народы среднеазиатского региона пользовались литературным тюрки, причем у каждого из этих народов он имел свои особенности¹³. Одним из локальных вариантов среднеазиатского тюркского литературного языка был каракалпакский литературный язык XIX—начала XX века.

Дореволюционный каракалпакский литературный язык, судя по имеющимся письменным данным, носил весьма смешанный характер. Одни ученые считали его старым книжным или, попросту говоря, узбекским языком (только не каракалпакским), другие — книжным языком с отдельными элементами каракалпакского языка, а третьи — каракалпакским письменным литературным языком феодальной верхушки, близким по своим нормам к староузбекскому. Такая различная оценка литературного языка для раннего этапа его становления явление, вообще-то говоря, типичное. Подобные взгляды на литературный язык выска-

¹² Х. Хамидов. Шығыс қолжазбалары. — Газ. «Совет Қарақалпақстаны», 1972, 19 мая.

¹³ Н. А. Баскаков. Указ. раб., стр. 16; Э. Р. Тенишев. Языки древне- и среднетюркских письменных памятников в функциональном аспекте. — «Вопросы языкознания», 1979, № 2, стр. 86.

зывались и русскими учеными-лингвистами о литературном языке Древней Руси. Например, А. А. Шахматов писал: «...это перенесенный на русскую почву церковнославянский, по происхождению своему древнеболгарский, язык в течение веков сближавшийся с живым народным языком и постепенно утративший и утрачивающий свое иноземное обличие»¹⁴. С. П. Обнорский же считал этот литературный язык исконно русским, подвергшимся воздействию церковнославянского¹⁵. А по мнению В. В. Виноградова, литературный язык в Древней Руси был един, хотя и двух типов — книжно-славянского и народно-литературного¹⁶.

Все эти положения в известной степени могут быть отнесены и к каракалпакскому литературному языку дооктябрьского периода. В то время, как известно, образцом для него послужил староузбекский литературный язык, под непосредственным влиянием которого и возник каракалпакский письменный литературный язык. Действительно, если судить только по данным отдельных письменных памятников, например каракалпакских юридических документов и отдельных стихотворений Хаджинияза, то создается впечатление, что это староузбекский язык, перенесенный на каракалпакскую почву. Более широкое привлечение письменных памятников каракалпакского языка дореволюционного периода позволяет заключить, что в XIX—начале XX века уже существовал каракалпакский литературный язык, испытывавший на себе значительное влияние староузбекского языка.

Влияние староузбекского языка на языки каракалпакских письменных памятников не было одинаковым. Наиболее сильно оно сказалось в языке официальных документов и некоторых сочинений поэта Хаджинияза, слабее — в языке сочинений поэта Бердаха и дореволюционных записей на арабском алфавите каракалпакских эпических произведений. «Литературный язык — категория историческая: степень обработанности, строгость отбора и регламентации могут быть неодинаковыми не только в разных литературных языках, но и в разные периоды истории одного и того же языка»¹⁷.

До XIX века у каракалпаков существовала лишь устная форма литературного языка. Из-за почти поголовной неграмотности средневековый тюрки был не доступен народу. Однако в дальнейшем тюрки, а позже — староузбекский язык, послужили образцом для формирования письменного литературного языка каракалпаков¹⁸.

Формировавшийся каракалпакский литературный язык имел наддиалектный характер¹⁹. «Нормы такого языка — еще очень зыбкие в период существования народности — замыкаются в то время в узких пределах письменного-литературного языка и не оказывают заметного влияния на общенародный язык и его диалектные ответвления»²⁰. В

¹⁴ А. А. Шахматов. Очерк современного русского литературного языка. М., 1941, стр. 8.

¹⁵ С. П. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.—Л., 1946, стр. 6.

¹⁶ В. В. Виноградов. Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка (IV Международный съезд славистов). М., 1958.

¹⁷ «Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка». М., 1970, стр. 502.

¹⁸ См.: Г. Ф. Благова. Некоторые вопросы развития средневекового среднеазиатского тюркского литературного языка. — «Советская тюркология», 1971, № 4, стр. 71.

¹⁹ См.: А. В. Десницкая. Наддиалектные формы устной речи и их роль в истории языка. Л., 1970, стр. 87.

²⁰ В. В. Виноградов. Избранные труды. История русского литературного языка. М., 1978, стр. 180.

этой стадии развитие литературного языка, как правило, бывает обусловлено тремя факторами: 1) преемственностью литературных традиций, если таковые имеются; 2) межплеменным диалектным смещением в результате воздействия политического и культурного центра формирующейся нации и 3) сближением литературного языка с устной речью населения политически ведущей провинции²¹. Такой провинцией в предреволюционной Каракалпакии была ее северная часть, на основе диалекта населения которой впоследствии окончательно сформировался современный литературный язык.

Следует подчеркнуть, что каракалпакский литературный язык XIX—начала XX века еще нельзя считать «письменным языком»²². В этот период шел процесс сближения письменного литературного языка с устной речью каракалпаков, о чем свидетельствуют сочинения поэтов Хаджинияза, Бердаха, записи произведений устного народного творчества. В литературный язык того периода начала активно вливаться народная речь, определившая его дальнейшее развитие.

Письменные памятники, представляющие каракалпакский литературный язык дореволюционного периода, по их стилевым и жанровым особенностям можно разделить на нижеследующие группы.

1. Письменные памятники официально-делового стиля. Сюда относятся переписка каракалпаков с русскими властями, в частности письмо каракалпакского хана Ишим Мухаммеда царю Петру Первому (1725) и письма-присяги каракалпаков, написанные ими в 1741—1743 годах с просьбой о принятии их в подданство русского государства. Количество последних более тридцати и все они объединяются под общим названием «Ахид-нама». Сюда входит письмо-послание нижних каракалпаков русской императрице Елизавете Петровне, написанное также в 1743 году и названное «Елчи-нама», а также документ, известный под названием «Ярлык-нама» — перевод грамоты, выданной каракалпакским послам от имени императрицы Елизаветы Петровны, в которой официально провозглашается принятие нижних каракалпаков в русское подданство. К этой группе документов относятся переписка каракалпаков с русскими пограничными властями с просьбой о поддержке народно-освободительных выступлений каракалпаков против хивинских ханов в середине XIX века, а также многочисленные документы официально-делового, юридического, эпистолярного характера, написанные в конце XIX—начале XX века.

Язык каракалпакских письменных памятников этой группы по своим стилевым модификациям, зависевшим от традиции канцелярской переписки тех времен, носит весьма смешанный характер. Справедливость того, что «от назначения документов, их формы зависит степень отражения особенностей народно-разговорного, или точнее говоря, устной разновидности литературного языка»²³ подтверждается документами. Например, в документах XVIII и середины XIX века, составленных по образцу официальных канцелярских писем, очень мало отражались особенности каракалпакского народно-разговорного языка. Приведем пример: *бен төбен исимленмиш ахид етиб ант етәмен ол барчага қудрәтли аллахның исми шәрийфи илә аның улуғланмыш қуран шәрийфи алдында шул себебли ким тиләймән хәм үзәримә лазымдур ол улуғ падишахымыз ҳәзрәтләриниң хассә нәсил тарийқыңча улуғланмыш падишахымыз*

²¹ См.: Т. А. Дегтерева. Становление норм литературного языка. М., 1963, стр. 162.

²² См.: З. Н. Кумахова. Развитие адыгских литературных языков. М., 1972, стр. 6.

²³ Э. Р. Тенишев. Функционально-стилистическая характеристика древнеуйгурского литературного языка. — В сб.: «Социальная и функциональная дифференциация литературных языков». М., 1977, стр. 71.

императрица Елизавет Петровна... 'Я, нижеименуемый, даю клятвенное обещание и клянусь святым именем всемогущего Аллаха и почитаемым священным Кораном его в том, что я признаю повелителем своим и считаю своим долгом исполнять все указания ее императорского величества Елизаветы Петровны...'

Документы, язык которых не столь скован канонической формой, обычно встречаются начиная с конца XIX века. Однако и тут немало документов (долговые квитанции, повестки, договоры о продаже земельных участков), составленных строго по шаблону: сперва приводится год составления документа, часто по летосчислению хиджры (нередко указывается и год по новому летосчислению), а также месяц, число, номер документа, потом имя получателя с его данными, этнической принадлежности, местом жительства, затем содержание сделки, имена свидетелей. Такая форма составления юридических документов практиковалась еще у древних уйгуров²⁴.

При столь строго канонической форме составления документов проникновение в их язык разговорных элементов было, конечно, сильно затруднено. Зато элементы народного языка значительно свободнее проникали в язык частной переписки, в более пространственные документы, где обстоятельно описывались условия сделки, состояние объекта сделки и т. д. Все эти документы способствовали становлению официально-документального стиля современного каракалпакского литературного языка²⁵.

2. Стиль памятников художественной литературы (поэзии). Среди произведений художественной литературы (поэзии) наибольшую роль в формировании литературного каракалпакского языка сыграли произведения таких замечательных представителей каракалпакской литературы XIX века, как Хаджинияз и Бердах. Если для стихов Хаджинияза характерна приверженность традициям письменной литературы на тюрки, и у него немало произведений, написанных в народном стиле, то Бердах отличается стремлением сочетать традиции письменной и устной форм литературного творчества.

У Хаджинияза довольно часто отмечается непоследовательность в употреблении фонетических и морфологических форм:

*Бағлар лала о лур келсе хуб бахар,
Қазан урса солар рунчалы гулзар...
Иигит қашшақ б о лур сөхбәти болмас,
Ағайин халқ ара изәәти болмас,
Мейлис мерекеде хурмәти болмас,
Иигит қашшақ о луб малдын айрылса.
...Дәх дегәндә озан қанатлы қушдан
Туйағы тағалы алтун кумушдән...
'Зацветут сады, когда придет весна,
Увянут они от холода поздней осени...
Беднеет джигит — покидают его друзья,
Теряет почет среди сородичей своих.
Не будет уважения и в обществе ему,
Если он бедный и лишен состояния.
...Если умело понукать, обгонит и птицу
Конь добрый, быстрый, подкованный золотыми подковами...'*

В этих отрывках глагольная форма будущего времени употребляется в различных фонетических вариантах: в одной строфе в виде *олур*, а в другой — *болур*. Подобная непоследовательность наблюдается и в

²⁴ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 200—219; Э. Р. Тенишев. Функционально-стилистическая характеристика..., стр. 72.

²⁵ Е. Бердимуратов. Развитие каракалпакской лексики в связи с развитием функциональных стилей литературного языка. Автореф. докт. дисс., Ташкент, 1973, стр. 59.

употреблении форм исходного падежа: *малдын айрылса, қанатлы қушдан, күмүшдән*. Такая непоследовательность в употреблении фонетических и морфологических форм у Хаджинияза, видимо, объясняется тем, что он, во-первых, стремился следовать образцам письменно-литературной традиции своего времени, во-вторых, он просто не мог не считаться с особенностями своего родного языка. У Бердаха в употреблении указанных и других форм явно чувствуется стремление к постоянству, хотя, конечно, он иногда смешивает различные формы.

*Өзбәк йәнә зағийф алды
Қалыңы йетти сан болды
Йетти сан ат шуннан қалды
Оннан үч уғыл туғған екән.
Йашлықда киймишем қалғақ
Иғри ердим тилим йалғақ
Қолдағлы едим қарақалғақ,
Қоңырат болур асыл зады.*

‘Узбек опять брал себе жену
Платил калым за нее в семи санах,
От того пошло название семь санов.
Родились от него три сына, говорят.
В юности я, как было, носил шляпу.
Был я неуклюж, язык был груб.
Каракалпак я из рода колдаглы,
Происходящего из племени конырат’.

3. Памятники фольклорного стиля. Произведения, входящие в эту группу, различны по жанру, это: а) дореволюционные записи и публикации каракалпакских героических эпосов, в их числе «Алпамыс», «Шора батыр» (записанные А. Диваевым в конце XIX века от каракалпакских сказителей Бекмухаммеда и Нигматуллы), а также каракалпакские героические эпосы «Ер Коблан» и «Едиге» (записанные и опубликованные И. А. Беляевым); б) дореволюционные списки многочисленных лиро-эпических дастанов-поэм: «Гарип ашык», «Безирген», «Шарьяр», «Хуршид-Зийуар», «Касым», «Кумрыхан», «Тулумбий», «Зийнеб» и др.

Язык этих произведений, особенно первой подгруппы, состоящей из народных героических эпосов, характеризуется явно выраженной тенденцией к сближению с народно-разговорным языком каракалпаксов конца XIX и начала XX века. В фонетическом отношении традиционные *ш, ч, й*, характерные для языка большинства памятников, здесь начинают заметно уступать свое место народным вариантам этих согласных — *с, ш, ж*:

*Салқын менән жол жүрди
Сағым менән өндүрди
Қарсақ жүрмәс қалыңнан
Өтүб мүннан барады
Тұлқи жүрмәс түңйдән
Түнде кетиб барады.*

(«Коблан»).

‘Ехал он вечерней прохладой,
Проехал больше утренней зарей.
Чашобу, где и волку не пролезть,
Одолеет он и продолжит путь.
Едет он в такой крошечной тьме,
Где и лисице не найти дорогу.’

*Темир қазық айма,с,
Тас бурчақдай жаймаса
Тоқтамасан бул жолда
Қос аман бол муңлығым
Ағаң келур өлмәсә.*

(«Шора батыр»).

‘Если Полярная звезда не переместится,
Если не посыплются камни на меня, как град,
Не остановлюсь я на этом пути своем.
Пребывай в благоденствии, сестренка моя,
Вернется брат твой, если он не погибнет’.

Сближение с народно-разговорным языком отмечается и в области грамматики и лексики, где в конструкциях отдельных предложений типа: *Шамай кэл айтады, эй Қобланлы Барса келмәс шәхринди бармақ тугәл жолын хәм көргәнимиз жоқ, бизләргә бир саат тамам жол жүрсәк хәм пайдады деб Кобланға қарамады* ‘Эй Кобланлы, мы не только не бывали в твоём городе Барса келмес, но даже дорогу туда не видели. Нам не зачем тут задерживаться, если проедем хотя бы одну часовую дорогу и то нам полезно, — сказал Шамай-кел и ушел дальше’, преобладают черты, присущие каракалпакскому народно-разговорному языку. Произведения лироэпического жанра, составляющие вторую разновидность памятников фольклорного стиля, в основном примыкают к первой подгруппе. В данных фольклорных произведениях чувствуется стремление сочетать традиционный письменно-литературный язык с устно-разговорным. Эти тенденции проявляются в широком употреблении лексико-стилистических выражений и фразеологических сочетаний, характерных для устной каракалпакской речи. Например, такие выражения и сравнения, как: *маманың Зийуарға көзи түшүб албураб не қылурын билмәди* ‘Увидев Зиуара, старуха сильно растерялась и не знала, что делать’; *Қашғанға рахмәт, куйушқанға бәрәкәт, турғанға лаһнәт деб бәдәр қачды* ‘Они воскликнули: «Да помилует бог бежавшего, да будут крепки подпруги седел наших коней, да будет проклят тот, кто здесь останется», — и убежали восвояси’; *Ач арысландек болуб дәшкәрге өзін урды* ‘Словно голодный кровожадный лев, он бросился в бой с войсками врага’ («Хуршид-Зийуар»), характерны для каракалпакских героических эпосов²⁶.

Кроме того, в языке лироэпических дастанов имеются примеры, соответствующие в основном лексическим нормам каракалпакского языка. Из последних можно привести следующие: *жар салмақ* ‘оглашать’, *йарағларын қуришаныб* ‘натянув на себя воинские доспехи’, *туңлук* ‘верхнее большое отверстие в юрте’, *сүрүк* ‘стадо овец’, *дардек болуб ишиб* ‘распухнуть, как бревно’, *керәк-йарақ* ‘нужные вещи, принадлежности’ («Хуршид-Зийуар»); *мәтгәл* — от араб. *муғаттал* ‘быстро, не дожидаясь’, *қапу* ‘дверь’, *кеңәс* ‘советовать, подсказать’, *макул* от араб. *маъкул* ‘разумно’, *улама* от араб. *улама-у* ‘ученые, знатоки’, *йан халта* ‘боковой карман’, *гирис* ‘тетива лука’, *тазы* ‘борзая, охотничья собака’, *ийтелги* ‘ловчая, охотничья птица’, *қулан* ‘дикий осел’ («Шарьяр») и т. д.

Таким образом, письменность и письменная литература у каракалпаксов зародилась в XVIII—XIX веках в результате окончательного перехода основной массы народа к оседлому образу жизни в Северном Хорезме. Каракалпакский литературный язык дооктябрьского периода носил смешанный характер, сочетая в себе элементы народно-разговорного и письменно-литературного языка — среднеазиатского тюрки.

²⁶ Х. Хамидов. Жана қолжазбалар. — «Вестник Каракалпакского филиала АН УЗССР», 1969, № 1, стр. 82.

Е. И. КОРКИНА

ОБ ИЗУЧЕНИИ ЯКУТСКОГО ЯЗЫКА

В отличие от других младописьменных языков народов СССР якутский язык стал объектом изучения еще в XIX веке. В 1851 году вышла в свет работа О. Н. Бётлингка «Über die Sprache der Jakuten» («О языке якутов») — первое научное описание якутского языка как одного из тюркских, — которая не утратила своего значения по сей день. В 1899 году вышел в свет первый выпуск капитального труда Э. К. Пекарского — «Словарь якутского языка». И в настоящее время этот словарь является одним из главных источников изучения якутского языка. В 1900 году появилось первое издание «Грамматики якутского языка» С. В. Ястремского. В 1908 году была издана книга В. В. Радлова «Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türkssprachen» («Якутский язык и его отношение к тюркским языкам»).

Якутская письменность зародилась еще до революции, однако массового распространения она не получила. Для печатания якутских текстов светского содержания в то время применялся алфавит О. Н. Бётлингка, для издания религиозной литературы использовались алфавиты, разработанные миссионерами.

После победы Великого Октября возникли условия, необходимые для успешного развития якутского языка: началось составление учебников и пособий по родному языку, стали переводиться на якутский язык общественно-политическая, учебно-методическая, художественная и специальная литература, проводилась нормализация якутского литературного языка, разрабатывались принципы его терминологии и орфографии.

Энтузиастом создания массовой письменности выступил первый якутский ученый-лингвист С. А. Новгородов. На базе международной фонетической транскрипции он разработал алфавит, названный по его фамилии «новгородовским» и применявшийся с небольшими изменениями до 1939 года. С. А. Новгородов стал также автором первого букваря «Сурук-бичик» и книги для чтения «Ааҕар кинигэ» на якутском языке.

В создании первых учебников по якутскому языку большая заслуга принадлежит А. А. Иванову-Кюндэ. В 1925 году им была издана первая школьная грамматика «Биһиги саҕабыт» («Наша речь. Фонетика», М.), в 1926 году — «Биһиги тылбыт» («Наш язык. Морфология», М.), в 1934 — «Саха тыла» («Якутский язык. Грамматика и правописание для V класса», Якутск). По учебникам А. А. Иванова-Кюндэ около десяти лет велось обучение в школах. В последующем они легли в основу стабильных учебников по якутской грамматике. А. А. Иванов-Кюндэ разработал принципы якутской терминологии и орфографии; введенная им

грамматическая терминология якутского языка с небольшими уточнениями применяется и в настоящее время. Ему принадлежат ценные рекомендации по практике перевода с русского языка на якутский.

Много лет труда посвятил совершенствованию якутского письма, созданию первых правил орфографии, разработке принципов терминологии выдающийся деятель якутской национальной культуры, основоположник якутской советской литературы П. А. Слепцов-Ойунский. Основным его трудом был «Русско-якутский термино-орфографический словарь» (М., 1935), включавший 13018 общественно-политических терминов. П. А. Слепцов-Ойунский был организатором и первым директором Научно-исследовательского института языка и культуры при СНК ЯАССР, созданного в 1935 году и позднее реорганизованного в Институт языка, литературы и истории Якутского филиала СО АН СССР. Почти одновременно, в 1934 году, в автономной республике был открыт первый вуз — Якутский государственный педагогический институт, при котором в числе других была кафедра якутского языка и литературы. С этого времени началось планомерное изучение якутского языка и подготовка языковедческих кадров. В настоящее время исследованием якутского языка занимаются секторы грамматики и диалектологии, лексикологии и лексикографии, кабинет экспериментально-лингвистических исследований Института языка, литературы и истории Якутского филиала СО АН СССР, а также кафедра якутского языка и литературы Якутского государственного университета. За пределами ЯАССР якутский язык исследуется под руководством Е. И. Убрятовой в Отделе филологии Института истории, филологии и философии СО АН СССР. Можно выделить четыре основных направления исследований: 1) теоретическая грамматика и фонетика якутского языка, 2) вопросы якутской диалектологии, 3) якутская лексикография и лексикология, 4) разработка прикладных проблем якутского языка.

Первые работы по якутской грамматике стали появляться в 40-е годы. В 1943 году в Якутске вышла книга Л. Н. Харитонova «Неизменяемые слова в якутском языке», в основу которой легла кандидатская диссертация автора «Категория наречия в якутском языке».

В 1947 году была издана монография Л. Н. Харитонova «Современный якутский язык», где на материале современного якутского языка автор обобщил и углубил исследования своих предшественников, по-новому интерпретировал многие вопросы фонетики и морфологии якутского языка, дал более полную и стройную классификацию частей речи. Л. Н. Харитонов написал также ряд работ по глагольным категориям в якутском языке. За монографию «Типы глагольных основ в якутском языке» (М., 1954) ему была присуждена ученая степень доктора филологических наук. На основе анализа всего состава глагольных основ якутского языка автор установил, что древнейшим пластом якутской глагольной лексики являются односложные глагольные основы тюркского происхождения; он классифицировал якутские глаголы по трем большим гнездам — типам, отличающимся друг от друга семантически, морфологическими и синтаксическими особенностями (глаголы действия-состояния, звукоподражательные, образные). В монографии «Формы глагольного вида в якутском языке» (М.—Л., 1960) Л. Н. Харитонов исследовал видовые формы якутского глагола, их образование, семантику и употребление. Автор пришел к выводу, что видовые формы якутского глагола сложились в сравнительно поздний период развития языка. Эта работа имеет определенное значение и для тюркологии в целом, ибо категория глагольного вида в тюркских языках все еще остается

одним из наименее изученных и спорных вопросов. Следующей весьма ценной работой Л. Н. Харитоновой явилась книга «Залоговые формы глагола в якутском языке» (М.—Л., 1963), посвященная значению, особенностям употребления, структурно-фонетическим признакам и происхождению залогов глагола в якутском языке.

Параллельно с Л. Н. Харитоновой приступила к исследованию якутского языка сначала в Ленинграде, затем в Москве Е. И. Убрятова, защитившая в 1940 году кандидатскую диссертацию «Язык норильских долган». В работе были подробно описаны диалектальные особенности языка долган в сравнении с якутским литературным языком (фонетика, грамматика, лексика). В 1950 году Е. И. Убрятова издает первую часть капитальной работы «Исследования по синтаксису якутского языка. I. Простое предложение». Ключом к раскрытию синтаксического строя якутского языка она считает словосочетание, его формальную и смысловую структуру. Вторая часть этого труда в двух книгах была издана в 1976 году. На основе выдвинутого ею положения о предикативном склонении причастных форм в якутском языке Е. И. Убрятова выделила в составе сложноподчиненного предложения девять типов зависимого предложения.

Н. С. Григорьевым под руководством С. Е. Малова была выполнена кандидатская диссертация, посвященная лексическим, морфологическим и синтаксическим признакам якутских прилагательных.

С середины 50-х годов к исследованиям по якутскому языку приступили ученики Л. Н. Харитоновой и Е. И. Убрятовой. В работе Н. К. Антонова «Именное словообразование в якутском языке» установлено наличие в якутском языке более ста аффиксов словообразования, классифицируемых автором как производительные, малопроизводительные и непроизводительные. Н. К. Антонов выявил универсальный характер некоторых аффиксов, способных образовывать имена как от глагольных, так и от именных основ одновременно. Е. И. Коркина написала кандидатскую диссертацию «Формы прошедшего времени в якутском языке», а также работы: «Наклонения глагола в якутском языке» (М., 1970), «Глагольные лично-соотнесенные модальные конструкции в якутском языке» (Якутск, 1979), «Деепричастия в якутском языке» (Новосибирск, 1985).

Весьма плодотворной должна быть признана исследовательская деятельность Н. Е. Петрова. Им написаны монографии по частицам (Якутск, 1978), модальным словам (Новосибирск, 1984), служебным именам и послелогам, а также модальным сочетаниям. Ему удалось на основе обширного фактического материала современного литературного языка якутов выявить морфологические и синтаксические признаки каждой из названных служебных частей речи, их происхождение, различные черты, классифицировать их. Им выдвинуто положение о том, что послелоги, частицы, модальные слова и союзы в современном якутском языке являются самостоятельными служебными частями речи. В 1982 году Н. Е. Петров издал монографию «О содержании и объеме языковой модальности», где он, придерживаясь концепции В. В. Виноградова, высказывается за широкое понимание лингвистической модальности, выделение модальных отношений в особый класс грамматических значений, генетически связанных с общим назначением языка как средства общения.

Ряд интересных работ выполнен другими исследователями якутского языка. И. П. Винокуров издал работу «Синонимика падежных конструкций в якутском языке» (Якутск, 1971). Завершила монографию о якутских местоимениях Н. И. Данилова. М. А. Черосовым выполнена работа

«Основные типы синтаксических словосочетаний в якутском языке» (Якутск, 1972), Н. Н. Неустроевым — «Односоставные (безличные и номинативные предложения) в современном якутском языке» (Якутск, 1972), Н. Е. Ефремовым — «Сложноподчиненные предложения времени в якутском языке» (М., 1984), Ю. И. Васильевым — «Способы выражения сравнения в якутском языке» (Новосибирск, 1985).

Значительные результаты достигнуты в изучении фонетики якутского языка. В 1953 году издана работа П. П. Барашкова «Звуковой состав якутского языка», впервые в якутоведении написанная на основе теории фонемы и с использованием кимографических записей. Н. Д. Дьячковским выпущены в свет две монографии «Звуковой строй якутского языка. Ч. I. Вокализм» (Якутск, 1971) и «Звуковой строй якутского языка. Ч. II. Консонантизм» (Якутск, 1977), выполненные с применением методов современной экспериментальной фонетики (палатографии, рентгенографии, кинорентгенографии, а также данных кимографической, осциллографической и пневмоосциллографической записи речи), что позволило автору раскрыть и систематизировать фонемный состав гласных и согласных, выявить внутренние закономерности и тенденции развития последних. И. Е. Алексеев написал первую в якутском языкознании работу по синтаксической фонетике «Вопросительное предложение в якутском языке» (Якутск, 1982). Здесь даны подробное описание системы собственно-вопросительных предложений, их структурно-семантическая классификация, специализированные интонационные контуры. Автор выделяет два основных коммуникативных вида якутского интеррогатива: нейтрально-собственный и презумптивно-собственный.

Ряд статей о фонетических закономерностях якутского языка написан Н. Н. Ширококовой.

Полученные результаты по указанным основным вопросам фонетики, морфологии и синтаксиса якутского языка позволили якутским языковедам приступить к составлению сводного академического курса «Грамматики якутского языка» в двух частях. Первая часть, дающая наиболее полное и систематическое описание звукового состава и морфологического строя современного якутского литературного языка, вышла в свет в 1982 году. Ряд тем в ней освещается впервые или получает новую трактовку; авторами привлечен сопоставительный и историко-сравнительный материал. Работа над второй частью «Грамматики» (синтаксис) в настоящее время близится к завершению.

Первым опытом в области якутской диалектологии явились работы одного из зачинателей якутской художественной литературы А. Е. Кулаковского «Наречия разных местностей, улусов и округов с прибавлением архаизмов, специальных охотничьих терминов, омонимов и синонимов» и «Виды животного и растительного царства, известные якутам», основанные на собранном автором диалектологическом материале.

Первой специальной диалектологической работой по якутскому языку должна быть признана упомянутая выше работа Е. И. Убрятовой «Язык норильских долган».

В течение нескольких последних лет по специально разработанной анкете во всех районах республики собирался диалектологический материал и проводилось первичное описание каждого говора. Написан ряд следующих монографий по якутской диалектологии: «Говор верхоянских якутов» (Якутск, 1965) П. С. Афанасьева, «Язык есейских якутов» М. С. Воронкина, «Опыт сравнительного изучения фонетических особенностей языка населения некоторых районов Якутской АССР» (М., 1960) Е. И. Убрятовой, «Аканье и оканье в говорах якутского языка»

(Якутск, 1980) С. А. Иванова. П. П. Барашков и С. А. Иванов составили лингвистическую карту акающих и окающих говоров якутского языка и приступили к созданию «Диалектологического атласа говоров якутского языка». Ими составлено 85 карт на диалектные явления говоров Центральной и Северо-Восточной зон. Диалектологами собран и представлен материал для «Диалектологического атласа тюркских языков Сибири» (ДАТЯС).

Из обобщающих работ по якутской диалектологии следует отметить «Диалектологический словарь якутского языка», составленный М. П. Алексеевым, П. С. Афанасьевым и М. С. Воронкиным (Якутск, 1976), содержащий 8500 диалектных слов и словосочетаний. В отличие от аналогичных словарей, изданных в тюркоязычных республиках, объяснение слов и сочетаний, а также иллюстративный материал даются на двух языках (якутском и русском). Вторая крупная диалектологическая работа — «Саха диалектологиятын очерката. Фонетика уонна морфология» («Очерк якутской диалектологии. Фонетика и морфология») (Якутск, 1980) М. С. Воронкина. Исходя из территориального распространения и выявленных диалектных особенностей, М. С. Воронкин разделил говоры якутского языка на четыре группы-зоны: 1) северо-западная группа (долганский диалект, есейский говор и говоры населения Анабарского, Оленекского, Булунского и Жиганского районов ЯАССР); 2) вилюйская группа (говоры Кобяйского, Вилюйского, Верхне-Вилюйского, Ленинского, Сунтарского, Мирнинского, Ленского, Олекминского районов); 3) центрально-якутская группа говоров (Намский, Горный, Орджоникидзеvский, Амгинский, Мегино-Кангаласский, Усть-Алданский, Алексееvский, Чурапчинский, Усть-Майский районы); 4) северо-восточная группа говоров (Верхоянский, Оймяконский, Усть-Янский, Момский, Абыйский, Аллаиховский, Средне-Колымский, Верхне-Колымский районы).

М. С. Воронкин завершает обобщающее исследование о диалектной системе якутского языка.

Фонетические особенности говоров якутского языка в сравнительно-историческом плане освещены в работе П. П. Барашкова, готовящейся к печати.

На ближайшее пятилетие планируется составление дополнительного тома «Диалектологического словаря якутского языка», продолжение атласирования диалектных явлений и монографическое обобщение материалов по Северо-Восточной и Центрально-Якутской зонам говоров якутского языка.

За годы Советской власти в словарном составе якутского языка произошли большие изменения: вошло в обиход огромное количество новых слов, немало слов вышло из употребления, изменилась семантика многих слов. Возникновение и интенсивное развитие якутской письменности и литературного языка выдвинуло задачу нормализации языка.

В свое время были составлены небольшие словари справочного характера: «Русско-якутский словарь» И. П. Будищева (1926), «Русско-якутский словарь» С. Н. Донского (1930), «Якутско-русский словарь» И. Н. Попова (1931), «Русско-якутский словарь для начальных и неполных средних школ» Г. С. Тарского (1942), «Русско-якутский словарь для начальной школы» Л. Н. Харитоновой (1940), «Русской-якутский словарь» Н. Н. Павлова и И. Н. Попова (1948, 1949).

Лексикографами Института языка, литературы и истории подготовлены и изданы два двуязычных словаря среднего объема. Это — «Русско-якутский словарь», выпущенный издательством «Советская энци-

клопедия» в 1968 году (словарь охватывает наиболее употребительную лексику современного русского литературного языка) и «Якутско-русский словарь», изданный в 1972 году. Достоинства этих двух словарей по сравнению с предыдущими — более детальная разработка словарных статей, сравнительно большой объем и ясно выраженная нормативность.

Подготовлены и частично изданы отраслевые терминологические словари: «Краткий терминологический словарь якутского языка» П. П. Барашкова, «Русско-якутский поэтический словарь» Г. М. Васильева (Якутск, 1976), «Краткий русско-якутский словарь биологических терминов» А. А. Макарова (Якутск, 1974), «Якутско-русский словарь сельскохозяйственных терминов. Ч. I. Термины животноводства» Н. В. Скрыбыкина, «Якутско-русский словарь сельскохозяйственных терминов. Ч. II. Термины полеводства» и «Словарь терминов охоты и рыболовства» А. С. Луковцева, «Краткий словарь политических терминов» Е. И. Оконешникова.

Изданы «Словарь синонимов, омонимов и антонимов якутского языка» (Якутск, 1957) и «Словарь антонимов якутского языка» (Якутск, 1979), оба Н. А. Аллахского, «Краткий словарь якутского языка» (Якутск, 1979) Г. Ф. Сивцева. В последнем толкуется свыше 3500 слов и фразеологических оборотов — архаизмов, историзмов, редких слов, оригинальных диалектизмов, выпавших или выпадающих из современного языка якутов.

В настоящее время лексикографы Института ЯЛИ ЯФ СО АН СССР заняты составлением «Толкового словаря современного якутского литературного языка» в четырех томах, в котором толкование в статьях дается на двух языках: якутском и русском. В текущем году ожидается завершение первого тома.

В 1976 году была издана работа П. С. Афанасьева «Якутская лексикография» (на якутском языке), освещающая историю якутской лексикографии и основные принципы составления словарей разных типов. Выполнен также целый ряд описательных лексикологических работ. Это прежде всего работа Н. К. Антонова «Лексика современного якутского языка» (на якутском языке), изданная в 1967 году. Автор прослеживает изменения, происшедшие в лексической системе якутского литературного языка, касается вопросов стилистической дифференциации лексики. В учебном пособии для студентов Якутского государственного университета (автор П. С. Афанасьев), изданном в 1977 году, освещены основные вопросы лексикологии современного якутского языка. Две монографии о русских лексических заимствованиях в якутском языке (дореволюционного и советского периодов) написал П. А. Слепцов (Якутск, 1964; М., 1975).

Изданы исследования и по исторической лексикологии. Это — «Монгольские элементы в якутском языке» Ст. Калужинского (на немецком языке, Варшава, 1961), работы В. И. Рассадина о монголо-бурятских заимствованиях в сибирских тюркских языках, в частности о монголизмах в якутском языке, статья П. П. Барашкова «О монголо-бурятских и якутских языковых связях».

Исторической лексике якутского языка посвятил книгу и серию статей Н. К. Антонов. Автор прослеживает вклад тюркских, монгольских и эвенкийского языков в формирование и развитие якутского языка, дает исторические интерпретации раннего этногенеза якутов.

Сравнительно-историческое и сопоставительное изучение слов так называемого «неизвестного происхождения» в якутском языке провел

Г. В. Попов. В результате этого этимологического, фонетико-морфологического и лексико-грамматического анализа количество основ с неясной этимологией с 1300 сократилось до 611, к 690 основам автор установил параллели в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках.

Вопросам взаимовлияния эвенкийского и якутского языков посвящена работа А. В. Романовой, А. Н. Мыреевой и П. П. Барашкова (Л., 1975).

В последние годы заметно возрос интерес к истории языка, топонимике, антропонимике. П. А. Слепцов опубликовал первую часть «Истории якутского языка» (Якутск, 1983), в которой на обширном фактическом материале прослеживает историческое развитие гласных и согласных звуков якутского языка.

М. С. Ивановым изданы три книги: «Мэнэ ааттар» («Вечные названия». Якутск, 1979), «Дойду сурахтаах, алаас ааттаах» («Топонимы Якутии». Якутск, 1982) и «Сири сиксигинэн» («По родному краю». Якутск, 1985), содержащие историко-этнографический обзор топонимии Якутии.

В числе успешно решенных прикладных проблем следует в первую очередь назвать перевод якутской письменности в 1939 году с латинской основы на русскую графику. Были утверждены первые «Правила якутской орфографии» (1939). В 1940 году был издан «Орфографический справочник якутского языка» под редакцией В. Н. Чемезова, а в 1942 году — «Орфографический словарь якутского литературного языка», составленный П. П. Барашковым и Н. С. Григорьевым. В 1955 году вышли в свет «Правила якутской пунктуации» и «Правила якутской орфографии», в 1956 году — «Орфографический словарь якутского языка» (7 тысяч слов), составленный П. П. Барашковым. В 1963 году было осуществлено дополненное и уточненное издание «Правил якутской орфографии», а в 1975 году опубликован «Орфографический словарь якутского языка», включающий более четырнадцати тысяч слов.

Якутскими языковедами созданы стабильные школьные учебники якутского языка. Это — «Грамматика якутского языка. Фонетика и морфология. Для V—VI классов», составленная Л. Н. Харитоновым, а также П. С. Афанасьевым, Н. Д. Дьячковским и Г. Д. Сосиным, «Грамматика якутского языка. Синтаксис. Для VII класса» П. П. Барашкова, М. А. Черосова, И. И. Каратаева и С. И. Тимофеева, учебник якутского языка для IV класса Н. Е. Петрова, С. А. Иванова и Н. Н. Неустроева.

Несмотря на определенные достижения, решение практических вопросов развития якутского языка все еще отстает от требований культурного строительства в автономной республике. Так, не полностью осуществлена разработка терминологии по отдельным отраслям знаний, необходимы дальнейшие исследования проблем орфоэпии, стилистики, перевода, культуры устной и письменной речи и т. д.

Отрадно, что многое в исследовании якутского языка осуществлено национальными языковедческими кадрами, в подготовке которых огромную роль сыграли русские ученые. Это — реальный результат воплощения в жизнь ленинской национальной политики в нашей стране.

Г. САДВАКАСОВ

ИЗУЧЕНИЕ УЙГУРСКОГО ЯЗЫКА В СИНЬЦЗЯН-УЙГУРСКОМ АВТОНОМНОМ РАЙОНЕ КНР

Как известно, в первые годы после образования Китайской Народной Республики центральные и местные органы власти уделяли определенное внимание развитию культуры национальных меньшинств страны, в том числе уйгуров. В Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР) в то время было положено начало изучению уйгурского языка и литературы, проводилась работа по усовершенствованию графики и орфографии уйгурского языка, унификации терминологии; были организованы фольклорно-лингвистические экспедиции, собравшие богатый и разнообразный материал; на специальных совещаниях и конференциях рассматривались актуальные научно-практические вопросы языкового строительства. Так, в августе 1956 года в городе Урумчи — административном центре Автономного района — была создана Первая научная конференция по вопросам языка и письменности народов Синьцзяна — уйгуров, казахов, киргизов, узбеков, татар и др. В ее работе участвовали и советские ученые. На конференции решался вопрос о переводе письменности тюркоязычных народов Синьцзяна на славянский алфавит. В докладе известного языковеда Имина Турсуна «Уйгурский литературный язык и вопросы его терминовтвора» было подчеркнуто, что современный уйгурский литературный язык Синьцзяна сформировался и развивается на основе центрального диалекта, доминирующими компонентами которого являются кашгарский, илийский и турфанский говоры¹. Этот вывод впоследствии был подтвержден исследованиями советских уйгуроведов — Э. Р. Тенишева и А. Т. Кайдарова². В те же годы велось изучение уйгурских письменных памятников. В 1957 году в г. Урумчи Юсупбеком Мухлисовым был издан «Каталог рукописей классической уйгурской литературы»³.

Однако в годы так называемой «культурной революции» в Китае работа по изучению уйгурского языка и литературы надолго была приостановлена. И только в конце 70-х годов деятельность филологов Синьцзяна возобновилась.

Учитывая острую нужду высших учебных заведений Автономного района в учебниках и учебных пособиях для преподавателей и студентов филологических факультетов, синьцзянские языковеды приступили к созданию нормативных грамматик уйгурского языка. Был издан ряд учебников и пособий, в том числе «Современный уйгурский язык» Абду-

керима Баки⁴, «Современный уйгурский язык» Насруллы⁵, «Учебник уйгурского языка» Имина Турсуна⁶, двухтомник «Уйгурский язык» Турди Ахмета⁷ и др. В этих работах впервые в уйгурском языкознании Синьцзяна была предпринята попытка дать систематическое описание фонетической системы, лексического состава и грамматического строя современного уйгурского языка с широким привлечением языковых данных диалектов. В настоящее время издаются сборники статей, посвященные самым различным проблемам уйгурского языка. Эти сборники обычно публикуются сериями под общим названием «Исследования по тюркским языкам». Не представляется возможным подробно рассмотреть здесь все эти сборники, поэтому в качестве примера ограничимся кратким изложением содержания одного из них. Это — вторая книга «Исследований по тюркским языкам»⁸, изданная в Пекине в 1983 году под редакцией Зайта Рахима, подготовленная Комитетом языка и письменности национальностей и Институтом языкознания Академии общественных наук СУАР.

Сборник открывается статьей Ген Шимины «Важные памятники древнеуйгурской письменности и их изучение» (стр. 1—20), в которой говорится о происхождении древнеуйгурской письменности и ее влиянии на развитие культуры других племен и народностей, о состоянии изучения памятников древнеуйгурской письменности. Приводится список сорока пяти памятников уйгурского письма буддийского содержания, опубликованных как в Китае, так и в других странах.

Имин Турсун в статье «Язык хаканских тюрков и хотанский диалект» (стр. 21—44), сопоставляя данные языка хаканских тюрков по «Дивану» Махмуда Кашгари с соответствующими данными языка современных уйгуров Хотана на фонетическом, лексическом и грамматическом уровнях, заключает, что многие особенности хаканского языка XI—XIII веков сохранились в живом языке хотанцев, который дает достаточно полное представление о языке хаканских уйгуров. Такой вывод автора согласуется с мнением советских уйгуроведов, в частности Э. Р. Тенишева, о том, что элементы древнеуйгурского языка в наибольшей степени сохранились в хотанском диалекте уйгурского языка⁹.

Мирсултан Османов в статье «Лобнорский диалект современного уйгурского языка» (стр. 45—89) на основе собранного им фактического материала описывает фонетические и лексико-грамматические особенности данного диалекта. При этом автор ссылается на труды С. Е. Малова и Э. Р. Тенишева, широко используя их.

Известный историк языка Абдуреим Откур в статье «О процессе формирования и развития древнеуйгурского литературного языка» (стр. 90—111) высказывает мнение о том, что этот язык существовал в устной форме еще до появления письменной литературы. Язык дастана «Огуз-наме», по мнению автора, подтверждает это. В X—XII веках в период правления династии Караханидов древнеуйгурский литературный язык достиг вершины своего развития. На этом языке в тот период были созданы такие всемирно известные произведения, как «Кутадгу билик» Юсуфа Баласагуни, «Дивану лугат-ит-тюрк» Махмуда Кашгари и др. Древнеуйгурский язык стал тогда общим и для других тюркских народов.

Хамит Тюмур посвятил свою статью «Вспомогательным глаголам и их значениям в уйгурском языке» (стр. 112—147).

Статья Насруллы называется «О периодах развития уйгурского языка» (стр. 148—161). Автор выделяет четыре периода: 1) древний период (до VIII—IX вв.); 2) среднедревний период (IX—XIV вв.); 3) уйгурский язык XIV—XX вв. и 4) современный уйгурский язык. Автор оста-

навливаются на фонетических, лексических и грамматических особенностях языка каждого периода.

Рахматулла Джари в статье «О чагатайском языке» (стр. 162—192) высказывает мнение, что чагатайский язык, ставший литературным языком уйгуров, возник в XIII веке на основе древнеуйгурского языка. В подтверждение этого автор приводит ряд высказываний средневековых авторов, в частности Алишера Навои, Шамсадина Сами и других, а также видных русских и советских тюркологов В. В. Радлова, А. К. Боровкова и др.

В сборнике публикуются также статьи: Вей Суййи «О способах образования новых слов в письменных памятниках уйгурского языка» (стр. 193—209); Абдурешита Сабита «О русско-интернациональной лексике в уйгурском языке и ее правописании» (стр. 210—231), Гиладина Османа «О вокализме в некоторых тюркских языках» (стр. 232—251), Гуляма Гафура «О способах словообразования в уйгурском языке» (стр. 252—268) и Махмуда Заиди «Некоторые образцы древних пословиц и поговорок уйгурского народа» (стр. 269—280). Материалы этого сборника в целом представляют несомненный интерес для тюркологов.

В другом сборнике статей¹⁰, опубликованном в Урумчи в 1984 году, представлены материалы Второй научной конференции по вопросам языков тюркских народов Китая, проходившей в августе 1982 года в округе Нилка. Большая часть из включенных в данный сборник статей посвящена описанию и анализу отдельных морфологических и синтаксических категорий.

Статьи об уйгурском языке и литературе печатаются также в ряде научных и литературно-художественных журналов Автономного района. Это «Шинжаң дашуе илмий журнали. Ижтимаий пән қисми» («Вестник Синьцзянского университета. Серия общественных наук»), «Тарим», «Булак» («Родник»), «Дуния әдәбияти» («Всемирная литература»), «Тәржимиләр» («Переводы»), «Шинжаң сәнъити» («Искусство Синьцзяна»), «Шинжаң мәдәнийити» («Культура Синьцзяна»), «Или дәрияси» («Река Или»), «Қәшқәр әдәбияти» («Кашгарская литература»), «Хотән әдәбияти» («Хотанская литература»), «Қумул әдәбияти» («Кумульская литература»), «Турпан» («Турфан»), «Пән вә турмуш» («Наука и жизнь»), «Мирас» («Наследие») и др.

На страницах этих изданий можно встретить публикации и материалы, имеющие общетюркологическое значение. Так, например, в третьем номере журнала «Тарим» за 1984 год Ибрахимом Мутыи и Мирсултаном Османовым опубликована статья «О родном селении, жизни и могиле Махмуда Кашгари»¹¹. Авторы сообщают, что в связи с подготовкой к изданию третьего тома «Дивану лугат-ит-тюрк» и с целью продолжения поисков биографических сведений о Махмуде Кашгари в декабре 1982 года была организована экспедиция, которая провела повторные исследования в селе Опал близ города Кашгара; группа обследовала также гробницу Хазрата Муллы и другие исторические объекты. Основываясь на высказываниях самого Махмуда Кашгари в «Диване» о том, что Опал и Азык — «названия наших родных селений», а также сопоставляя эти сведения с распространенными в народе легендами и сохранившимися историческими памятниками, группа установила, что «Мазар Хазрати Моллам», находящийся вблизи села Азык и являющийся традиционным местом паломничества уйгуров, является могилой самого Махмуда Кашгари.

Наиболее ценным среди собранных материалов о Махмуде Кашгари является вакуфный документ (вәкипнамә), составленный в «1252 году хиджры (год быка) 14-го дня великого раджаба месяца», то есть при-

мерно сто пятьдесят лет назад. Достоверность его подтверждена экспертизой. В этом документе, представленном жителем Кашгара Имиром Хасаном Кази ахуном, имеются прямые указания на то, что гробница «Хазрати Моллам» в Опале является гробницей Махмуда Кашгари. Впервые публикуется в журнале фотокопия этого документа. Кроме того, в статье приводится ряд дополнительных данных, проливающих свет на некоторые стороны биографии Махмуда Кашгари¹².

Синьцзянские ученые в своих исследованиях главное внимание уделяют изучению истории уйгурского языка и литературы, а также публикации письменных памятников. За последние четыре года в Пекине и Урумчи осуществлено издание таких значительных памятников, как трехтомный труд Махмуда Кашгари «Дивану лугат-ит-тюрк»¹³, «Кутадгу билик» Юсуфа Баласагуни¹⁴, «Хибат-ул хакаик» адипа Ахмеда Югнаки¹⁵, «Огуз-наме»¹⁶, «Образцы уйгурской классической литературы»¹⁷ и др.

В 1984 году в Пекине «Издательство национальностей» («Миллэт-лэр нәшрияти») выпустило в свет уйгурское издание «Кутадгу билик» Юсуфа Баласагуни. Поэма эта была подготовлена к печати Научно-исследовательским институтом литературы национальностей Академии общественных наук СУАР. Над транскрибированием текста работали Абдушукур Турди (ответственный редактор), Абдулла Мухаммади, Махмуд Заиди; поэтическое переложение текста на современный уйгурски́й язык осуществлено Абдуреимом Откуром (ответственный редактор), Ахметом Зияи, Маматимином Юсуфом. На первой странице книги помещен портрет Юсуфа Хас Хаджи́па работы художника Абдукарима Насретдина, три страницы занимают фотокопии трех известных списков «Кутадгу билик»; затем следуют предисловие, обширная вступительная статья и сам текст поэмы.

В предисловии указывается, что в августе 1980 года была создана специальная редколлегия под руководством Амута Иминова, которая приняла решение о подготовке к печати текста поэмы Юсуфа Баласагуни «Кутадгу билик», ее перевода на китайский язык и, наконец, индекса. Решением редколлегии эта задача была возложена на Научно-исследовательский институт литературы национальностей Академии общественных наук СУАР КНР. Коллектив института под руководством специальной группы в составе Маматимина Юсупа, Абдушукура Турди, Абдуреима Откура, Люзишиява подготовил к печати настоящее издание поэмы.

В работе над транскрибированием текста были использованы Венская, Каирская и Ферганская рукописи «Кутадгу билик». В данном издании принят порядок нумерации полного транскрибированного текста поэмы, изданного турецким ученым Решитом Рахмати Аратом в 1947 году.

Для поэтического переложения текста были привлечены критический текст, перевод на турецкий язык «Кутадгу билик» по трем известным рукописям, выполненный Р. Р. Аратом (Анкара, 1952), публикация «Кутадгу билик» узбекского филолога Каюма Каримова (Ташкент, 1972) и другие соответствующие материалы.

Авторы старались строго следовать стихотворному размеру поэмы и порядку строк. Однако в соответствии с требованиями современного стихосложения им пришлось некоторые строки поменять местами. С целью сохранения размера и рифмы в отдельных случаях оставляются древнетюркские слова (без перевода), которые объясняются в примечаниях. Примечания даются в конце книги.

В транскрипции за основу взято число бейтов полного критического

текста «Кутадгу билик», восстановленного Р. Р. Аратом путем сопоставления Венского, Ферганского и Каирского списков.

Для облегчения работы по сопоставлению трех рукописей сохраняются их условные знаки (Венская — А., Ферганская — В., Каирская — С.) и номера страниц каждой рукописи.

В настоящем издании использован тот же транскрипционный принцип, что и в «Дивану лугат-ит-тюрк» Махмуда Кашгари на основе вновь принятой в Синьцзяне латинской графики.

В заключение хочется отметить, что синьцзянские авторы в своих исследованиях широко используют труды русских и советских ученых — В. В. Радлова, С. Е. Малова, А. К. Боровкова, В. М. Насилова, Э. Н. Наджиба, А. Н. Кононова, Н. А. Баскакова, Э. Р. Тенишева, А. М. Щербак, А. Т. Кайдарова, Т. Т. Талипова и др.

Хочется верить, что труды ученых Синьцзяна внесут свою достойную лепту в развитие тюркологической науки.

¹ *Имин Турсун*. Уйгур әдәбий тили вә уини аталгулирини ишләш мәсилилири. Үрүмчи, 1957, 10 август.*

² Э. Р. Тенишев. О диалектах уйгурского языка Синьцзяна. — «Тюркологические исследования». М.—Л., 1963, стр. 136; А. Т. Кайдаров. Развитие современного уйгурского литературного языка. 1. Уйгурские диалекты и диалектная основа литературного языка. Алма-Ата, 1969, стр. 213 и далее.

³ *Йүсүпбек Мухлис*. Уйгур классик әдәбияти кол язмилириниң каталоги, 1 (Үрүмчи), 1957.

⁴ *Бабдукерим Бақи*. Һазирки заман уйғур тили. Үрүмчи, 1983.

⁵ *Нәсрулла*. Һазирки заман уйғур тили. Үрүмчи, 1981.

⁶ *Имин Турсун*. Уйғур тилидин савак. Үрүмчи, 1978.

⁷ *Турди Әхмәт*. Уйғур тили. 1—2 китап. Үрүмчи, 1978.

⁸ «Түркий тиллар тәтқиқати», 2. Милләтләр нәшрияти. Бейжиң, 1983.

⁹ Э. Р. Тенишев. Указ. раб., стр. 146—147.

¹⁰ «Уйғур тили мәсилилири (Түркий тиллар тәтқиқати)», 3. Үрүмчи, 1984.

¹¹ *Ибраһим Мутғий*, *Мирсултан Османов*. Мәһмүт Қәшқәрийниң юрти, һаяти вә мазари тоғрисида. Тарим, 1984, № 3, 9—25-б.

¹² Подробнее об этом см.: Г. Садвакасов. Мәһмүт Қәшқәрий. Түркий тиллар дивани. — «Советская тюркология», 1983, № 5.

¹³ *Мәһмүт Қәшқәрий*. Түркий тиллар дивани. Шинжаң хәлиқ нәшрияти. Үрүмчи, 1 т., 1981; 2 т., 1983; 3 т., 1984.

¹⁴ *Йүсүп хас Һажип*. Кутадғу билик. Милләтләр нәшрияти, Бейжиң, 1984.

¹⁵ *Әдип Әхмәт бинни Мәһмүт Йүгнәкий*. Әтәбәтул һәқайик. Милләтләр нәшрияти, Бейжиң, 1981.

¹⁶ «Қәдимки уйғурларниң тарихи дастанни Оғузнамә», Милләтләр нәшрияти, Бейжиң, 1980.

¹⁷ «Уйғур классик әдәбиятидин нәмуниләр», Шинжаң хәлиқ нәшрияти, Үрүмчи, 1980.

* В сборнике фамилии авторов, названия статей и т. д. напечатаны, естественно, арабским шрифтом. Из-за известных полиграфических трудностей все это дается нами уйгурским шрифтом, основанным на русской графике. (Примечание редакции).

РЕЦЕНЗИИ

«ТУРЕЦКО-РУССКИЙ СЛОВАРЬ (НЕОЛОГИЗМЫ)»

СОСТАВИТЕЛЬ Г. И. АНТЕЛАВА. ИЗД-ВО «МЕЦНИЕРЕБА»,
ТБИЛИСИ, 1985, 167 стр.

Движение за очищение турецкого языка от арабских и персидских лексических и синтаксических заимствований имеет довольно длительную историю¹.

Со времени создания Türk Dil Kurumu — Турецкого Лингвистического общества (ТЛО. Основано 12 июля 1932 г.) так называемое очищение турецкого языка — замещение старых арабо-персидских заимствований развивалось по следующим основным направлениям: I. Актуализация древних турецких (тюркских. — А. К.) слов; II. Введение диалектизмов в литературный и административный язык; III. Создание новых слов морфологическим способом (аффиксация); IV. „Туркизация“ иностранных слов; V. Создание новых слов способом композиции². Таким путем предполагалось создать Öz Türkçe — Истинно турецкий язык.

Наводнение письменно-литературного языка новыми словами, далеко не всегда понятными даже интеллигентным туркам, вызвало появление специальных словарей (например: А. Püsküllüoğlu. 1) Öz Türkçe Sözcükler ve Terimler Sözlüğü. Ankara, 1966; 2) Öz Türkçe Sözlük. Ankara, 1979), с одной стороны, и возникновение оппозиции против «порчи» турецкого языка — с другой. В результате довольно длительного противоборства руководства ТЛО и оппозиции, состоявшей преимущественно из ученых-лингвистов, последняя, поддержанная правительством, победила, в результате чего ТЛО было реорганизовано (11 августа 1983 г.)³.

Интерес и, более того, настоятельная необходимость (в целях преподавания и

переводческой практики) вынудили отечественных тюркологов обратить особое внимание на «новые» слова, лавиной обрушившиеся на читателей турецких газет, журналов и, в меньшей степени, на интересующихся современной художественной и специальной литературой.

Первый «Словарь турецких неологизмов», составленный пионерами турецкой лексикографии в СССР Д. А. Магазаником (1896—1948) и М. С. Михайловым (1896—1969), был издан Московским институтом востоковедения (1921—1954) в 1935 году (Стеклограф).

Затем последовали: «Краткий турецко-русский словарь новых слов». Редактор М. М. Касумов. Тбилиси, 1945; А. А. Федосов. «Турецко-русский словарь новых слов и словосочетаний». Под редакцией М. Х. Зиннатуллина. Около 43 000 слов. М., МГИМО, 1971 (Ротапринт). Турецко-русские и русско-турецкие словари, изданные в Советском Союзе⁴, с большей или меньшей полнотой регистрировали происходившие в последнее пятидесятилетие изменения турецкой лексики; все они были приняты во внимание автором рецензируемого словаря. В этой связи особо следует выделить: «Турецко-русский словарь. 48000 слов» (М., 1977), составленный коллективом авторов. Редакторы: Э. М.-Э. Мустафаев и Л. Н. Старостов [Рецензии: П. И. Кузнецов («Вопросы языкознания», 1979, № 5, стр. 146—151); А. Dubiński. (Przegląd Orientalistyczny, 3(107). Warszawa, 1978, стр. 280—281)], «Турецко-русский военный словарь» Б. М. Хохлова (М., 1968. Около 20000 терминов и фразеологических сочетаний) и «Русско-турецкий словарь. 47000 слов» Э. М.-Э. Мустафаева и В. Г. Щербинина (М., 1972) [Рецензии: П. И. Кузнецов («Советская тюркология», 1973, № 1, стр. 118—120); К. М. Любимов («Народы

¹ А. Н. Кононов. Очерк истории изучения турецкого языка. Л., 1976, стр. 63—85.

² «Краткий турецко-русский словарь „новых“ слов». Составитель Г. И. Антедова. Тбилиси, 1978, стр. 11—20.

³ А. Н. Кононов. Реорганизация Турецкого Лингвистического общества. Новое научное общество в Турции. — «Советская тюркология», 1984, № 3, стр. 75—83.

⁴ Подробнее об этом см.: Р. А. Аганин. Турецкая лексикография в СССР (1917—1977). — «Советская тюркология», 1978, № 3, стр. 80—94.

Азии и Африки», 1974, № 1, стр. 205—208); A. Dilâçar (Türk Dili Araştırmaları Yıllığı. Belleten. 1973—1974. Ankara, стр. 343—344)].

Регистрацией и изучением инноваций в лексике современного турецкого языка многие годы успешно занимается Г. И. Антелав, подготовивший и издавший уже упоминавшийся нами «Краткий турецко-русский словарь „новых“ слов» (Тбилиси, 1978) с полезной вводной статьей «О реформе лексики современного турецкого литературного языка» (стр. 5—20) и «Библиографией» (стр. 21—23), которая, к сожалению, не была включена во второе издание рецензируемого словаря. На первое издание словаря благодарственной рецензией отозвался А. Н. Баскаков («Известия АН Грузинской ССР. Серия литературы и языка», Тбилиси, 1978, № 4, стр. 177—178).

Продолжая и углубляя свои наблюдения над неологизмами современного турецкого литературного языка, Г. И. Антелав подготовил расширенное издание словаря новых слов в турецком языке (Тбилиси, 1985), которому и посвящена настоящая рецензия. Новый словарь содержит 4070 слов и 1314 иллюстраций-контекстов к ним. «Его особенностью, — пишет автор, — является то, что в нем иллюстративный материал извлечен из различных по политическим взглядам и идеологическим направлениям источников, примерно одного и того же хронологического среза...

...В словник вошли возрожденные старые слова и диалектизмы, перешедшие в литературный язык, слова с появившимися у них новыми значениями и собственно новообразования. Поэтому термин «неологизмы», вынесенный в заглавие словаря, условен» (стр. 5—6).

Заглавные «новые» слова, как правило, сопровождаются их «старыми» синонимами, что позволяет яснее представить степень их эквивалентности. Русский перевод за-

главных слов в большинстве случаев снабжен соответствующим иллюстративным материалом с обозначением источника, например: Aday (namzet) кандидат. — Adayın sağlik dırumunun, yurdun her yerinde görev ve yolculuk yapmaya elverişli olmak (Cumhuriyet, 21.1.78).

Неустойчивость и, более того, резкие колебания, неупорядоченность, особенно в сфере общественно-политической лексики, наблюдавшиеся в последние годы, крайне затрудняют отбор этого разряда лексики для включения ее в словарь неологизмов.

В словарь включены некоторые старые слова, осложненные в последние годы новым значением, так, например, слово dolmuş было известно в значении «лодка перевозчика», теперь: «маршрутное такси», «рейсовый катер»; ozan (şair, âşik) первоначально — «народный певец», «ашуг», теперь: «поэт».

Целый ряд слов невозможно с полной определенностью отнести к неологизмам; к ним относятся: dolam, ahi, açıklama, açıklamak, adaç, ağıt, ağıtçı, akım, akmak, aral, bağdamak, benlik, bölge, çağ, çarap, çıkar, deprem, kalan, karma, öykü, sarpa и некоторые другие.

Надо отдать должное трудолюбию Г. И. Антелавы, взявшему на себя добровольное обязательство (отвечающее насущным задачам турецкого языкознания) собрать и выборочно представить новую лексику современного турецкого литературного языка.

Какими бы путями ни пошел дальнейший процесс развития и обогащения турецкой лексики, труд Г. И. Антелавы не потеряет своего значения, так как он является документированной фиксацией определенного этапа ее истории (до начала 80-х годов текущего столетия); в этом одна из сугубо положительных сторон этого труда.

А. Н. Кононов

Дж. БУРАНОВ. СРАВНИТЕЛЬНАЯ ТИПОЛОГИЯ АНГЛИЙСКОГО И ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

ИЗД-ВО «ВЫСШАЯ ШКОЛА», М., 1983, 268 стр.

Интенсивное развитие национальной филологии — языкознания и литературоведения в тюркоязычных республиках СССР обусловило в последнее время разработку ряда теоретических вопросов общего языкознания. К ним относится исследование сравнительной типологии разнотипных язы-

ков, включающее создание сравнительно-сопоставительных грамматик русского и родного языков. Другим этапом сравнительно-типологических исследований, несомненно, является формирование сравнительной типологии тюркских и западноевропейских языков. Это направление языкознания

преследует прежде всего методические цели, связанные с изучением и преподаванием курса сравнительной типологии родного и западноевропейских языков, изучаемых на факультетах иностранных языков вузов национальных республик. Наряду с методикой в таких типологических исследованиях, во-первых, затрагивается ряд научных проблем общей типологии; во-вторых, строй тюркских языков рассматривается через призму строя западноевропейских языков, что позволяет выявить ранее оставшееся незамеченным; в-третьих, освещается вопрос о строе и способе выражения грамматического значения в тюркских языках, характер их агглютинации и «однозначности» аффиксов, как подчеркивают многие исследователи¹, нуждающиеся в детальном изучении, в сравнительно-типологическом сопоставлении с данными флективных языков.

Именно поэтому рецензируемая книга профессора Ташкентского госпединститута иностранных языков Дж. Буранова, задуманная автором как учебное пособие по курсам общей и частной типологии, не может не привлечь к себе внимания исследователей тюркских языков. Книга состоит из двух частей. Первая часть — «Общетеоретические вопросы лингвистической типологии» — включает четыре главы. В ней автор знакомит читателя с общими вопросами лингвистической типологии и с предметом изучения каждого ее раздела, определяет место лингвистической типологии среди научных дисциплин, характеризует методику типологических исследований и т. д. Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает третья глава, содержащая обобщающие сведения о проблемах категоризации в грамматике, об объеме, истории и современном осмыслении понятий «грамматическая категория», «понятийная категория», «функционально-семантическая категория», «лексико-грамматическое поле», «типологическая категория» и др. Рассматриваемые в этой главе вопросы общего языкознания иллюстрированы примерами из узбекского, туркменского, казахского, киргизского, каракалпакского и других тюркских языков. В этой же части автор поднимает ряд вопросов общей типологии, дает им оригинальное толкование.

Вторая часть книги — «Типологические категории, их реализация и межязыковая корреспонденция» — носит характер конкретного типологического исследования ка-

тегории плюральности и языковых средств ее выражения в английском и тюркских языках. Эта часть открывается двумя вводными главами — «Общая характеристика английского и сравниваемых тюркских языков» (глава пятая) и «Некоторые особенности и сходства структуры предложения в английском и тюркских языках» (глава шестая). В первой из них отмечается, что типологически сравниваемые языки не имеют ни генетической, ни ареальной, ни типологической общности и никогда непосредственно не контактировали друг с другом. Поэтому существующие между этими языками отдельные общности — изоморфные явления «можно объяснить двояко: а) как изоморфизм между различными типами языков; б) как изоморфизм, приобретенный в ходе динамического развития» (стр. 174). К первому типу изоморфизма автор относит наличие как синтетизма, так и аналитизма в английском и тюркских языках, а ко второму — развитие агглютинации в английском языке (там же).

Однако следует отметить, что в этой главе слишком подробно освещается генеалогия германских языков, сущность флективности, агглютинативности, изолирования. При этом автор не вполне справедливо, на наш взгляд, считает, что «термины „флективные языки“ и „синтетические языки“ являются синонимами» (стр. 172).

Во второй из названных глав Дж. Буранов затрагивает совершенно не изученный в функциональном отношении вопрос об исходной структуре предложения в тюркских языках. Он отмечает, что исходная структура предложения с переходным и непереходным глаголами в английском и тюркских языках изоморфна в глубинных структурах; из них трехчленные структуры изоморфны только в глубинной структуре, но гетерогенны в поверхностной (тюрк. «подл.+допол.+сказуемое» и англ. «подл.+сказ.+допол.»), двучленные изоморфны как в глубинной, так и в поверхностной структурах (стр. 188—190). К сожалению, обойден вопрос об известном существенном глубинно-структурном различии в предложениях сравниваемых языков. В тюркских языках очень широко распространены односоставные сказуемые предложения с опущенным подлежащим, что несвойственно западноевропейским языкам. Поэтому такие подлежащие предложения (безличные предложения) типа туркм. *Музее шу ёл билен барылар* 'К музею идут/можно идти по этой дороге' толкуются, как нам представляется, не вполне верно; автор считает, что здесь «в роли подлежащего выступает существительное в дательном или направительном падеже» (стр. 187). Однако вопрос о глубинной структуре тюркских предложений, их исходных (ядерных) конструкциях пока не изучен и ждет своего решения.

Последняя—седьмая—глава работы «Типологическая категория множественности»

¹ См.: А. Н. Кононов. О фузии в тюркских языках. — В сб.: «Структура и история тюркских языков». М., 1971; статьи А. А. Реформатского, О. П. Суника, А. В. Десницкой, А. К. Боровкова в сборнике «Морфологическая типология и проблема классификации языков». Л., 1955; Х. Г. Нигматов. О характере грамматического значения тюркских форм и категорий. — «Советская тюркология», 1980, № 6.

открывается предварительным определением понятия множественности, под которым автор понимает «взаимную оппозицию единичности и множественности как по внутренней семантике, так и по внешним формальным признакам» (стр. 191). С этой точки зрения множественность в сравнительно-типологическом аспекте исследуется на морфологическом, лексическом и синтаксическом уровнях. На морфологическом уровне противопоставляются формы единственного и множественного числа, на синтаксическом уровне — конструкции со значением единичности и множественности, а на лексическом уровне слова со значением единичности и множественности (стр. 196).

Сопоставляя межязыковые соответствия выражения множественности на морфологическом уровне в сравниваемых языках, автор приходит к выводу о том, что «образование множественного числа при помощи оппозиции немаркированных форм единственного и маркированных форм множественного числа является основным и общим типом как для английского, так и для сравниваемых тюркских языков. Типологическое схождение можно определить следующим образом: способ присоединения английской аффиксальной морфемы [-e)s] и тюркского суффикса [-лар] является агглютинативным. На этой основе между системами сравниваемых языков происходит системное сближение при выражении конкретной категории множественного числа» (стр. 200). Наряду с этой типологической общностью отмечаются и существенные различия в морфологической категории числа между английским и тюркскими языками, обусловленные наличием в английском языке внутренней флексии, возможности присоединения суффикса множественности к модифицирующим словам, а также особенностями образования формы множественного числа у местоимений и глаголов (стр. 206—210).

В тюркологической традиции число, выражение единичности-множественности, как правило, исследуются в пределах морфологической категории числа, и выражение количественных значений в лексико-семантической и синтаксической подсистемах языка

до сих пор не было предметом специального изучения. Дж. Буранов в своей работе выделяет эти вопросы. Исследуя особенности лексико-семантического способа обозначения множественности, он отмечает, что «лексические единицы, выражающие множественность, можно классифицировать: 1) по структуре; 2) по отношению к различным лексико-грамматическим разрядам слов; 3) по семантике» (стр. 211). Затем дается их подробная классификация по этим признакам, выявляется семантическая и словообразовательная специфика выражения множественности в английском и тюркских языках у имен существительных, прилагательных, числительных, глаголов, наречий, союзов и предлогов, а также у нумеративов, находятся точки типологического схождения и расхождения между этими языками.

В заключительном разделе «Межязыковые соответствия множественности на синтаксическом уровне» анализируются различные модели сочетаний, один из членов которых имеет отношение к выражению множественности и служит ее показателем (стр. 235—236). Типологический изоморфизм между сравниваемыми языками на синтаксическом уровне отмечается и в сочетаниях типа «количественные определители + имя существительное в единственном числе» (стр. 204).

Исследуя взаимоотношения различных способов выражения множественности в пределах внутренних систем английского и тюркских языков, автор приходит к выводу о том, что рассматриваемые основные способы передачи категории множественности в английском языке взаимообусловлены, а в тюркских языках в основном взаимноисключают друг друга.

Книга содержит обстоятельный предметный указатель и библиографию.

Монография Дж. Буранова не только знакомит читателя с новейшими достижениями сравнительной типологии, но и, несомненно, способствует дальнейшему развитию исследований в этой отрасли языкознания.

Х. Г. Нигматов, А. Нурманов,
Э. Дадаходжаев

Е. И. МАШТАКОВА. ТУРЕЦКАЯ ЛИТЕРАТУРА КОНЦА XVII—НАЧАЛА XIX в.

ИЗД-ВО «НАУКА», МОСКВА, 1984, 204 стр.

Мировое и советское востоковедение уделяет большое внимание изучению истории турецкой литературы. Существует целый ряд работ, посвященных сравнительно-сопо-

ставительному исследованию турецкой литературы, закономерностям развития отдельных ее этапов. Однако типология переходного периода в истории литературы Тур-

ции до последнего времени не была достаточно полно освещена. Выход в свет рецензируемой монографии Е. И. Маштаковой восполняет этот пробел.

Е. И. Маштакова анализирует наиболее значительные произведения турецкой литературы XVII—XIX веков, подробно останавливаясь на исторических предпосылках, обусловивших их появление. Свои теоретические выводы, связанные с проблемой отражения в литературе социально-исторических перемен в жизни Турции указанного периода, Е. И. Маштакова обосновывает идейно-художественным анализом отдельных произведений, рассматривая их как звенья единого литературного процесса. Ею исследуется творчество видных турецких писателей — Белига, Васыфа Эндерунлу, Иззета Моллы, Сабита, Недима, Али Азиза, Наими, Ибрагима Мутеферрика, Ахмеда Ресми. На этом материале автором прослеживается деструкция средневековой литературной традиции и зарождение новых тенденций в развитии литературы.

Значительное место в работе уделяется проблеме преемственности и новаторства, связям письменной литературы с фольклором, предпосылкам формирования турецкой национальной литературы. Обстоятельно освещаются специфические особенности турецкой литературы этого периода, отмечается характерная для произведений этой поры мозаичность: сочетание средневековых элементов с новыми тенденциями, обусловленными историческим развитием и социальными переменами (стр. 31).

Заслуживают внимания выводы автора о своеобразном накоплении в литературе Турции переходного периода новых качественных изменений. Е. И. Маштакова отмечает, что эти новые явления возникли в результате развития преднациональных по своему характеру традиций, которые со временем органически слились с инациональными, в частности с европейскими литературными традициями. Тенденция ангиноформности является одной из главных особенностей литературного процесса этого времени. Анализируя такие сочинения, как «Книга сапожника», «Книга портного», «Книга банщика» и «Книга парикмахера» Белига, «Город добра» поэта Наби, «Страдания в Кешане» Кечеджизаде Иззета Моллы, «Фантазия» Али Азиза, Е. И. Маштакова приходит к выводу, что в переходный период заметно расширяется тематический диапазон литературы, последняя становится ближе к жизни, захватывает новые социальные пласты общества, отражает пробуждение социального сознания. Происходит также демократизация литературы: «людям ремесла», героям «низов» общества в художественных произведениях уделяется все больше внимания.

Широко освещается в монографии проблема литературного героя. Убедительные наблюдения автора, касающиеся некоторых качественных изменений в изображении ли-

тературных персонажей. Герой литературного произведения — это живой человек с индивидуальной манерой поведения и мышления. Психологическая углубленность образа характерна для произведений таких писателей, как Белиг, Васыф Эндерунлу, Наби, Иззет Молла. Характерной особенностью литературы переходного периода является конкретизация бытовой среды, изображение реальной жизни Турции во всем ее многообразии. При сохранении основ традиционной поэтики и системы средневековых поэтических жанров происходит процесс их трансформации. Старые жанровые рамки уже не вмещают новый материал, возникает необходимость в расширении границ и функций литературных форм. Системы письменных и устных жанров дополняют друг друга, на стыке их иногда возникают новые жанровые разновидности.

Интересны замечания автора о тематике прозы переходного периода, о специфике так называемой «деловой» прозы (историография), сефаретнаме (посольская книга), публицистики. Привлекая к исследованию ряд материалов («Историю» Наими, посольскую книгу Мехмеда Челеби, публицистические произведения Ибрагима Мутеферрика и Ахмеда Ресми), автор приходит к выводу, что главным процессом, с точки зрения дальнейшего развития турецкой литературы, следует считать нарастание беллетризации «деловой» прозы. Для переходного периода характерно взаимопроникновение различных стиливых пластов деловой прозы, публицистики и художественной прозы, иными словами, «высокой» прозы и прозы «сниженного стиля». В работе рассматриваются роль и значение художественной детализации, драматизации и психологической мотивировки в «Истории» Наими, публицистике Мутеферрика и Ахмеда Ресми. Часть монографии посвящена турецко-европейским культурным контактам в изучаемый период, турецким переводам произведений французской драматургии, первым турецким пьесам, написанным под влиянием европейской драматургии. В заключение автором выдвигается тезис о том, что литература XVII—XIX веков явилась как бы предысторией турецкого просветительства.

Решая отдельные проблемы и излагая свою точку зрения, автор аргументированно полемизирует с учеными, суждения которых ей представляются малообоснованными. С убедительными доводами она отстаивает свое мнение в споре с такими авторами, как Ф. Тансель, А. Бомбачи, К. Акьюз, А. Тице.

Монография отвечает всем самым высоким современным научным требованиям, отличается богатством материала и использованием источников.

Вместе с тем имеется ряд вопросов, не получивших в работе исчерпывающего решения. Так, например, можно не согласиться с утверждением автора, что средневековая турецкая литература была расчи-

тана на «верхушку» общества (стр. 43). Недостаточно убедительным кажется нам мнение автора о канонизированности и условности в целом изображения природы в литературах Ближнего Востока периода средневековья (стр. 68). Достаточно напомнить, например, что в творчестве выдающихся представителей литературы этого региона (например, Низами Гянджеви, Навои, Физули) природа изображается отнюдь не «ирреально», напротив, она часто является средством раскрытия психологического состояния героев, их переживаний,

душевного смятения, то есть средством психологической характеристики и раскрытия внутреннего мира героя. Разумеется, сказанное несколько не снижает отмеченных выше достоинств исследования. Работа Е. И. Маштаковой дает полное представление о турецкой литературе и литературном процессе в Турции конца XVII—начала XIX века, что является главным в определении ее ценности и значения.

А. Рустамова

А. Г. ШАЙХУЛОВ. ТАТАРСКИЕ И БАШКИРСКИЕ ЛИЧНЫЕ ИМЕНА ТЮРКСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

ИЗДАНИЕ БАШКИРСКОГО ГОСУНИВЕРСИТЕТА, УФА, 1983, 72 стр.

Рецензируемое учебное пособие посвящено «выявлению общих и отличительных черт в древних антропонимических системах» (стр. 3) близкородственных башкирского и татарского народов. Объектом исследования служат, как утверждает автор, «татарские и башкирские антропонимы тюркского происхождения, бывшие в употреблении, а также отчасти употребляющиеся и сегодня у указанных народов» (там же).

Книга состоит из предисловия, введения, двух глав, заключения и приложения — «Списка древнетатарских и древнебашкирских личных имен тюркского происхождения».

На наш взгляд, не все положения, выдвинутые автором в предисловии (стр. 3—4), правомерны. Так, обосновывая выбор темы работы, А. Г. Шайхулов пишет: «Выбор данной темы — „Татарские и башкирские личные имена тюркского происхождения“ — объясняется неразработанностью антропонимической системы этих народов» (стр. 3). И далее утверждает, что до сих пор «не был составлен даже более или менее полный перечень их личных имен...». Упоминая с оговорками работы некоторых башкирских и татарских ученых, автор пишет, что «башкирская и татарская антропонимические системы до последнего времени не получили своего теоретического обобщения».

Следует, однако, заметить, что имеется целый ряд исследований в области ономастики и, в частности, антропонимики башкир и татар. Это, во-первых, «Древнебашкирские антропонимы» Т. Х. Кусимовой (автор. канд. дисс.; Уфа, 1975) и ее же справочное пособие «Башкирские имена», выдержавшее уже два издания (Уфа, 1976;

Уфа, 1982), и, во-вторых, «Антропотопонимия Татарской АССР» (Казань, 1973) и «Татар исемнәре сүзлеге» (Казань, 1981) Г. Ф. Саттарова и др.

Во введении А. Г. Шайхулов, приводя мнения ученых о наличии или отсутствии семантики у имен собственных, подчеркивает, что ни одно из них не дает оснований для лексико-семантической группировки собственных имен. Дело здесь, видимо, в том, что при лексико-тематической или лексико-семантической характеристике ономастики на классифицируются не собственно ономастические значения (несомненно, имеющиеся у собственных имен), а значения тех элементов, которые образуют собственное имя. То есть учитываются дономастические значения последних. В ономастике славянских и финно-угорских языков, например, значение «камень» антропонима *Петр* обычно не исследуется, а в тюркских языках антропоним *Алмаз* 'алмаз' при классификации, как правило, включается в группу имен, образованных от названий драгоценных камней. В книге В. Э. Сталтмане «Латышская антропонимия. Фамилии» (М., 1981) наряду с другими анализируются лексические значения основ, образующих фамилии, а антропонимические основы классифицируются по их общему значению. Такая классификация приемлема и для исследования антропонимики тюркских языков.

В первой главе рецензируемого пособия в древнем антропонимиконе башкирского и татарского языков выделяются три больших лексико-тематических разряда: меморативы, дескриптивы и дезидеративы. Каждый из них в свою очередь делится на подгруппы. Подобная классификация, безус-

ловно, оправдана, ибо она охватывает весь антропонимикон исследуемого периода. Однако автору следовало указать на то, что такой принцип в свое время был разработан известным тюркологом Л. Рашоным.

Вторая глава посвящена анализу башкирских и татарских антропонимов в структурно-типологическом отношении. В ней автором охарактеризована фонетическая структура антропонимов, разделяющихся на простые и сложные. Каждый из этих типов подробно описан и иллюстрирован, однако при этом допущен ряд неточностей. Так, этимологически разные антропонимы возводятся к одному этимону, например: *Байкош* 'богатый+птица' и *Байкаш* 'богатый+бровь'; *Кошкар* 'баран-производитель' и *Кашкар* 'волк, собака' (стр. 31).

А. Г. Шайхулов полагает, что сложные антропонимы возникают из словосочетаний, основанных на примыкании, управлении и согласовании (стр. 38). При таком понимании подразумевается переход словосочетаний указанных типов в антропонимы. Например, антропонимы типа *Айтимер*, *Алтынбай*, *Буранкол* и другие возникают из словосочетаний *ай тимер*, *алтын бай*, *буран кол*, которые, однако, не функционируют ни в башкирском, ни в татарском языках. Антропонимы, схожие по своей структуре с аналогичными аппелятивными словосочетаниями, автор выводит из этих последних, что, по нашему мнению, не соответствует характеру антропонимического словообразования (стр. 37—38).

Автор при структурной характеристике антропонимов, следуя классификации Г. Ф. Саттарова, делит сложные имена на отыменные и отглагольные, что правильно отражает типологию личных имен башкирского и татарского языков. Однако в подразделе отыменных антропонимов (стр. 39—40) им рассматриваются отглагольные имена типа *Колбирде* 'раба дал', *Бәкбирде* 'бека дал', *Туйбирде* 'свадьба дала' (переводы А. Г. Шайхулова), с чем, на наш взгляд, согласиться нельзя.

Во многих случаях не совсем верно и не с должной тщательностью производится автором текстологическая обработка используемого им материала. Вот некоторые примеры: в источнике *Балғабаш* — в пособии *Болғабаш*, в источнике и в пособии *Барангул* — а в действительности *Борангул*, в пособии *Айсаф* — в источнике *Аусаф*, в источнике *Акхужа* — в пособии *Ыкхужа*. Иногда несуществующие антропонимы выдаются за действительные: *Бахта*, *Дөйәгош*, *Иәзүкйорк*, *Инэй*, *Йәшәсен*, *Көз*, *Кушаяк* и др.

Для многих антропонимов А. Г. Шайхулов мог бы, как нам представляется, привести более убедительные этимологии. Так, антропоним *Яркәй* можно возвести к персидскому *йар/йәр* 'душа, возлюбленная'+аф. *-кәй*, а не только к древнетюркскому *ярк* 'солнце'+аф. *-әй*. К тому же нельзя исключать возможность образования имени

путем усечения его полной формы, что широко распространено в антропонимии.

Не убеждает приведенная этимология антропонима *Черек* 'гнилой', ибо в татарском и башкирском языках есть более правомерная этимология, например, *серек* 'богатый'. Имя *Имән* А. Г. Шайхулов считает образованным от *имән* 'дуб', в то время как оно восходит к основе *имән/иман* 'верный (религии, исламу)'. *Карасай* — может иметь несколько этимологий: 1) от *караса* 'октябрь'+аф. *-ай*; 2) от гидронима *Карасай* 'черная речка' и 3) от названия масти лошади (версия А. Г. Шайхулова). По мнению А. Г. Шайхулова, антропоним *Жилаер* имел значение 'ветер+раздели', хотя *Жилаир* известен как гидроним и этноним. Имя *Алдар*, как считает автор, имеет семантику 'обманет, обманщик', а по мнению В. А. Никонова оно означает 'славный', что является более вероятным. *Канбирде* означает не 'кровь+дал', как полагает А. Г. Шайхулов, а состоит из слова *кан* в значении 'хан'+*бирде* 'дал'. В основу антропонима *Кусәк* положено слово *кусәк* в значении 'кочующий', а не другое слово *кусәк* со значением 'дубина'. Когда для антропонима *Талмас* приводится значение 'не устанет', то другой смысл его, например 'переводчик', должен аргументировано отвергаться. Антропоним *Чуракай* (*Суракай*) возник не от названия рыбы, как считает автор, а от слова *чура* (*сура*) 'джигит, друг, молодец, смелый, герой, сын богатыря'+аф. *-кай*.

Нельзя считать доказанным, что антропонимы, в основе которых лежат названия животных, птиц, рыб и т. п., являются отражением некогда существовавшего культа животных, птиц и рыб. Скорее всего они связаны с общественно-экономическим укладом жизни древних башкир и татар, на что указывает и сам автор (стр. 18).

Автор приводит мнение Т. М. Гарипова относительно продуктивности словообразовательных аффиксов *-лы*, *-ле*, *-сыз*, *-сез* и др. (стр. 37). При этом он не учитывает того, что данное высказывание относится только к аппелятивной лексике. Вследствие этого А. Г. Шайхулов приходит к неверному выводу о том, что в образовании антропонимов якобы преобладает морфологический способ, то есть аффиксация (стр. 45). Результаты последних исследований показывают, что ведущим способом в области образования собственных имен является не аффиксация, а основосложение.

Нельзя считать оправданным и то, что под антропонимами тюркского происхождения автор подразумевает личные имена как арабского и персидского, так и финно-угорского происхождения. Примерно двадцать-двадцать пять процентов именика, приведенного А. Г. Шайхуловым, имеет арабское, персидское, финно-угорское, но отнюдь не тюркское происхождение. Например, к антропонимам арабского и персидского происхождения относятся: *Акыл* (здесь мы

не приводим другие антропонимы, содержащиеся в своем составе данный компонент), Аллакол, Аликез, Аллажанкол, Базаркол, Байрамгужа, Балатай, Дәрмән-бай, Исламкол и др.

А. Г. Шайхулов фонетические варианты одного и того же антропонима считает разными антропонимическими единицами, например: Байтерэк — Байтирэк, Байсора — Байсура — Байсөрә — Байчура, Исламкол — Исламкул — Истамкол — Истамкул, Имбәт — Өмбәт и др.

Усеченные формы антропонимов также даются им как самостоятельные единицы, в частности — Бәйрәс и Бәйрәмбикә и др.

Не совсем оправдан и подбор анализируемого антропонимикона. На стр. 13 приводится антропоним Этигәр 'собака+размножать'. В подобных интерпретациях ан-

тропонимов следовало бы указывать, в каком языке или каком источнике имеется слово *изәр* со значением «размножать». К тому же в учебном пособии вряд ли уместно приводить такие примеры.

В рецензируемой работе не нашло должного освещения национальное и языковое своеобразие личных имен башкир. В результате в фонетическом отношении они во многих случаях оказались идентичными татарским, что, конечно, научно не может быть оправдано.

В заключение хочется подчеркнуть, что рецензируемое издание во многом выиграло бы, если бы было свободно от указанных выше недостатков.

А. А. Камалов, Р. З. Шакуров

PERSONALIA

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ БАСКАКОВ

(К восьмидесятилетию со дня рождения)

Исполнилось восемьдесят лет со дня рождения видного советского тюрколога, доктора филологических наук, профессора Николая Александровича Баскакова.

Н. А. Баскаков родился 22 марта 1905 года в городе Сольвычегорске, бывшей Вологодской губернии. По окончании средней школы он поступает в Грязовецкое педагогическое училище и через год переводится в Ленинградский педагогический техникум им. Ушинского. В 1925 году, по окончании педтехникума, Н. А. Баскаков направляется в 1 Московский университет на этнологический факультет (этнографическое отделение, тюркский разряд), который оканчивает в 1929 году.

В 1930 году Н. А. Баскаков командировается в Каракалпакскую АССР в гор. Турт-

куль, где работает сначала в облоно в качестве научного сотрудника, а после организации в 1931 году Комплексного научно-исследовательского института заведует его этнолого-лингвистической секцией, в которой была сосредоточена в то время вся работа по изучению каракалпакского языка и этнографии каракалпачков.

В 1931 году Н. А. Баскаков возвращается в Москву и работает в качестве научного сотрудника Научно-исследовательской ассоциации по изучению национальных и колониальных проблем при Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ) и одновременно доцента последнего. В 1932 году Н. А. Баскакова приглашают на должность старшего научного сотрудника в Научно-исследовательский институт национальностей, а в 1933 году — во Всесоюзный центральный комитет нового алфавита при ЦИК СССР. В 1937 году, в связи с ликвидацией этого комитета, Н. А. Баскаков был переведен на работу в Научно-исследовательский институт языка и письменности, реорганизованный в 1944 году в Институт языка и мышления, а в 1950 году — в Институт языкознания АН СССР, в котором ученый работает по сей день.

В 1941 году Н. А. Баскаков вступил добровольцем в Киевскую дивизию народного ополчения, но вскоре был отозван президентом АН СССР и командирован в Горно-Алтайскую автономную область для оказания научной помощи по изучению алтайского языка. Здесь Н. А. Баскаков участвует в организации Научной комиссии по языку и литературе, а также алтайского отделения Московского государственного педагогического института им. К. Либкнехта, эвакуированного в Горно-Алтайск, а в 1943 году переведенного в Москву и слившегося с Московским педагогическим институтом им. В. И. Ленина. С 1943 года Н. А. Баскаков продолжает работать в Институте язы-

ка и письменности и в МГПИ им. В. И. Ленина в качестве заведующего кафедрой алтайского языка и литературы.

Интенсивная полевая работа, постоянные контакты с носителями тюркских языков, непосредственное знакомство со многими тюркскими языками в их живом функционировании способствовали тому, что научные интересы Н. А. Баскакова, начинавшего свою исследовательскую деятельность в качестве этнографа, решительно определяются и навсегда связываются с изучением живых тюркских языков и их диалектов, преимущественно малозученных или неизучавшихся. В апреле 1926 года деканат факультета и Этнографо-археологический музей МГУ по инициативе и при содействии профессоров А. Н. Максимова и В. К. Трутковского направляют Н. А. Баскакова в Каракалпакскую автономную область на пять месяцев для изучения языка и быта каракалпачков. Результаты полевой работы были изложены Н. А. Баскаковым в первой его научной работе «Этнографические очерки каракалпачков» (закончена в 1927 году). В 1928 году Н. А. Баскаков командирован университетом в Хиву и Каракалпакскую автономную область с этнографическими и фольклорными заданиями. По приглашению Казахского представительства в Москве Н. А. Баскаков выезжает в Казахстан, где собирает материал, в частности по языку и фольклору уйгуров. Студенческая работа Н. А. Баскакова «Язык присысккульских уйгуров», включающая помимо фольклорных текстов и глоссария к ним также краткую характеристику фонетики и морфологии языка уйгуров, была издана в 1978 году (Алма-Ата). В 1929 г. по приглашению Центрального музея народоведения Н. А. Баскаков участвует в работе Хивинской экспедиции.

В 1930 году Н. А. Баскаков участвует в качестве руководителя отряда в работе лингвистической экспедиции по изучению языка северных районов Каракалпакской автономной области, организованной С. Е. Маловым. Результаты работы, проведенной в этой экспедиции, были обобщены Н. А. Баскаковым в его «Краткой грамматике каракалпачского языка», изданной в Турткуле в 1932 году. Экспедиции 1935, 1936, 1938 и 1945 годов в Каракалпакскую АССР преследовали преимущественно языковедческие цели и дали богатейший материал, который лег в основу докторской диссертации Н. А. Баскакова «Части речи и словообразование в каракалпачском языке», завершённой в 1950 году (ученая степень кандидата филологических наук была присуждена ему в 1938 году без защиты диссертации), и капитальной монографии «Каракалпачский язык», вышедшей в двух книгах: I. «Материалы по диалектологии (тексты и словарь)» (М., 1951), II. «Фонетика и морфология» (М., 1952). Следует сказать, что материалы по диалектологии, представленные как в этой монографии, так и в других публикациях Н. А. Баскакова, могут быть

использованы также исследователями фольклора тюркских народов — здесь читатель найдет образцы всех основных жанров народного творчества: заговоры, заклинания, культовые песнопения, колыбельные песни, детские песни, песни девушек и джигитов, свадебные песни, песни дружеские, лирические, любовные, шуточные, сатирические, сказки, двустипия, пословицы и поговорки, скороговорки, насмешки, исторические песни, исторические сказания, легенды, героические поэмы, былины и т. д.

До Великой Отечественной войны редкий год не был отмечен поездкой Н. А. Баскакова в Каракалпакию или Ойротскую АО, в Казахстан или Киргизию, к ногаям Дагестана и Северного Кавказа. Пребывание в Горно-Алтайской АО в 1941—1943 годах также было использовано Н. А. Баскаковым для сбора диалектологического материала по алтайскому языку. Результатом этой работы явились научные статьи, обстоятельные монографии, вводящие в научный обиход обширный свежий материал по многим тюркским языкам и диалектам. Здесь можно упомянуть монографию «Ногайский язык и его диалекты. Грамматика, тексты и словарь» (1940), статью «Диалекты алтайского языка» (1956), монографию «Алтайский язык» (1958) и, наконец, многолетнюю серию монографий «Северные диалекты алтайского языка», первый том которой [«Диалект черневых татар (тубакижи). Тексты и переводы»] вышел в свет в 1965 году. Очередной том серии — «Диалект лебединских татар-чалканцев (куу-кижи). Грамматический очерк, тексты, перевод, словарь» готовится к печати в издательстве «Наука». Автором намечается издание серии очерков, посвященных также южным диалектам алтайского языка.

В процессе изучения живых тюркских языков у Н. А. Баскакова сложилась оригинальная система взглядов на их грамматическую природу, которая нашла отражение в его многочисленных публикациях по частным вопросам тюркской грамматики, а также в масштабных обобщающих трудах, из которых прежде всего следует упомянуть «Тюркские языки» (1960) и «Введение в изучение тюркских языков» (1962).

В работе «Классификация тюркских языков в связи с периодизацией их развития и формирования» (1952) Н. А. Баскаков отстаивает точку зрения, согласно которой классификация языков должна быть построена прежде всего на основе изучения исторического процесса развития тюркских языков в связи с историей народов — их носителей, с учетом всего грамматического строя тюркских языков и их словарного состава, предлагает единственную в своем роде классификационную схему. В настоящее время Н. А. Баскаков работает над серией исследований под общим названием «Историко-типологическая характеристика структуры тюркских языков» (вышли из печати два первых тома, посвященных словосочетанию и предложению, а также мор-

фологической структуре слова; завершается историко-типологическая фонология тюркских языков). В этой работе решается задача «дать общую характеристику типологических черт тюркских языков как языков определенного типа, имеющих как общие для всех языков универсальные категории, так и свои специфические черты, и установить на базе изучения хронологической последовательности явлений развитие характерной для всех тюркских языков единой структуры».

Говоря о многогранной деятельности Н. А. Баскакова, нельзя не упомянуть об активном его участии в культурном строительстве, в частности его участие в разработке алфавитов и орфографий для тюркских языков, участие в выработке методических рекомендаций и учебных пособий для национальных школ, создание (в соавторстве с другими учеными) ряда национально-русских и русско-национальных словарей (упомянем словари уйгурско-русский, русско-уйгурский, каракалпакско-русский, русско-каракалпакский, ойротско-русский, хакасско-русский). Ряд словарей вышел под редакцией Н. А. Баскакова.

Научную работу Н. А. Баскаков совмещает с активной преподавательской деятельностью и подготовкой специалистов-тюркологов.

Н. А. Баскаков ведет также большую научно-организационную и общественную ра-

боту. Он — председатель Постоянной консультативно-методической комиссии по оказанию помощи вузам и школам, член Советского комитета тюркологов, член экспертной комиссии Комитета по Ленинским и Государственным премиям, член редколлегии журнала «Советская тюркология», заместитель председателя Научного совета по закономерностям развития языков социалистических наций.

Научные заслуги Н. А. Баскакова получили широкое признание в стране и за рубежом. Он является заслуженным деятелем науки РСФСР, Туркменской и Казахской ССР, Каракалпакской АССР, почетным членом Королевского азиатского общества Великобритании и Ирландии, Турецкого лингвистического общества, Международного Урало-Алтайского общества (г. Гамбург), Научного общества польских ориенталистов, Научного общества венгерских ориенталистов, членом-корреспондентом Финно-угорского общества (г. Хельсинки).

И сегодня Николай Александрович Баскаков деятелем как всегда. В связи с его восьмидесятилетием хочется пожелать юбиляру крепкого здоровья и многих лет творческой активности на благо советской науки.

Е. А. Поцелуевский,
Э. Р. Тенишев

АЗИЗ ШАРИФ

(К девяностолетию со дня рождения)

Исполнилось девяносто лет заслуженному деятелю науки Азербайджанской ССР, доктору филологических наук, профессору Азизу Шарифу (Азизу Алиевичу Шарифову).

Азиз Шариф родился в городе Нахичевани (Азербайджанская ССР) 28 марта 1895 года в семье служащего.

А. Шариф окончил гимназию и коммерческое училище в Тифлисе, а в дальнейшем учился в Московском коммерческом институте.

В годы учебы в Тифлисе А. Шариф жил в доме известного азербайджанского писателя и революционного демократа, основателя и издателя знаменитого журнала «Молла Насреддин» Джагила Мамедкулизаде, оказавшего большое влияние на формирование и развитие мировоззрения юноши.

После установления Советской власти в Закавказье А. Шариф работал заместителем председателя Тифлисского комитета нового

(латинского) тюркского алфавита, консультантом по организационным, правовым и социально-культурным вопросам в Закавказском ЦИКе и Совнаркоме ЗСФСР (1925—1935), редактором в Закавказском ГИЗе и Азербайджанском государственном издательстве («Азернешр»), заведовал литературным отделом республиканской газеты «Бакинский рабочий».

В годы Великой Отечественной войны А. Шариф оканчивает заочное отделение Московского литературного института им. А. М. Горького и читает лекции по истории русской литературы в Тбилисском государственном педагогическом институте им. А. С. Пушкина.

В 1947 году А. Шариф защищает кандидатскую диссертацию «Драматургия Абдуррагимбека Ахвердова». С 1950 года он — старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького, а затем — Института востоковедения Академии наук СССР.

В 1957 году А. Шарифу была присуждена докторская степень за диссертацию «Жизнь и творчество Джалила Мамедкулизаде», а в 1962 году ему было присвоено ученое звание профессора.

В 1960—1963 гг. А. Шариф заведует кафедрой литературы народов СССР, а с 1963 года по настоящее время является профессором кафедры советской литературы МГУ им. М. В. Ломоносова. С 1965 года он читает также лекции по истории литератур народов Закавказья в Университете Дружбы народов им. Патриса Лумумбы.

Начав свою литературно-критическую и переводческую деятельность еще до революции, А. Шариф в советское время стал одним из видных исследователей и пропагандистов азербайджанской литературы. Его перу принадлежит около двухсот статей, литературных портретов, критико-биографических очерков и других научных работ по вопросам азербайджанской дореволюционной и советской литературы.

Большой научный интерес представляют его работы, посвященные классикам азербайджанской литературы XVIII, XIX и начала XX веков. Опубликованные на азербайджанском и русском языках, эти работы раскрывают с позиций марксистско-ленинской эстетики значение творчества каждого из классиков и определяют место, занимаемое ими в общем литературном процессе. Особо следует выделить его монографию «Рождение Моллы Насреддина», подробно освещающую жизненный путь

Дж. Мамедкулизаде до 1907 года; в ней характеризуются общественно-политические и литературные факторы, сыгравшие определяющую роль в формировании и развитии мировоззрения писателя, анализируется идейно-художественное содержание его произведений и прослеживается борьба за создание сатирического журнала «Молла Насреддин».

Высокой оценки заслуживает работа А. Шарифа и в области художественного перевода. Им были переведены на русский язык комедии и повесть «Обманутые звезды» М. Ф. Ахундова, пьесы, рассказы, фелетоны Дж. Мамедкулизаде, а также многие другие произведения классиков и современных писателей Азербайджана. Немало сделано А. Шарифом и в области перевода на азербайджанский язык произведений русских классиков и современных писателей, в том числе Н. В. Гоголя, А. Н. Островского, М. Горького, А. Фадеева, К. Симонова.

В последние годы А. Шариф издал два объемистых мемуарных произведения — «Прошедшие годы» и «Я и отец мой», в которых описываются его встречи с видными представителями азербайджанской литературы и культуры, приводятся интересные сведения о важных событиях в литературной, культурной и общественной жизни Азербайджана.

Большие заслуги принадлежат А. Шарифу также и в области подготовки высококвалифицированных кадров филологов. Под его руководством защищено около двадцати кандидатских диссертаций.

А. Шариф успешно сочетает научную работу с общественной: он член ученых советов филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова и Института востоковедения Академии наук СССР (филологическая секция), в 1962 году был избран председателем Координационной комиссии Научно-технического совета Министерства высшего и среднего специального образования СССР по проблеме «Взаимосвязи литератур народов СССР и зарубежных стран».

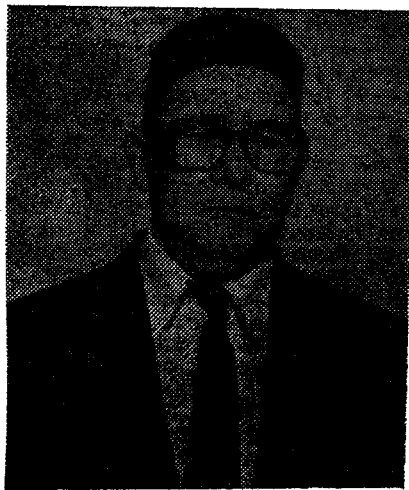
Азиз Шариф — член Союза писателей СССР со времени его образования, заслуженный деятель науки Азербайджанской ССР.

Многочисленные друзья, коллеги и ученики Азиза Шарифа горячо поздравляют его с девяностолетием, желают ему здоровья, долгих лет жизни и новых успехов в его педагогической и научной деятельности.

Н. Дж. Мамедов

ШОРА ШАМГАЛИЕВИЧ САРЫБАЕВ

(К шестидесятилетию со дня рождения)

Исполнилось шестьдесят лет заместителю директора Института языкознания Академии наук Казахской ССР, члену-корреспонденту Академии наук Казахской ССР, доктору филологических наук, профессору Шоре Шамгалиевичу Сарыбаеву.

Ш. Ш. Сарыбаев родился 2 марта 1925 года в Ташкенте. После окончания в 1950 году филологического факультета Казахского государственного университета, а затем аспирантуры он в 1954 году защитил кандидатскую диссертацию «Междометие в казахском языке». Тогда же он возглавил отдел истории и диалектологии Института языка и литературы Академии наук Казахской ССР. С 1961 года по настоящее время он руководит отделом диалектологии Института языкознания республиканской Академии наук. В 1979 году Ш. Ш. Сарыбаев назначается на должность заместителя директора этого института. В 1974 году Ш. Ш. Сарыбаев защитил докторскую диссертацию «Проблемы казахской региональной лексикографии». В 1979 году ему присваивается звание профессора, а в 1983 году он избирается членом-корреспондентом Академии наук Казахской ССР.

Перу Ш. Ш. Сарыбаева принадлежит свыше ста печатных работ. Научные интересы ученого широки. Он изучает проблемы морфологии, лексикологии, лексикографии, этимологии, текстологии, истории языка, прикладной лингвистики, а также монгольско-казахские языковые контакты. Особенно плодотворны разыскания Ш. Ш. Сарыбаева в области казахской диалектологии. Им был организован ряд диалекто-

логических экспедиций, по материалам которых он подготовил «Очерки по казахской диалектологии». Под руководством Ш. Ш. Сарыбаева составлен первый том диалектологического атласа казахского языка, осуществлено издание диалектологического словаря (1969), а также семи выпусков сборника «Вопросы истории и диалектологии казахского языка». В книге «Казахская региональная лексикография» (1976) им рассмотрен ранее не изучавшийся обширный материал, сформулированы некоторые теоретические положения диалектологии тюркских языков.

Из трудов по грамматике особо следует отметить книги «Междометие в казахском языке» (1959) и «Подражательные слова в казахском языке» (1982). Ш. Ш. Сарыбаев участвовал в написании коллективных трудов: «Современный казахский язык. Фонетика и морфология» (1962), «Грамматика казахского языка. Морфология» (1967), «Сопоставительная грамматика казахского и русского языков» (1966).

Важным вкладом в казахскую библиографию является четырехтомный труд Ш. Ш. Сарыбаева «Библиографический указатель литературы по казахскому языкознанию» (1965—1982).

Ш. Ш. Сарыбаев участвовал также в составлении и редактировании различных словарей, он является автором ряда учебников и учебных пособий, в том числе «Казахской диалектологии» (1967—1979), «Практикума по казахской диалектологии» (1967), «Исторической грамматики казахского языка» (1975). Много внимания уделяется им подготовке научных кадров. Под его руководством защищено десять кандидатских диссертаций.

Ш. Ш. Сарыбаев известен и как инициативный организатор науки. Он был первым секретарем Всесоюзной конференции по диалектологии (Алма-Ата, 1973), Всесоюзной тюркологической конференции (Алма-Ата, 1976). Ныне он исполняет обязанности заместителя председателя специализированного совета по защите докторских диссертаций в области тюркских языков, заместителя председателя проблемного научного совета «Закономерности развития казахского языка», члена Всесоюзного научного совета по истории языка и диалектологии.

Коллеги, друзья, ученики желают Шоре Шамгалиевичу Сарыбаеву новых творческих свершений в науке, доброго здоровья, дальнейших успехов в его научной и научно-организационной деятельности.

Ж. А. Аралбаев, М. М. Копыленко

ЛЮДМИЛА АЛЕКСАНДРОВНА ПОКРОВСКАЯ

(К шестидесятилетию со дня рождения)

Исполнилось шестьдесят лет со дня рождения и тридцать семь лет научной деятельности старшего научного сотрудника Ленинградского отделения Института языкознания Академии наук СССР, доктора филологических наук Людмилы Александровны Покровской.

Л. А. Покровская родилась 18 марта 1925 года в Ленинграде. По окончании в 1949 году восточного факультета Ленинградского университета и его аспирантуры Л. А. Покровская приступила к изучению языка и фольклора гагаузов, проживающих на юге Молдавии и в Одесской области Украины. В 1953 году она защитила кандидатскую диссертацию «Песенное творчество гагаузов». Результаты ее исследования были опубликованы позже в седьмом томе трудов Первого международного конгресса балканских исследований под названием «Народные песни гагаузов Молдавии и Украины» (София, 1971).

С 1954 по 1977 год Л. А. Покровская работала в Москве в секторе тюркских языков Института языкознания Академии наук СССР. Ближайшая ученица Н. К. Дмитриева, она продолжила начатую им разработку актуальных проблем гагаузского языкознания, а также устного народного творчества, диалектологии и грамматического строя гагаузского языка. Полевые исследования, проведенные Л. А. Покровской во время многочисленных экспедиций в гагаузские села, позволили ей сформулировать положения о диалектном членении, периодизации развития гагаузского языка, его фонетических и грамматических особен-

ностях, об отношении языка советских гагаузов к языку гагаузов, проживающих в НРБ¹.

Л. А. Покровская принимала активное участие в создании письменности для гагаузов и представила на обсуждение проекты ныне действующего алфавита и правил орфографии², которые получили одобрение Института языкознания АН СССР и Республиканской научной сессии в Кишиневе. Одновременно Л. А. Покровская готовила специалистов по гагаузскому языку, участвовала в координации научно-исследовательской и научно-методической работы по гагаузоведческим проблемам, в составлении и редактировании школьных учебников³ и фольклорных хрестоматий⁴, в организации и проведении диалектологических экспедиций совместно с сотрудниками Академии наук МССР.

Написанная Л. А. Покровской «Грамматика гагаузского языка. Фонетика и морфология» была издана в Москве в 1964 году. Автор систематизировала обширный языковой материал, ввела в научный обиход новые факты, дала научно-лингвистическую трактовку особенностей фонологической, словообразовательной и грамматической системы современного гагаузского языка.

За монографическое исследование «Синтаксис гагаузского языка в сравнительном освещении» Л. А. Покровской в 1974 году была присуждена ученая степень доктора филологических наук. В этом исследовании автору удалось выявить специфические особенности гагаузского языка, его отличительные синтаксические признаки, проследить процесс развития внутривидовых изменений, вскрыть общие закономерности,

¹ Л. А. Покровская. Основные черты фонетики современного гагаузского языка. — «Вопросы диалектологии тюркских языков», т. II, Баку, 1960; *ее же*. О применении понятий «язык» и «диалект» к гагаузскому языку. — Журн. «Лимба ши литература молдавенакэ», 1961, № 3.

² «Правила орфографии гагаузского языка». Составители Л. А. Покровская и Д. Н. Танасоглу. Кишинев, 1958.

³ Н. П. Арабаджи, Л. А. Покровская, Д. Н. Танасоглу. Гагауз дили 4—5-жи класслар ичин. Кишинев, 1959; Д. Н. Танасоглу, Н. Арабаджи. Гагауз дили 5—6-жи класслар ичин. Ред. Л. А. Покровская. Кишинев, 1962.

⁴ «Буджактан сесләр. Литература йазылары». Хазырлайан Д. Н. Танасоглу. Кишинев, 1959.

лежащие в основе влияния иноязычных моделей на синтаксический строй гагаузского языка. Л. А. Покровская убедительно доказала, что синтаксические изменения в гагаузском языке происходили прежде всего на функциональном уровне, в результате семантического сближения и отождествления в языковом сознании говорящих форм и лексико-грамматических единиц родного и контактирующих языков. Это — общая закономерность изменения синтаксической системы под воздействием длительных языковых контактов, сформулированная автором на основе широкого сопоставления фактов гагаузского языка с данными гагаузских говоров Болгарии, балкано-турецких диалектов и неродственных славянских (болгарского, русского) и романских (молдавского, румынского) языков.

Л. А. Покровская деятельно участвовала в создании «Гагаузско-русско-молдавского словаря» (М., 1973). Вместе с Н. А. Баскаковым она возглавила авторский коллектив, разработала инструкцию и принципы составления трехязычного словаря, выход в свет которого стал заметной вехой

в становлении и развитии письменных норм гагаузского литературного языка.

Л. А. Покровская является соавтором второго тома «Языков народов СССР» (М., 1966), коллективной монографии «Историческое развитие лексики тюркских языков» (М., 1961), трудов «Закономерности развития языков народов СССР» (М., 1969), «Взаимодействие и взаимообогащение языков народов СССР» (М., 1969), «Структура и история тюркских языков» (М., 1971), «Тюркологические исследования» (М.—Л., 1963; М., 1976) и др.

Л. А. Покровская многое делает для подготовки научных кадров по гагаузскому и другим тюркским языкам, фольклористике и этнографии гагаузов.

Людмила Александровна Покровская встречает свой юбилей в расцвете творческих сил. Коллеги, друзья и благодарные ученики желают ей доброго здоровья и новых успехов в ее многогранной научной деятельности.

Г. А. Гайдаржи

ХРОНИКА

ОДИННАДЦАТОЕ ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ СОВЕТСКОГО КОМИТЕТА ТЮРКОЛОГОВ

18—19 марта 1985 года в Москве состоялось одиннадцатое пленарное заседание Советского комитета тюркологов.

Заседание открыл председатель Комитета А. Н. Кононов (Ленинград). Собравшиеся почтили минутой молчания память скончавшихся в 1984 году видных тюркологов Зулехи Бакыевны Мухамедовой и Фархада Рамазан оглы Зейналова.

Говоря об успехах отечественной тюркологии в истекшем году, А. Н. Кононов указал, что достижению их в немалой степени способствовал журнал «Советская тюркология», отмечающий в текущем году свое пятнадцатилетие. Это всесоюзное периодическое издание оперативно откликается на все актуальные проблемы, выдвигаемые современной тюркологической наукой.

Участники XI пленума поздравили с юбилейными датами Н. А. Баскакова, Б. А. Се-ребренникова, Б. О. Орузбаеву, Ш. Ш. Сарыбаева, Л. А. Покровскую, Д. М. Насилова.

Доклады, прочитанные на XI пленарном заседании, делились тематически на научно-исследовательские и научно-информативные. В ряде докладов освещалось состояние тюркологических исследований в научных центрах Сибири: «Изучение строя полипредикативных предложений тюркских языков Сибири в типологическом аспекте» М. И. Черемисиной (Новосибирск), «Проблемы изучения Саяно-Алтайского ареала тюркских языков» В. И. Рассадина (Улан-Удэ), «Об изучении якутского языка»* Е. И. Коркиной (Якутск).

Об изучении каракалпакского языка советскими тюркологами рассказал Д. С. Насыров (Нукус). Г. С. Садвакасов (Алма-Ата) ознакомил участников пленума с исследованиями уйгурского языка и литературы, а также их истории, ведущимися в настоящее время в Синьцзян-Уйгурском Автономном районе Китайской Народной Республики*.

Узловым вопросам тюркской грамматики в плане синхронии и диахронии были посвящены доклады В. Г. Гузева и Д. М. Насилова (Ленинград) «Некоторые вопросы теории тюркского словоизменения», Е. И. Убратовой (Новосибирск) «Исключительные и включительные формы повелительного наклонения глагола в якутском языке», Н. З. Гаджиевой (Москва) «Методика создания сравнительно-исторического синтаксиса тюркских языков».

Проблемы истории тюркских литературных языков, а также стилевой дифференциации современных тюркских литературных языков рассматривались в докладах Э. А. Груниной (Москва) «О „смешанности“ языка ранних турецких памятников в плане освоения литературных традиций», Х. Х. Хамидова (Нукус) «О каракалпакском литературном языке дооктябрьского периода», Р. Кунгурова (Самарканд) «О классификации функциональных стилей узбекского литературного языка».

Заместитель председателя Советского комитета тюркологов Э. Р. Тенишев выступил с отчетным докладом Комитета за 1984 год, а также рассказал о наиболее значительных тюркологических публикациях этого года (библиографический перечень приводится ниже).

В соответствии с планом работы Советского комитета тюркологов и в целях улучшения подготовки педагогических кадров для общеобразовательных школ тюркоязычных республик, краев, областей 11—12 октября 1984 года в Чебоксарах была проведена научно-методическая конференция «Совершенствование преподавания общетюркологических дисциплин в вузе»¹.

Девяностолетию со дня рождения основоположника советского туркменского языкознания А. П. Поцелуевского было посвящено совместное заседание сектора

* Доклады, отмеченные звездочкой, публикуются в настоящем номере журнала.

¹ См.: «Советская тюркология», 1984, № 6, стр. 98—100.

тюркских и монгольских языков Института языкознания Академии наук СССР и Советского комитета тюркологов, состоявшееся 31 мая 1984 года в Москве².

Очередное совещание по вопросам диалектологии и истории языка прошло в Ужгороде 18—20 сентября 1984 года³.

Усилия Советского комитета тюркологов, направленные на обеспечение издания пробного тома «Диалектологического атласа тюркских языков СССР» (его составление завершается в 1986 году), пока не увенчались успехом.

Касаясь выполнения темы «Лингвистический атлас Европы», Э. Р. Тенишев сказал, что в 1984 году продолжалась работа над второй частью вопросника (раздел «Морфология») и определением релевантности грамматических и синтаксических явлений в тюркских языках. К настоящему времени представлен весь тюркский и монгольский материал. В 1984 году вышел в свет первый выпуск «Лингвистического атласа Европы» (Эссен, Нидерланды), состоящий из двух томов (т. I — Карты, т. II — Легенды и комментарии к картам).

Успешно продолжается работа по составлению третьего и четвертого томов «Корпуса памятников древнетюркской письменности», а также «Корпуса армянской письменности памятников кыпчакского языка XVI в.».

В процессе подготовки схемы описания тюркоязычных рукописей И. Г. Галаутдинов — ответственный за координацию работы по тюркской полевой, камеральной и энциклопедической археографии Урало-Поволжья, совместно с Р. М. Булгаковым составил и издал «Инструкцию по описанию восточных памятников Башкирии» (Уфа, 1984).

Десятое пленарное заседание Советского комитета тюркологов было проведено 9—10 октября 1984 года в Чебоксарах на базе Чувашского госуниверситета им. И. Н. Ульянова и Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР⁴. Э. Р. Тенишев отметил как положительный момент, что в работе Десятого пленума была широко представлена местная тематика.

По докладу ученого секретаря Комитета Г. Ф. Благовой (Москва) был утвержден план работы Советского комитета тюркологов на 1985 год (публикуется ниже).

Б. Ч. Чарыяров (Ашхабад) рассказал о ходе подготовки IV Всесоюзной тюркологической конференции (Ашхабад, 10—12 сентября 1985 г.).

И. Х. Ахматов (Нальчик), ответственный за проведение выездного Двенадцатого пленума Советского комитета тюркологов

в Нальчике (май 1986 года), предложил посвятить его теме «Полипредикативное предложение в тюркских языках». В настоящее время возникла необходимость в обсуждении этой темы с различных позиций. Так, вопросы формально-семантического анализа предложений с так называемыми включающими и включенными (матричными и нематричными) предикатами⁵ на материале разноструктурных языков интенсивно разрабатываются в последние годы сотрудниками Ленинградского отделения Института языкознания Академии наук СССР. Проблемы полипредикативного предложения и связанного с ним предикативного склонения в разностроенных языках Сибири изучаются новосибирскими языковедами. И. Х. Ахматов внес предложение обсудить на предстоящем пленуме следующие вопросы: 1) выявление лексико-семантических разрядов слов, выступающих в предложениях с предикатными актантами в роли матричных предикатов; 2) структурно-семантическая характеристика предложений с предикатными актантами, определение их особенностей в сравнении с конструкциями, не осложненными предикатными актантами; 3) интерпретация семантики предикатных актантов; 4) определение отличительных формально-семантических особенностей глагольных и именных оборотов в сравнении с предложениями, имеющими матричные предикаты и выступающими в роли придаточной части сложноподчиненного предложения; 5) сравнение валентных свойств нематричных и матричных предикатов, выраженных одинаковыми лексико-семантическими средствами; 6) выявление положительных и отрицательных сторон традиционного учения о развернутых членах предложения, о придаточных предложениях; 7) валентные свойства матричного предиката и форма субъектного компонента тюркского простого предложения и др.

А. Н. Кононов отметил, что наряду с научной тематикой в повестку дня пленарных заседаний Комитета следует включать информацию о работе тюркологов страны.

В прениях принял участие Б. А. Серебренников (Москва), который выступил по докладу В. И. Рассадина и приветствовал заслушивание докладов по итогам подоб-

² См.: «Советская тюркология», 1984, № 3, стр. 104—106.

³ См.: «Совещание по вопросам диалектологии и истории языка (Лингвостатистика на современном этапе и проблемы межкультурного взаимодействия в истории языка). Тезисы докладов». М., 1984.

⁴ См.: «Советская тюркология», 1984, № 6.

⁵ Под включающим предикатом понимается любое слово, занимающее позицию сказуемого и требующее наличия в предложении как минимум одного актанта, являющегося предикатным словом. В роли такого включающего предиката в тюркских языках выступают не только различные отдельные семантические типы глаголов, но и некоторые разряды прилагательных, наречий, модальных слов. В роли включенного предиката (или предикатного актанта) употребляются неличные формы глагола, отдельные семантические типы прилагательного, модальные слова, слова *бар*, *жок*, *кел* и др.

ных исследовательских проблем на пленумах Комитета. Каждая из отличительных черт Саяно-Алтайского языкового союза, вычлененных докладчиком, по мнению Б. А. Серебренникова, представляет собой самостоятельную проблему тюркского языкознания. Аналитически характеризуя каждую из таких черт как явление вторичное, выступивший подчеркнул, что их возникновение обусловлено языковым контактированием в Саяно-Алтайском регионе.

Автор исторических романов писатель В. Бахревский (Евпатория) приветствовал участников пленума и выразил пожелание, чтобы в заседаниях Комитета участвовали тюркоязычные писатели.

Как отметил Т. Д. Меликов (Москва), XI пленум показал, что Советский комитет тюркологов направляет усилия ученых на решение важных проблем, прежде всего в области тюркского языкознания, между тем тюркское литературоведение и история тюркоязычных народов по-прежнему остаются вне поля зрения Комитета. Не уделяется также должного внимания связям с зарубежными тюркологами.

Х. Г. Короглы (Москва), говоря о работе секции литературоведения и фольклористики при Комитете, отметил, что такая важная проблема, как взаимосвязи литератур народов СССР, все еще изучается недостаточно. При издании многотомных собраний фольклора в тюркоязычных республиках остро встает вопрос текстологии, однако соответствующие кадры в вузах страны не готовятся.

Э. Р. Тенишев отметил, что в последние годы активизировалась работа в области сравнительно-исторических исследований. Вышел в свет первый том «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков. — Фонетика». Сектор тюркских и монгольских языков Института языкознания АН СССР подготовил также второй (морфология) и третий (синтаксис) тома; четвертый том (лексика) близок к завершению. Совместно с учеными Венгерской Народной Республики ведется работа над «Основами тюркского языкознания». Сложнее обстоит дело с таким традиционным

для отечественной тюркологии направлением, как исследование и издание памятников старописменных языков. Фактически эта работа прекратилась после публикации А. Н. Кононовым «Шаджара-и таракима» (1958). С. С. Джикия издает такие тексты, но они касаются лишь истории отношений между Грузией и Турцией. В последние годы появились публикации енисейских рунических памятников, выполненные Д. Д. Васильевым. Заслуживает внимания новое направление в тюркской палеографии, рунологии и текстологии, пионером которого является И. В. Кормушин.

В связи с докладом Э. А. Груниной Э. Р. Тенишев сообщил, что на ближайшее пятилетие сектор тюркских и монгольских языков запланировал создание исторических грамматик современных тюркских языков и проведение исследований по истории тюркских литературных языков. В настоящее время перед отечественной тюркологией стоит задача активизировать работу по изданию памятников, изучению тюркских литературных языков, созданию типологии тюркских литературных языков.

Б. А. Серебренников информировал о недавно завершенной им в содружестве с Н. З. Гаджиевой работе над сравнительно-историческим синтаксисом тюркских языков.

В. И. Рассадин, говоря о работах сибирских тюркологов, отметил, что еще мало изучен шорский язык, не создан его словарь.

Е. И. Убрятова предложила издать словарь тофаларского языка, материалы для которого собраны В. И. Рассадиным.

А. Н. Кононов предложил подготовить статьи о состоянии изучения тюркских языков Алтая (В. И. Рассадин) и о работе тюркологов Новосибирска (Е. И. Убрятова).

М. А. Хабишев (Карачаевск) обратил внимание собравшихся на необходимость упорядочения лингвистической терминологии в языках народов СССР.

XI пленарное заседание Советского комитета тюркологов приняло резолюцию (печатается ниже).

ИЗ ЧИСЛА ТЮРКОЛОГИЧЕСКИХ ПУБЛИКАЦИЙ 1983—1984 ГОДОВ

М. С. Джикия. Структура словоформ турецкого языка. Тбилиси, 1984; А. Н. Барулин. Теоретические проблемы описания турецкой именной словоформы. Автореф. канд. дисс. (далее — АКД), М., 1984.

«Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика». М., 1984. «Исследования звуковых систем языков Сибири», Новосибирск, 1984, «Теоретические вопросы фонетики и грамматики языков народов СССР», Новосибирск, 1983; Т. Талипов. Уйгур тили фонетикиси. Алматы, 1984; «Лексико-грамматические вопросы киргизского языка», Фрунзе, 1983.

К. М. Мусаев. Лексикология тюркских языков. М., 1984; «Алтайские этимологии. Сборник научных трудов», Л., 1984; С. Садыков. Монгольско-тюркские языковые параллели. Фрунзе, 1983; Ж. Гузев. Проблематика словника толковых словарей тюркских языков. Нальчик, 1984; А. Хамитова. Туркий тилларда сўз маъносининг аналитик йўл билан кучайтирилиши. Тошкент, 1984; «Русско-узбекский словарь», т. I — А—О, Таш-

кент, 1983; т. II — П—Я, Ташкент, 1984; «Қарақалпақ тилинің түсиндирме сөзлиги», II, Г—К, Нөкис, 1984; Э. М. Мурзаев. Словарь народных географических терминов. М., 1984; Р. М. Бирюкович. Лексика чулымско-тюркского языка. Саратов, 1984; А. Г. Шайхулов. Татарские и башкирские имена тюркского происхождения. Уфа, 1983; Е. Ф. Васильева. Синонимсен словарь. Шупашкар, 1983; Г. К. Велиева. Лексика восточноапперонских говоров азербайджанского языка (в сравнительно-историческом освещении). АКД, Баку, 1984; К. Конкобаев. Топонимия Южной Киргизии. АКД, М., 1983.

К. М. Абдуллаев. Теоретические проблемы синтаксиса азербайджанского языка. Автореф. докт. дисс. (далее — АДД), Баку, 1984; «Предикативное склонение причастий в алтайских языках», Новосибирск, 1984; «Семантико-синтаксические связи в языках различных систем». Кемерово, 1983; Ш. Ч. Саг. Амгы тыва литературалуг дыл. Синтаксис. Кызыл, 1983; И. Х. Ахматов. Структурно-семантические модели простого предложения в карачаево-балкарском языке (Основные вопросы теории). Нальчик, 1983; Р. Г. Сибатогов. Теория предикативности (на материале татарского языка). Саратов, 1984; А. Р. Сайфуллаев. Семантико-грамматические особенности членов предложения в современном узбекском языке. Ташкент, 1984; Т. Гузичев. Туркмен дилинің язув яды-гэрликлеринде йөнекей сөзлемлер. Ашгабат, 1984; М. Туропова. Узбек шевалари синтаксиси (қордуқ лаҳжаси материаллари асосида). Тошкент, 1984.

Сб. «Алтайский язык на современном этапе его развития», Горно-Алтайск, 1984; «Актуальные проблемы советского уйгуроведения. Материалы Первой республиканской уйгуроведческой конференции», Алма-Ата, 1983; «Қарақалпақ тил билими мәселелери», Нөкис, 1983; F. Садвақасов. Уйгур тили. Алмута, 1984; его же. Уйгур әдебий тилинің графикиси билә имласи. Алмута, 1984.

М. Муқаррамов. Ҳозирги ўзбек адабий тилининг илмий стили. Тошкент, 1984; Э. Хужаниязов. Семантико-стилистические особенности атрибутивных словосочетаний в научном и художественном стилях речи узбекского литературного языка. АКД, Ташкент, 1984.

Г. А. Абдурахмонов, А. Рустамов. Навоий тилининг грамматик хусусиятлари. Тошкент, 1984; «Исследования старотюркских письменных памятников», Алма-Ата, 1983; «Историко-лингвистический анализ старописьменных памятников», Казань, 1983; «Алишер Навоий асарлари тилининг изохли лугати», Тошкент, I, 1983, II — 1984, III — 1984.

«Вопросы диалектологии тюркских языков», Уфа, 1984; «Ўзбек халқ шевалари морфологияси», Тошкент, 1984; Қ. Муҳаммаджонов. Жанубий Қозғистондаги ўзбек шевалари морфологияси. Тошкент, 1983; Д. Б. Рамазанова. Формирование татарских говоров Юго-Западной Башкирии. Казань, 1984; «Материалы по татарской диалектологии», 5, Казань, 1983; Л. Ш. Арсланов. Формирование островных говоров татарского языка. Казань, 1983; К. Н. Рахимова. Узбекские говоры Туркменской ССР. АКД. Ташкент, 1984.

«История туркменской литературы», т. VI, кн. 2, Ашхабад, 1984; «Башкирская литература начала XX века», кн. 2. Проза. Драматургия. Уфа, 1984; Г. Б. Хусаинов. Голос веков. Очерки по истории, теории и исторической поэтике башкирской литературы. Уфа, 1984; «Манас. Киргизский исторический эпос», кн. I. Текст, перевод, приложения. Перевод А. С. Мирбадалевой, Н. В. Кидайш-Покровской, М., 1984; М. К. Нурмухамедов. Сказки А. С. Пушкина и фольклор народов Средней Азии (сюжетные аналогии, переключки образов), Ташкент, 1983; «Борынгы татар фольклоры мәсәләләре», Казань, 1984.

«История Узбекистана в источниках». Составитель Б. В. Луний. Ташкент, 1984; «Болгары и чуваш», Чебоксары, 1984; С. С. Губаева. Этнический состав населения Ферганы в конце XIX—начале XX в. (по данным топонимии). Ташкент, 1983; Н. А. Баскаков. Народный театр Хорезма. Ташкент, 1984; Д. К. Валеева. Искусство волжских булгар (X — начало XIII вв.). Казань, 1983.

Г. Ф. Благова

ПЛАН РАБОТЫ СОВЕТСКОГО КОМИТЕТА ТЮРКОЛОГОВ НА 1985 ГОД

1. Проведение IV Всесоюзной тюркологической конференции.

Исполнители: Институт языка и литературы АН Туркменской ССР, Отделение литературы и языка АН СССР, Советский комитет тюркологов, сектор тюркских и монгольских языков Института языкознания АН СССР.

Срок проведения: 10—12 сентября 1985 г.

2. Подготовка к проведению Третьего рабочего совещания этимологов в Алма-Ате.

Исполнители: Институт языкознания АН Казахской ССР (А. Т. Кайдаров, Е. З. Кажибеков); сектор тюркских и монгольских языков Института языкознания АН СССР.

Срок: 1986 г.

3. Составление макета пробного тома «Диалектологического атласа тюркских языков СССР».

Исполнители: сектор языков народов Сибири отдела филологии ИИФиФ Сибирского отделения АН СССР (Е. И. Убрятова, Н. Н. Широбокова, Т. А. Андреева). Научный консультант по лингвистическому картографированию М. А. Бородина.
Срок: 1986 г.

4. Участие в разработке и составлении «Лингвистического атласа Европы» (тюркоязычные районы европейской части СССР).

Исполнители: Э. Р. Тенишев, диалектологи Татарской АССР, Чувашской АССР, Башкирской АССР, Молдавской ССР, Кабардино-Балкарской АССР, Карачаево-Черкесской АО.

5. Подготовка третьего и четвертого томов «Корпуса памятников древнетюркской письменности» — «Рунические памятники Монголии» и «Рунические памятники Средней Азии».

Исполнители: III том — Тюрко-монгольский кабинет ЛО ИВ АН СССР (С. Г. Кляшторный), IV том — Отдел письменных памятников народов Востока ИВ АН СССР (Д. Д. Васильев) и АН Киргизской ССР.

Срок: 1979—1988 гг.

6. Подготовка «Корпуса армянописьменных памятников кыпчакского языка XVI в.» (в двух частях, общий объем — 40 а. л.).

Исполнитель: ИЯЛИ Казанского филиала АН СССР (И. А. Абдуллин).

Срок: 1980—1985 гг.

7. Подготовка «Корпуса древнерусских сообщений о тюркских народностях (до монгольского нашествия)».

Исполнитель: Я. Р. Дашкевич (Львов).

Срок: 1985—1990 гг.

8. Участие в перспективном планировании тюркологических исследований по языкознанию в академических научных учреждениях союзных республик.

Исполнители: сектор тюркских и монгольских языков Института языкознания АН СССР.

Срок: 1981—1986 гг.

9. Участие в перспективном планировании тюркологических исследований по литературоведению и фольклористике в академических научных учреждениях союзных республик.

Исполнители: секция литературоведения и фольклористики СКТ.

Срок: 1981—1986 гг.

10. Участие в совместной работе проблемной комиссии по теории и истории литературных языков при Институте языкознания АН СССР (руководитель М. М. Гухман) в целях активизации исследований по истории тюркских литературных языков.

Исполнитель: Э. Р. Тенишев.

Срок: 1981—1986 гг.

11. Учет публикаций тюркоязычных рукописей и текстологических исследований.

Исполнители: сектор тюркских и монгольских языков Института языкознания АН СССР.

Срок: 1981—1986 гг.

12. Проведение XI пленарного заседания Советского комитета тюркологов.

Исполнители: Бюро СКТ (А. Н. Кононов, Э. Р. Тенишев, Г. Ф. Благова).

Срок: март 1985 г.

13. Подготовка выездного XII пленарного заседания Советского комитета тюркологов в г. Нальчике.

Исполнители: Бюро СКТ (А. Н. Кононов, Э. Р. Тенишев, Г. Ф. Благова), Карачаево-Балкарский госуниверситет (И. Х. Ахматов).

Срок: май 1986 г.

РЕЗОЛЮЦИЯ

XI ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ СОВЕТСКОГО КОМИТЕТА ТЮРКОЛОГОВ

Москва, 19 марта 1985 года

Очередное пленарное заседание Советского комитета тюркологов проходило в завершающем году XI пятилетки, отмеченном знаменательной датой — 40-летием Победы советского народа в Великой Отечественной войне, и в преддверии XXVII съезда КПСС. Линия партии на всемерное совершенствование всех сторон жизни нашего обще-

ства, неизменность которой подтверждена решениями внеочередного мартовского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС, обязывает советских тюркологов неуклонно повышать качественный уровень своей теоретической и практической работы, добиваться постановки крупных научных проблем, внедрять и совершенствовать практику координирования и кооперации коллективных исследований.

На пленуме обсуждались актуальные проблемы научно-исследовательской работы в тюркологических центрах страны: теоретические вопросы тюркского синтаксиса и словоизменения в синхронии и диахронии, разработка методики сравнительно-исторических исследований тюркских языков, ареальное обследование языков Саяно-Алтайского региона, изучение истории тюркских литературных языков.

Пленум с удовлетворением принял информацию о большой работе, проделанной в научных центрах Сибири и Средней Азии — Новосибирске, Якутске, Улан-Удэ, а также в Нукусе и Самарканде. По установившейся традиции эта информация будет публиковаться на страницах журнала «Советская тюркология». В связи с этим было отмечено, что этот всесоюзный периодический орган, с момента издания первого номера которого прошло пятнадцать лет (1970—1984), вносит большой вклад в повышение взаимной информированности тюркологов о ведущейся в разных городах страны научно-исследовательской работе.

Пленум одобрил деятельность Советского комитета тюркологов за отчетный 1984 год.

XI пленум СКТ постановил:

1. Одобрить деятельность журнала «Советская тюркология» за истекшие пятнадцать лет его существования. Издание журнала заметно способствовало координированию и кооперированию проводимых в стране тюркологических исследований, активизации научных контактов с зарубежными учеными. Выражая признательность редакции, руководимой главным редактором М. Ш. Ширалиевым и заместителем главного редактора И. С. Сеидовым, признать необходимой скорейшую ликвидацию задержки выпуска в свет номеров журнала «Советская тюркология».

2. Учитывая заметное продвижение в разработке узловых вопросов теории тюркской грамматики (что достигнуто в соответствии с ранее принятыми решениями Третьей всесоюзной тюркологической конференции, Ташкент, 1980 г.), посвятить XII пленум СКТ (Нальчик, май 1986 г.) обсуждению следующих проблем: а) полипредикативное предложение в тюркских языках; б) состояние лингвистических исследований в кавказском регионе; в) изучение литератур и фольклора в кавказском регионе.

3. Принять к сведению информацию о подготовке к проведению Четвертой всесоюзной тюркологической конференции (Ашхабад, 10—12 сентября 1985 г.), и считая, что она должна явиться очередным смотрам последних достижений советской тюркологии, пленум обращает внимание руководителей всех научно-исследовательских центров на необходимость качественной подготовки докладов и желательность их апробации на местах.

4. Считать целесообразной разработку долгосрочной целевой программы фонетического инструментального обследования тюркских языков и диалектов страны по единой методике с учетом положительного опыта Лаборатории экспериментальной фонетики при Институте истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР.

5. Считать необходимым усилить исследование малоизученных тюркских языков Сибири, прежде всего шорского языка и его диалектов. Подготовить первый в истории тюркского языкознания шорско-русский словарь; составление словаря поручить Б. И. Рассадину и Э. Ф. Чистякову на базе имеющихся у них богатых материалов. Считать целесообразным скорейшее издание тофаларско-русского словаря, подготовленного В. И. Рассадиным.

6. В целях повышения эффективности связей советских тюркологов с зарубежными научными тюркологическими центрами, а также дальнейшего расширения и укрепления международных научных контактов считать целесообразным создание специальной группы при СКТ (И. В. Кормушин, Т. Д. Меликов).

«ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ КОНЦА XIX—НАЧАЛА XX ВЕКА»

30 мая 1984 года на заседании специализированного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при ордена Дружбы народов Институте литературы им. Низами Академии наук Азербайджанской ССР состоялась защита докторской диссертации «Проблемы

развития азербайджанской художественной прозы конца XIX—начала XX в.», представленной старшим научным сотрудником отдела азербайджанской литературы начала XX века этого института Мамедовым Афатуном Юнус оглы.

В диссертации впервые в историко-литературном и научно-теоретическом аспекте обобщены и системно исследованы пути развития и актуальные проблемы азербайджанской художественной прозы конца XIX—начала XX века. Диссертантом многоаспектно и обобщенно прослеживаются основные ветви азербайджанской художественной прозы, становление и эволюция традиционных (путевые записи, письма, трактаты, фантастические и приключенческие произведения), а также зарождение и развитие новых прозаических жанров (новелла, пародия, памфлет, роман) в азербайджанской литературе. Различные проблемы развития

классической азербайджанской прозы, ее отдельные идейно-творческие вопросы исследуются в диссертации в сравнительном аспекте.

Работа А. Ю. Мамедова посвящена сложному, творчески богатому периоду истории азербайджанской литературы и впервые освещает ряд важных вопросов классической литературы. Метод и принципы исследования, положенные в основу диссертации, несомненно, могут быть использованы при изучении классической прозы и других литератур народов Ближнего и Среднего Востока, особенно тюркоязычных.

Официальные оппоненты — член-корреспондент АН Азербайджанской ССР Б. А. Набиев, д-ра филол. наук, профессора Ф. Дж. Гусейнов и А. М. Алмамедов, а также выступившие на защите члены-корреспонденты АН Азербайджанской ССР А. М. Мирахмедов и К. А. Талыбзаде, д-ра филол. наук, профессора К. Д. Мамедов и Г. Халилов отметили, что диссертационная работа А. Ю. Мамедова является ценным исследованием в области изучения истории азербайджанской художественной прозы.

Специализированный совет принял решение ходатайствовать перед ВАК СССР о присуждении А. Ю. Мамедову искомой ученой степени.

Решением ВАК СССР от 12 апреля 1985 года (протокол № 12д/5) А. Ю. Мамедову присуждена ученая степень доктора филологических наук.

И. Г.

«АЗЕРБАЙДЖАНСКО-ПРИБАЛТИЙСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ»

21 сентября 1984 года на заседании специализированного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при ордена Дружбы народов Институте литературы им. Низами Академии наук Азербайджанской ССР состоялась защита докторской диссертации «Азербайджанско-прибалтийские литературные

связи», представленной заведующим от-

делом литературных, культурных и научных взаимосвязей республиканского Дворца дружбы народов СССР Академии наук Азербайджанской ССР Арзумановым Вагифом Минад оглы.

Диссертация является первым обобщающим исследованием, посвященным связям литературы Азербайджана с литературами прибалтийских народов. В ней устанавливаются и прослеживаются этапы развития этих связей.

В работе большое внимание уделяется вопросу типологической общности проблемно-тематических направлений и жанрово-стилистических элементов в литературах Азербайджана, Латвии, Литвы и Эстонии. Проведенное исследование раскрывает но-

вые возможности сравнительного изучения литератур народов СССР, устанавливая факты тесных и конструктивных связей между литературами народов, территориально отдаленных друг от друга и принадлежащих к разным языковым системам. Основные положения и выводы диссертации опираются на убедительные факты, теоретически обоснованы и могут быть с успехом использованы в дальнейшем для полного и всестороннего раскрытия взаимосвязей азербайджанской и прибалтийских литератур.

Официальные оппоненты — член-корреспондент АН Азербайджанской ССР А. Ф. Заманов, д-ра филол. наук В. А. Валейнис и В. С. Кубилюс, а также выступившие на заседании члены-корреспонденты АН Азербайджанской ССР Б. А. Набиев, АН Литовской ССР И. И. Ланкутис, д-р филол. наук, проф. А. М. Агаев, д-ра филол. наук В. Х. Хаусманис, Э. И. Нирк и другие отметили, что диссертационная работа В. М. Арзуманова является ценным исследованием литературных взаимосвязей Азербайджана и народов Прибалтики.

Специализированный совет принял решение ходатайствовать перед ВАК СССР о присуждении В. М. Арзуманову искомой ученой степени.

Решением ВАК СССР от 12 апреля 1985 года (протокол № 12д/7) В. М. Арзуманову присуждена ученая степень доктора филологических наук.

И. Я. Гамидов

«СОВРЕМЕННОЕ КАЗАХСКОЕ УСТНО-НАРОДНОЕ И ИНДИВИДУАЛЬНОЕ ТВОРЧЕСТВО (ЖАНРОВЫЙ СОСТАВ И СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ)»

3 октября 1984 года на заседании специализированного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Институте языка и литературы им. А. С. Пушкина Академии наук Узбекской ССР состоялась защита докторской диссертации

«Современное казахское устно-народное и индивидуальное творчество (жанровый состав и структурно-функциональные особенности)», представленной старшим научным сотрудником Института литературы и искусства им. М. О. Ауэзова Академии наук Казахской ССР Турекуловым Нысанбеком.

В диссертации рассматриваются жанровая специфика, типология и поэтика современного казахского устно-народного творчества. Жанры казахского фольклора анализируются как целостная система в единстве их структурно-функциональных особенностей и идейно-эстетического содержания.

Важным достоинством диссертации является то, что диссертанту удалось значительно углубить исследование и расширить охват проблем казахского фольклора по сравнению с прежними работами, посвященными данной теме.

Диссертант дает свое определение функции жанров устно-поэтического творчества казахов, прослеживает трансформацию традиционных жанров фольклора в современных условиях.

По теме диссертации Н. Турекуловым изданы пять книг, из которых монография «Современный казахский фольклор» (1982) используется в качестве учебника на филологических факультетах вузов республики.

Официальные оппоненты: д-ра филол. наук, профессора З. С. Кедрина, К. М. Максетов и А. Конратбаев дали высокую оценку диссертации.

Специализированный совет принял единогласное решение ходатайствовать перед ВАК СССР о присуждении Н. Турекулову искомой ученой степени.

Решением ВАК СССР от 12 апреля 1985 года (протокол № 12д/4) Н. Турекулову присуждена ученая степень доктора филологических наук.

К. Саттаров

НЕКРОЛОГ

АХМЕД САФАЕВИЧ САФАЕВ

30 марта 1985 года скончался видный узбекский языковед доктор филологических наук, профессор Ахмед Сафаевич Сафаев.

А. С. Сафаев родился в Ташаузе в 1915 году в семье кустика-сапожника. По окончании в 1938 году педтехникума он работал учителем русского языка, биологии и математики в г. Ташаузе.

В 1941 году А. С. Сафаев окончил Ташкентский госпединститут — факультет русского языка и литературы. После этого он работал преподавателем русского языка и директором средней школы.

С сентября 1943 года до конца войны А. С. Сафаев находился в действующей армии. После демобилизации до 1949 года он

работал в Ташаузском учительском институте старшим преподавателем, деканом отделения языка и литературы. С 1949 по 1954 год А. С. Сафаев — старший преподаватель и заведующий кафедрой языка и литературы Ташкентского театрального института. С 1954 по 1962 год он работает на межфакультетской кафедре русского языка ТашГУ и преподает русский язык. В 1962 году А. С. Сафаев защищает кандидатскую диссертацию «Главные члены простого предложения в узбекском языке». С 1962 по 1980 год А. С. Сафаев заведует кафедрой русского языка Ташкентского института народного хозяйства. Здесь же он защищает докторскую диссертацию «Второстепенные члены предложения в узбекском языке», в которой им была предложена новая концепция членения предложения, позволявшая охватить почти все языковые (синтаксические) явления, выходящие за обычную схему традиционного языкознания. Этой проблеме была посвящена его монография «Исследования по синтаксису узбекского языка» (Ташкент, 1971). В дальнейшем автор более подробно и всесторонне изложил свою концепцию в монографии «Семантико-синтаксическое членение в узбекском языке» (Ташкент, 1977).

Наряду с научно-теоретическими исследованиями А. С. Сафаев продолжал заниматься педагогической работой, отдавая ей много сил и энергии.

Под руководством А. С. Сафаева защищен целый ряд кандидатских диссертаций.

Многочисленные коллеги, друзья и ученики навсегда сохраняют благодарную память об А. С. Сафаеве, до конца дней своих верно и преданно служившем отечественной науке.

Ш. Ш. Шаабдурахманов,

Л. В. Данилова

СОДЕРЖАНИЕ

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

- В. Г. Гузев (Ленинград). Некоторые вопросы теории тюркского словоизменения в функционально-семантическом аспекте 3

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

- Е. М. Мотузенко (Бельцы). О турецком влиянии на формирование рыболовецкой терминологии Причерноморья 12

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

- М. С. Фомкин (Ленинград). Вопросы эвфонии тюркской газели Султана Веледа 21

ОНОМАСТИКА

- В. А. Бушаков (Аскания-Нова). Термины, обозначающие селения и крепости, в топонимии Крыма 28
К. А. Мизиев (Москва). О потамониме arğu 38

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

- А. Аблаков (Кзыл-Орда). К грамматической характеристике управления как способа связи в казахском языке 42

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

- Л. Керимов (Баку). Современные тенденции в развитии лексики азербайджанского языка 52
В. И. Асланов, З. М. Бунятов (Баку). Старейший тюркско-арабский словарь 60
Х. Хамидов (Нукус). О каракалпакском литературном языке дооктябрьского периода 66
Е. И. Коркина (Якутск). Об изучении якутского языка 74
Г. Садвакасов (Алма-Ата). Изучение уйгурского языка в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР 81

РЕЦЕНЗИИ

- А. Н. Кононов (Ленинград). «Турецко-русский словарь (Неологизмы)» 86
Х. Г. Нигматов (Бухара), А. Нурманов, Э. Дадаходжаев (Андижан). Дж. Буранов. Сравнительная типология английского и тюркских языков 87
А. Рустамова (Баку). Е. И. Маштакова. Турецкая литература конца XVII—начала XIX в. 89

А. А. Камалов, Р. З. Шакуров (Уфа). А. Г. Шайхулов. Татарские и башкирские личные имена тюркского происхождения	91
---	----

PERSONALIA

Е. А. Поцелуевский, Э. Р. Тенишев (Москва). Николай Александрович Баскаков	94
Н. Дж. Мамедов (Баку). Азиз Шариф.	96
Ж. А. Аралбаев, М. М. Копыленко (Алма-Ата). Шора Шамгалиевич Сарыбаев .	98
Г. А. Гайдаржи (Бельцы). Людмила Александровна Покровская	99

ХРОНИКА

Г. Ф. Благова (Москва). Одиннадцатое пленарное заседание Советского комитета тюркологов	101
«Проблемы развития азербайджанской художественной прозы конца XIX—начала XX века»	107
«Азербайджанско-прибалтийские литературные связи»	107
«Современное казахское устно-народное и индивидуальное творчество (жанровый состав и структурно-функциональные особенности)»	108

НЕКРОЛОГ

Ахмед Сафаевич Сафаев	109
---------------------------------	-----

CONTENTS

STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE

V. G. Guzev (Leningrad). Some questions of Turkic inflexion theory in functional semantical aspect	3
--	---

LANGUAGES IN CONTACT

Y. M. Motuzenko (Beltsy). On Turkic influence over the Black sea-side fishing terminology formation	12
---	----

QUESTIONS OF LITERARY CRITICISM

M. S. Fomkin (Leningrad). Problems of euphony of Turkic ghazal by Sultan Veled	21
--	----

ONOMASTICS

V. A. Bushakov (Askania-Nova). Terms for denotation of villages and fortresses in the toponymy of the Crimea	28
K. A. Miziyeu (Moscow). On potamonym argu	38

DISCUSSIONS

A. Ablakov (Kzyl-Orda). Towards grammatical characteristics of government as a means of connection in the Kazakh language	42
---	----

REPORTS, SURVEYS

L. Kerimov (Baku). Modern trends in the development of the Azerbaijan language vocabulary	52
V. I. Aslanov, Z. M. Buniyatov (Baku). The oldest Turkic-Arabic dictionary	60
Kh. Khamidov (Nukus). On Karakalpak literary language of the pre-October period	66
F. I. Korkina (Yakutsk). On mastering of the Yakut language	74
G. Sadvakasov (Alma-Ata). Study of the Uigur language in SUAR, China	81

REVIEWS

- A. N. Kononov (Leningrad). «Турецко-русский словарь (Неологизмы)» 86
 Kh. G. Nigmatov (Buhara), A. Nurmanov, E. Dadakhodjayev (Andijan). Дж. Бу-
 ранов. Сравнительная типология английского и тюркских языков 87
 A. Rustamova (Baku). Е. И. Маштакова. Турецкая литература конца XVII—на-
 чала XIX в. 89
 A. A. Kamalov, R. Z. Shakurov (Ufa). А. Г. Шайхулов. Татарские и башкирские
 личные имена тюркского происхождения 91

PERSONALIA

- E. A. Potseluyevski, E. R. Tenishev (Moscow). Nikolay Alexandrovich Baskakov 94
 N. J. Mamedov (Baku). Aziz Sharif 96
 J. A. Aralbayev, M. M. Kopilenko (Alma-Ata). Shora Shamgalievich Saribaev 98
 G. A. Gaidarji (Beltsi). Ludmila Alexandrovna Pokrovskaya 99

CHRONICLE

- G. F. Blagova (Moscow). XI-th plenary session of the Soviet Committee of tur-
 kologists 101
 «Problems of the development of the Azerbaijan literary prose of the late XIX—
 early XX» 107
 «Azerbaijan — Baltic literary connections» 107
 «Modern Kazakh folk-lore and individual creative work» 108

OBITUARY

- Ahmed Safayevich Safayev 109

© «Советская тюркология», 1985 г.

Технический редактор Б. А. Абдуллаев

Корректоры А. Е. Сорокина, Г. В. Жилин

Сдано в набор 28.07.85 г. Подписано к печати 24.09.85 г. ФГ 20504. Формат бумаги
 70×108¹/₁₆. Бум. л. 3,5. Физ. печ. л. 11,2. Уч. изд. л. 10,4.
 Заказ 5643. Тираж 2560. Цена 1 руб. 10 к.

Типография издательства «Коммунист», ул. Авакяна, 529 квартал.